

МИХ. ЛЕМКЕ

ДУМЫ

ЖУРНАЛИСТА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНИЕ М. В. ПИРОЖКОВА

Вас. Остр., 3 л., д. 10

—
1903

Ленке, Миклош
Контрабандист

ДУМЫ ЖУРНАЛИСТА

Tacks
Feb
alt- Sneh St Pub Lib
7-25-74
1 073125-293

«Паче всего люби родную литературу
и званіе литератора предпочтай всякому
другому».

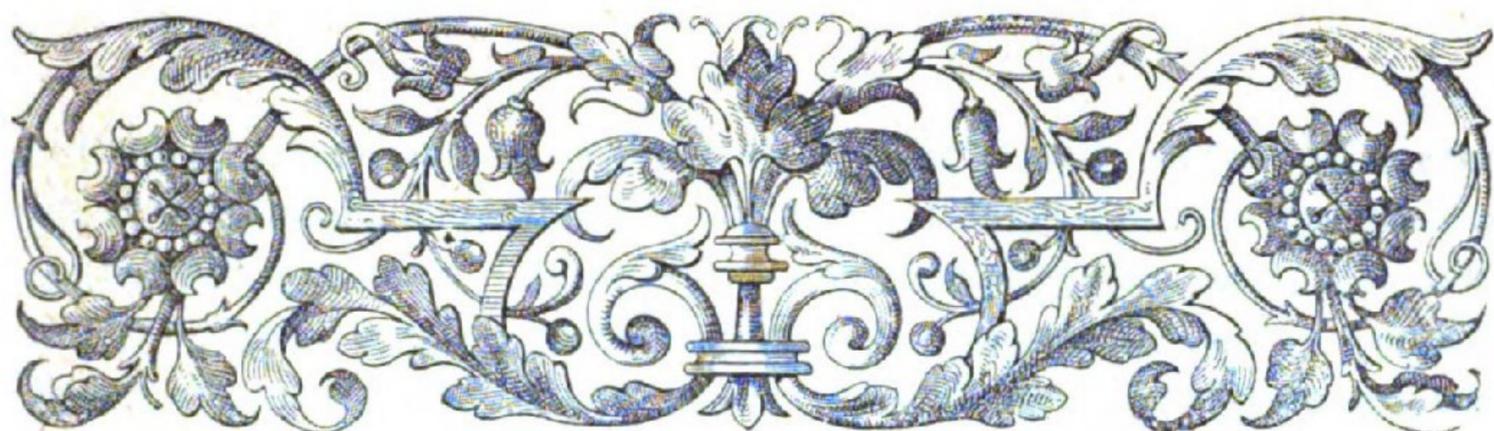
Салтыковъ.

«Я очень цѣню и размышленія г. Мереж-
ковскаго о символистахъ, и взгляды г. Спа-
совича на Гёте, но, признаюсь, одинъ ма-
ленькій рефератъ о литературной чести съ
иллюстраціями изъ русской дѣйствитель-
ности я прослушалъ бы съ большимъ удо-
вольствіемъ».

Михайловскій.

«Рисуютъ тѣни, свѣта никогда не ри-
суютъ».

Берне.

Не надо быть особенно наблюдательнымъ и обладать выдающеюся способностью дѣлать обобщенія, чтобы не замѣтить одной черты, общей всей русской журналистикѣ. Это — почти полное игнорированіе условій и обстановки ея собственной современной дѣятельности. Нѣсколько статей о statu quo цензуры и свободѣ печати, нѣсколько статей, посвященныхъ отдѣльнымъ вопросамъ и единичнымъ фактамъ сложной жизни журналистики—вотъ все, что пока у насъ есть. Широкаго освѣщенія этой жизни, вдумчиваго анализа очень разнообразныхъ нуждъ и потребностей журналистики, ея болѣзней и язвъ, разоблаченія того закулиснаго міра, который скрывается за нѣкоторыми печатными листами—ничего этого почти нѣтъ, особенно въ сколько-нибудь систематизированномъ, обобщенномъ видѣ. Мало ли, много ли, но мы говоримъ обо всемъ, о чемъ еще *можемъ* говорить—и это, конечно, наша громадная заслуга,—молчимъ же *добровольно* только о журналистикѣ, о самихъ себѣ, о своей собственной рубашкѣ. Неужели потому, что послѣдняя не такъ близка къ нашему тѣлу? Неужели не о чемъ говорить? Можетъ быть, неинтересно? Или бесполезно?

Разумѣется, на всѣ эти и другіе аналогичные вопросы можно и должно отвѣчать только отрицательно. «Какъ ни высоко цѣнимъ мы значеніе литературы, но все еще не цѣнимъ

его достаточно: она неизмѣримо важнѣе почти всего, что старится выше нея». Этимъ словамъ Чернышевскаго полвѣка, но мы все еще не усвоили ихъ достаточно твердо. Журналистика — такая крупная и значительная область культурной жизни личности и общества; такое всеобъемлющее, по своей идеѣ, проявленіе умственной, нравственной и граждански-политической ихъ зрѣлости; такое колоссальное средство для поднятія въ человѣкѣ интересовъ не только своей собственной колокольни; такое, наконецъ, громадное, по вкладываемымъ въ него силамъ свободныхъ интеллигентныхъ людей, дѣло, что ея нужды и интересы не могутъ не быть нуждами и интересами всего общества, а ея болѣзни и язвы должны побуждать каждого члена общества стремиться къ ихъ излѣченію. Лѣчить журналистику значитъ лѣчить общественную жизнь, значитъ создавать болѣе нормальныя условія проявленія общественного мнѣнія. А въ послѣднемъ-то и самое важное значеніе журнализма. По совершенно вѣрному замѣчанію Б. Чичерина, — «нѣтъ болѣе могущественнаго орудія для образованія общества мнѣнія. Серьезныя книги вообще не читаются массою; добытые ими результаты нужно размѣнять на мелкую монету, чтобы сдѣлать ихъ доступными огромному большинству людей. Это — одна изъ задачъ журнализма. Онъ распространяетъ политическую мысль въ краткой и общепонятной формѣ посредствомъ непрерывнаго повторенія, что всего сильнѣе дѣйствуетъ на обыкновенныя умы. Доставляя публикѣ ежедневную пищу, онъ дѣлаетъ политическіе интересы насущною потребностью общества. Книги выходятъ рѣдко, читаются и часто забываются; журнализмъ поддерживаетъ постоянное участіе къ дѣлу, постоянное напряженіе мысли. Наконецъ, при непрерывномъ теченіи дѣлъ онъ одинъ можетъ соединить разсѣянныя сужденія въ общее направленіе. Особенность нашего вѣка и отличіе его отъ всѣхъ предыдущихъ историческихъ эпохъ ни въ чемъ не проявляются такъ ярко, какъ въ чрезвычайномъ развитіи журнализма. Имъ массы призываются къ умственной дѣятельности; посредствомъ него мысль проникаетъ всюду, быстро облетая не только цѣлую страну, но

и противоположные концы міра. Здѣсь является возможность такого общаго возбужденія и такого совокупнаго дѣйствія общественныхъ силъ, какъ ни при какихъ другихъ условіяхъ»¹⁾).

Но и я не ставлю своей цѣлью всестороннее, всюду вскрывающее самую подоплеку явленій и вопросовъ изложеніе. Я ограничиваюсь своимъ собственнымъ опытомъ, собственными внимательными наблюденіями, своими мыслями. Моя работа не есть, разумѣется, характеристика *всей* печати, мои впечатлѣнія субъективны. И, все-таки, я думаю, что она прольетъ свѣтъ на очень и очень многое. Предвижу, что нѣкоторыми господами мнѣ будутъ дѣлаться упреки за выметаніе сора изъ литературной избы, но развѣ есть такой соръ и такая изба, которыхъ бы не слѣдовало разлучать? Тѣмъ, кто будетъ возражать наличностью свѣтлыхъ явленій, — а ихъ много, къ счастью! — отвѣтитъ прежде всего одинъ изъ эпитафировъ.

Впрочемъ, такъ какъ эти слова Берне являются краткимъ выраженіемъ самаго метода моей работы, я готовъ дать имъ болѣе подробное объясненіе. Передъ человѣкомъ, собравшимся говорить о нашей журналистикѣ, лежатъ двѣ ея неравныя области: положительная и отрицательная. Полный ея обзоръ, всесторонняя характеристика не могутъ быть совмѣщены съ концентрированіемъ вниманія на одной изъ областей. Ну, а если не полный? Тогда, разумѣется, одна изъ нихъ: или шуйца, или десница. Имѣеть-ли, однако, журналистъ на это право? По-моему, да. Врачъ лѣчитъ больного, съ здоровыми ему дѣлать нечего. Каждый журналистъ, становясь въ положеніе публициста по любому вопросу окружающей его жизни, все свое вниманіе обращаетъ на то, что требуетъ измѣненій, поправокъ, реформъ, и если онъ не того пресловутаго литературнаго толка, который, выискавъ «свѣтлыя явленія», старается вызвать и «бодрящія впечатлѣнія», — онъ никогда не занимается славословіемъ существующаго, ему и безъ того работы по горло. Что хорошо, то вполне нормально для прогрессирующей общественной жизни, и говорить о немъ значитъ ломиться въ открытую дверь. Обществу, по крайней мѣрѣ, такая работа не

¹⁾ «О народномъ представительствѣ», 1899 г., 656.

нужна: оно само видитъ хорошее и всегда само умѣетъ его оцѣнить. Впрочемъ, пусть даже такое объясненіе своихъ обязанностей неправильно, — но оно традиціонно, и не одинъ изъ журналистовъ иначе не поступаетъ. Почему же поступить не такъ тому, кто въ качествѣ объекта своего изслѣдованія беретъ самое журналистику, какъ одну изъ крупнѣйшихъ областей общественной жизни? Публицисты «недѣлинскаго» толка повесили уже достаточное осужденіе, къ ихъ способу работы уже никто не прибѣгаетъ, по крайней мѣрѣ, сколько-нибудь систематически. Наконецъ, можно ли серьезно говорить о томъ, что кто-либо изъ насъ, журналистовъ, не въ правѣ избрать лишь ту или другую область жизни, одну ея сторону? Важно только, чтобы это не прикрывалось «всесторонностью». Свобода — необходимое условіе честной работы. Пусть кто-нибудь другой возьмется за «свѣтъ»; по-моему, повторяю, это обществу *сейчасъ* не нужно. Солнце ничѣмъ не освѣтишь. Публицистъ—врачъ, печать—клиника. Обоимъ съ здоровыми дѣлать нечего. Здоровые живутъ внѣ лѣчебницъ и больницъ.

Если въ моей книжкѣ читатель не найдетъ «свѣтлыхъ явленій» и не получитъ «бодрящихъ впечатлѣній», то это, конечно, далеко не значить, что они отсутствуютъ въ жизни русской журналистики. Нѣтъ! Съ гордостью, съ полнымъ правомъ, совершенно открыто русское общество можетъ и должно высоко цѣнить — и развѣ не цѣнить! — лучшую часть нашей журналистики, лучшихъ, свѣтлыхъ ея дѣятелей. Общество не можетъ забыть и, разумѣется, не забудетъ, что она дала ему и даетъ каждый день съ надеждой всегда продолжать свою не легкую работу, съ твердымъ и сильнымъ желаніемъ, несмотря на массу тормозовъ и неодолимыхъ препятствій, претворять ее въ необходимое условіе общественнаго прогресса. Больше — только существованіе такой именно доблестной, стоящей на славномъ посту печати и можетъ стимулировать каждого, борющагося съ другою ея частью. *Борьба эта и серьезна, и целесообразна, и своевременна именно потому, что у насъ есть не только идеалъ честной журналистики, но и его сильное реальное осуществленіе.*

Я предвижу одно снаружи какъ будто и вѣское возраженіе о несвоевременности моихъ записокъ, когда приходится, де, бить лежагаго и т. д. Но эта несвоевременность только кажущаяся.

Во-первыхъ, подъ вліяніемъ всего происходящаго уже не первое десятилѣтіе, я далеко не такъ оптимистически настроенъ, чтобы думать, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ журналистика сможетъ не только встать, но даже просто присѣсть, слегка приподняться. Нужно понять, что ея лежащее положеніе должно быть признано условіемъ *sine qua non* ея теперешняго и сравнительно продолжительнаго будущаго существованія. А разъ такъ, то, вѣдь, лежать обязательно для всѣхъ. Почему же одни изданія и журналисты лежатъ въ грязи, другіе—на чистомъ пескѣ, третьи—на свѣжей травѣ?... Такъ пришлось? А не потому-ли, что каждый упалъ близъ того мѣста, гдѣ стоялъ или сидѣлъ?... Не потому-ли, что часто и безъ воздѣйствія «стороннихъ» обстоятельствъ хотѣлось лежать именно въ вонючемъ болотѣ?! По моему, да. Для поясненія позволю себѣ перефразировать суворовскую поговорку: «разъ стороннія обстоятельства, два раза стороннія обстоятельства, помилуй Богъ! надо же когда-нибудь и цемножко своего собственнаго»...

Во-вторыхъ, все содержаніе книжки совершенно ясно подчеркнетъ, о *какой* части журналистики я говорю, о *какихъ* ея грѣхахъ и прегрѣшеніяхъ. Пусть прочтя ее, а не то, чего въ ней нѣтъ, скажутъ мнѣ, что я взвалилъ на *всю* журналистику чужую вину, заставляю ее отчитываться собственными боками за чужіе кулаки. Эта сторона мнѣ кажется выясненной достаточно, если и не вездѣ одинаково рельефно. Жить такъ, какъ мы живемъ сейчасъ, повторяю, по-моему, намъ придется не одинъ годъ, а потому замалчивать жизнь извѣстной части журналистики несправедливо именно передъ обществомъ. Когда послѣднее живетъ при наличности полной свободы слова, оно не такъ нуждается въ освѣщеніи быта печати, какъ при отсутствіи этой свободы. Общество въ правѣ, оно должно требовать отъ журналистики всей той высокой службы, которая еще совмѣстима съ ея юридическимъ положеніемъ. Прикрываясь совер-

шенно искренно несвоевременностью, мы можемъ дойти—я въ этомъ глубоко убѣжденъ—до того состоянія, когда уже невозможны станутъ никакія поправки и улучшенія.

Я почти не буду касаться такъ называемыхъ «толстыхъ» журналовъ, потому что очень мало знаю ихъ внутреннюю жизнь, въ моихъ воспоминаніяхъ они не занимаютъ виднаго мѣста. Это, конечно, не значитъ, что по пути я не затрону многихъ вопросовъ, общихъ газетамъ и журналамъ. Насколько легко раздѣляются эти два міра наружно, настолько тѣсно они связаны общностью сотрудниковъ и многими принципиальными сторонами. Я исключаяю только тѣ вопросы и явленія, которые нужно считать специфической принадлежностью «толстыхъ» журналовъ.

Не могу, наконецъ, не сдѣлать еще одного замѣчанія.

Современное интеллигентное общество справедливо не смотритъ уже на русскую печать вообще, въ частности на газеты, поставленныя въ нынѣшнія политическія условія ихъ существованія, какъ на одно изъ радикальныхъ средствъ для совершенствованія существующаго порядка вещей. Въ данный моментъ оно просто не видитъ возможности такой роли для печати. И, что особенно важно—это общественное убѣжденіе не есть результатъ недоувѣрія или неуваженія къ русской печати настоящаго вообще. Нѣтъ, такое убѣжденіе сложилось, особенно за послѣдніе годы, совсѣмъ по другимъ причинамъ, благодаря которымъ, дѣйствительно, роль, особенно газетъ, сведена теперь почти исключительно къ черной работѣ.

Но слѣдствіемъ такого, повторяю, справедливаго, взгляда на печать явилось часто индифферентное отношеніе къ тѣмъ или къ другимъ, часто общественнаго характера, недостаткамъ періодическихъ изданій и ихъ представителей. И вотъ тутъ-то, по моему, обидная ошибка перспективы.

Совершенно вѣрно, всей совокупностью условій, подъ натискомъ и ударами которыхъ печати, какъ билліардному шару, приходится ударяться своими боками о различные борты стола, она, сильно изувѣченная, поневолѣ обратилась на путь черной

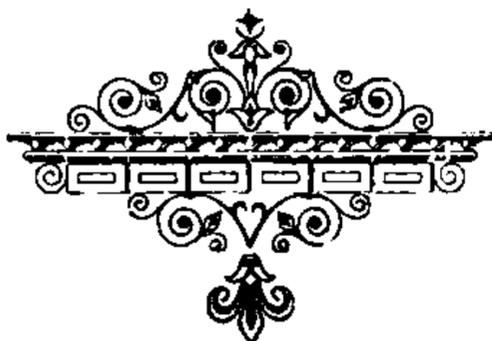
работы; но, вѣдь, послѣдняя, все-таки, и очень серьезна, и очень почетна, и очень отвѣтственна.

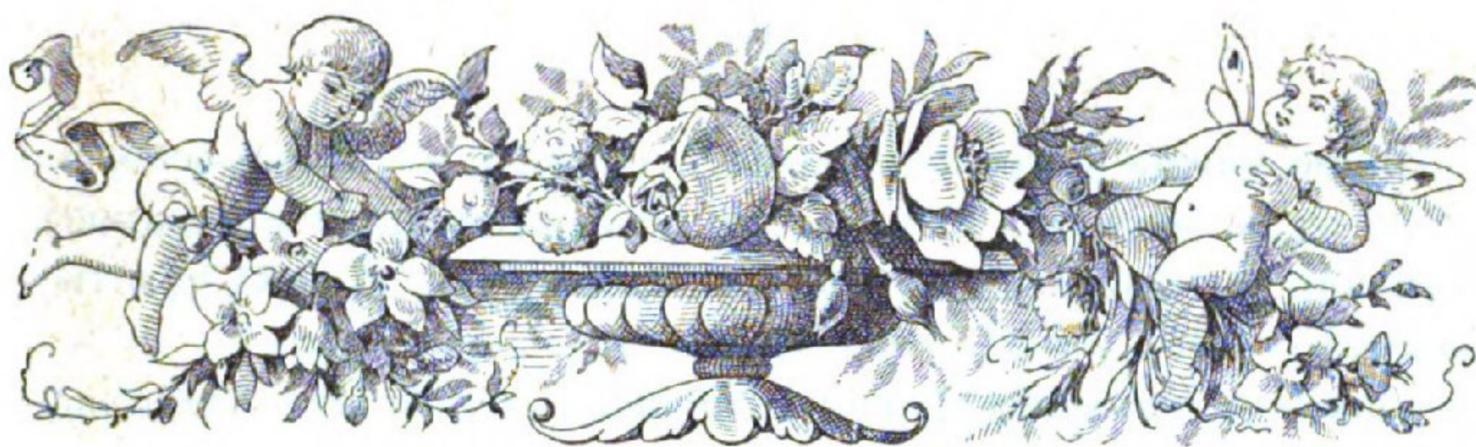
Серьезна потому, что, какъ подробнѣе будетъ выяснено дальше, русская газета сплошь и рядомъ—школа. Почетна потому, что создавать кадры будущаго умственнаго, нравственнаго, а слѣдовательно, и общественнаго обновленія—задача, несомнѣнно, крайне высокая. Отвѣтственна потому, что политически-общественное просвѣщеніе и воспитаніе массъ налагаетъ на просвѣтителей очень много обязанностей, изъ которыхъ едва ли ни первая — ихъ собственная интеллектуально-этическая высота, политическая зрѣлость и подготовленность.

А все это, конечно, не только можетъ, но и должно возбуждать въ обществѣ безусловное и неослабѣвающее вниманіе къ печати, какъ къ исполнительницѣ такихъ важныхъ для настоящаго и будущаго цѣлей. Не смотрѣть на современную русскую газету, какъ на существенный факторъ общественнаго прогресса, все-таки, никакъ нельзя, если только господствующее въ обществѣ понятіе сущности этого послѣдняго правильно. А разъ такъ, то общество обязано настойчиво требовать отъ дѣятелей печати всего, безъ чего немыслимо именно такое ея значеніе. Одно дѣло — не считать печать передовымъ и сильнымъ бойцомъ дня, другое — непростительный индифферентизмъ къ ея невольно болѣе скромной, по наружному эффекту, работѣ.

Я совсѣмъ не поклонникъ кислосладкой теоріи «малыхъ дѣлъ» и поставленное выше свое убѣжденіе мотивирую совершенно не на ея почвѣ. Какъ бы то ни было, но и современная печать есть единственный путь для открытаго выраженія хоть части общественнаго мнѣнія. Ну, а не слѣдить за выраженіемъ его общество не можетъ, не въ правѣ. Индифферентизмъ, какъ результатъ чувства неудовлетворенности передовыхъ рядовъ интеллигенціи современной печатью—гибеленъ для той колоссальной массы, съ которой нѣкоторая часть печати бесѣдуетъ безъ широкаго общественнаго контроля и вліянія.

Эти-то послѣднія соображенія, главнымъ образомъ, и побуждаютъ меня взяться за сильное освѣщеніе нуждъ и злобъ журналистики, чтобы постараться обратить на нихъ общественное вниманіе.

I.

«Редакція газеты «Степной Край» въ полномъ составѣ оставляетъ газету, не имѣя возможности работать при существующихъ условіяхъ. Просимъ другія редакціи перепечатать это письмо».

«Антидъ-Ото. М. А. Бернъ, Г. Германъ-Сибирякъ (Г. И. Николаевъ), Е. П. Добровольскій, Игла, Котовичъ, В. Кычатый, Т. Марковичъ, Машковъ, В. Д. Митричъ (Соколовъ), Т. Павловичъ, Петрованъ, В. Простый, Т. Сергѣевъ, Сибирскій, Слово, Самойловичъ, Н. Степнякъ, С. Ч—въ, Ефимъ Янтаревъ, Ульевъ, Верстаткинъ, Нечай и др.»

«Спб. Жизнь.»

По мѣрѣ приобрѣтенія наблюденій и опыта каждому, по-моему, становится ясно, что первая и главная причина многихъ отрицательныхъ сторонъ въ жизни того или другого изданія—общее всей печати юридическое положеніе. Эта мысль до того проста и элементарна, что позволяетъ обходить какія-либо ея доказательства. И, конечно, бѣгло вспоминая все то, что мнѣ пришлось видѣть и испытать, я еще тверже, чѣмъ читатель, сознаю, какого детальнаго изслѣдованія заслуживаетъ это условіе всей нашей литературной жизни и дѣятельности. Его громадная важность побуждаетъ, казалось бы, отвести этому колоссальному вопросу и вполне соответствующее мѣсто. Но его можно только набросать, предоставляя выводы самому читателю. По понятнымъ обстоятельствамъ, я буду кратокъ.

Наше юридическое положеніе чувствовалось мною особенно остро въ провинціи, значить, съ цензорами изъ чиновниковъ, того или другого ранга, губернскихъ правленій. И какъ чувствовалось!

Помню, напримѣръ, какъ однажды прибѣгаетъ типографскій мальчикъ, носившій всегда «цензуру», и зоветъ меня къ «совѣтнику». Номеръ газеты задержанъ. Иду.

— Пожалуйста, приостановите печатаніе номера,—говорить мнѣ ветхій старикъ.— Это, наконецъ, стало невозможнымъ... Вы всюду, говоря отъ имени редактора или сотрудника, или тамъ репортера, употребляете выраженія: «мы слышали», «вамъ передаютъ», «насъ просятъ сообщить» и такъ дальше. Неужели вы не понимаете, что это неудобно, что это вамъ не по чину...

— ?

— Да, да! Мѣстоименіе «мы» есть исключительная принадлежность самодержца и редактору или тамъ сотруднику совсемъ не принадлежитъ...

— Но въ газетѣ есть редакція, а не только редакторъ...

— Для меня никакой редакціи нѣтъ. Есть офиціальній редакторъ. Ну, да, словомъ, я запрещаю такое самовозвеличиваніе и прошу съ сегодняшняго же номера его прекратить...

Что мнѣ оставалось дѣлать? Конечно, поставилъ вездѣ «я», «меня», «мнѣ» и т. д. Печать подхватила это нововведеніе, достаточно отгѣнила его вынужденность и черезъ недѣлю мнѣ разрѣшено было признать редакцію, а не только редактора или «тамъ репортера».

Затѣмъ, однажды вмѣсто посланной гранки о конскихъ бѣгахъ и состязаніи охотничьихъ собакъ, мнѣ была прислана какая-то мазня. Представьте мое удивленіе, когда всюду слова «жеребецъ», «меринъ» или «кобыла» были замѣнены «лошадью», а «кобель» и «сука»—собакой!.. Имѣлъ дѣло и съ такимъ совѣтникомъ правленія, который, прочтя корреспонденцію изъ одного завода, гдѣ за два мѣсяца передъ тѣмъ было не все благополучно, и найдя тамъ сообщеніе о поимкѣ полутора-

пудоваго сома...—вычеркнулъ ее, какъ могущую напомнить о недавнихъ безпорядкахъ!..

Какъ-то редактируемой мною газетѣ поневолѣ пришлось стать въ очень враждебныя отношенія къ городской управѣ, во главѣ которой засѣдали прямые буржуи-грабители, домогавшіеся полномочій и на предстоящее четырехлѣтіе. Независимые отъ какихъ бы то ни было избирательныхъ партій и теченій, мы дѣйствительно могли бы выяснитъ очень и очень многое, и, конечно, въ виду выборовъ и собирались это сдѣлать въ цѣломъ рядѣ объективныхъ статей... но... намъ этого сдѣлать не дали. Газета лишена была возможности не только освѣтить хоть одинъ изъ массы городскихъ вопросовъ, но даже указать на непригодность... муниципальных лодокъ, выставленныхъ управой во время половодья, на то, что онѣ хуже частновладельческихъ! Намъ не позволяли написать, что на берегу рѣки лежали два трупа дохлыхъ собакъ! Мы не могли сказать даже такихъ словъ: «нельзя не рекомендовать безотлагательную очистку береговъ рѣкъ» и т. п. Больше, гораздо больше—намъ воспрещена была даже буквальная перепечатка нѣсколькихъ статей городского положенія, касающихся довѣренностей избирателей!..

На мой вопросъ, почему нельзя сдѣлать этого, цензирующій газету совѣтникъ (самъ городской избиратель) сказалъ:

— Да, вѣдь, это все будетъ въ повѣсткахъ, ну, а неизбирателямъ не для чего и знать.

— Но, вѣдь, это законъ, это не подлежитъ цензурѣ.

— Да мало-ли у насъ законовъ, нельзя же ихъ всѣ перепечатывать...

Словомъ, заткнули ротъ и мы ни гу-гу... Аналогичная исторія повторилась еще разъ со мною и въ другомъ городѣ, гдѣ цензоромъ былъ племянникъ городского головы.

Одинъ совѣтникъ усиленно всегда просилъ меня изгнать изъ газеты всѣ слова иностраннаго происхожденія, такъ какъ, не понимая ихъ, онъ не могъ сознательно относиться къ своимъ обязанностямъ... Былъ еще такой, который вычеркивалъ всѣ рефераты докладовъ въ петербургскомъ клубѣ экономи-

стовъ, смѣшивая его, благодаря лишь одному общему слову, съ Вольво-Экономическимъ обществомъ. Онъ же просилъ привести въ юбилейномъ шевченковскомъ номерѣ всѣ стихи украинскаго поэта по-русски, такъ какъ малороссійскаго языка боялся, какъ чумы.

Помню, какъ не допускались слова: «педіатръ», «коллизія», «чернокнижіе», «конституція», «революція», «эволюція», «демократизмъ», «марксизмъ», «маразмъ»...

Тутъ же я хочу подѣлиться опытомъ моего друга, оставившаго мнѣ, послѣ своей смерти лѣтъ пятнадцать назадъ, — свои записки, въ которыя вошла часть его газетной Одиссеи, испытанной за продолжительную дѣятельность въ провинціи. Заимствую оттуда лишь одну главу.

«Не безъ волненія подъѣзжалъ я къ большому губернскаму городу въ качествѣ только-что приглашеннаго редактора издававшейся тамъ газеты. Новый для меня край, новые люди, новые отношенія — все это представляло изъ себя массу загадокъ, побуждало много и подолгу задумываться.

Мнѣ-ли было не знать, что работа провинціального журналиста имѣетъ одно специфическое условіе: она несвободна отъ массы мѣстныхъ усмотрѣній, она обставлена такъ, что нужно много силы воли и энергіи, чтобы не плюнуть на провинцію вообще. Не скажу, чтобы медъ былъ и въ столицахъ, но тамъ дегтя несравненно меньше, тамъ только десятая часть нашихъ мукъ.

Но я былъ искушенъ. Летя въ курьерскомъ на благословенный югъ, я уже отнюдь не парилъ въ розовыхъ мечтахъ «свободнаго» служенія и, подъѣзжая къ новому мѣсту своей дѣятельности, приготовился къ новымъ мытарствамъ.

* * *

Вице-губернаторъ и «совѣтники» (какая иронія стараго времени!) были освобождены отъ цензурованія: первый — благодаря «массѣ занятій по службѣ», одинъ изъ совѣтниковъ — «по неспособности», другой — «по преклонности возраста».

Цензировалъ газету мелкій чиновникъ, секретарь губернскаго статистическаго комитета, одинъ изъ двухъ (!) въ «губерніи», бывшихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ тою только разницею, что онъ-то его и не окончилъ и при томъ по обстоятельствамъ, вполнѣ отъ себя зависѣвшимъ.

Первый мой визитъ былъ, разумѣется, къ цензору. Рекомендовали мнѣ его за человѣка неглупаго, но никогда ни одного слова не говорящаго спроста, всегда ведущаго ту или иную интригу и пользующагося при этомъ всѣми плодами маккіавеллистической политики. Кого-нибудь подвести, вылъзти благонамѣреннымъ патріотомъ, выказать свое усердіе къ очень поощрявшему его губернатору — вотъ, говорили, специальность этого человѣка.

Достаточно было получаса, чтобы убѣдиться въ справедливости такой характеристики. Мое новое «начальство» наговорило всякихъ пріятныхъ словъ, свободу печати называло непремѣнной принадлежностью культурнаго государства, обѣщало стоять на почвѣ закона и вообще относиться къ газетѣ сочувственно.

— Я, вѣдь, самъ, знаете, по душѣ литераторъ. Когда я велъ здѣшнія губернскія вѣдомости, мы тоже не лыкомъ свои статьи шили... Давайте намъ правду, одну только правду — больше ничего намъ не нужно.

Я ничего никогда противъ правды не имѣлъ и очень былъ радъ слышать это хорошее слово въ чиновничьемъ кабинетѣ.

— Будемъ же жить въ мирѣ и согласіи, — сказалъ мнѣ цензоръ на прощанье. А такъ какъ вы — человѣкъ у насъ новый, то я всегда съ удовольствіемъ помогу вамъ совѣтомъ и указаніемъ...

Первые же дни порадовали меня: цензоръ пропускалъ почти все; я, съ своей стороны, ни на какіе «рискованные» шаги не шелъ, чтобы не дать ему повода строить противъ меня тѣ или другія козни.

Мало-по-малу я сталъ чувствовать себя гораздо лучше прежняго, а черезъ три мѣсяца былъ уже утвержденъ и по этому случаю счелъ нужнымъ сдѣлать еще разъ визитъ губер-

натору, къ которому заѣзжалъ по прїѣздѣ въ городъ, но не засталъ дома. Онъ заѣзжалъ ко мнѣ и, узнавъ, что я дома, отдалъ швейцару свою карточку. На языкѣ провинціального этикета это называется «вышею любезностью»—объ этомъ говорили въ городѣ.

Въ прїемной меня встрѣтилъ младшій чиновникъ особыхъ (но не всегда служебныхъ) порученій—упитанное существо, знавшее въ городѣ всѣ рестораны и прочія теплыя мѣста и потому особенно любимое...

— Очень, очень прїятно! Пожалуйста, присядьте на минутку. Прикажете папиросу? Генераль сейчасъ выйдетъ. Онъ очень будетъ радъ...

Черезъ двѣ секунды чиновникъ былъ уже въ кабинетѣ губернатора, а черезъ пять—очень почтительно пригласилъ туда и меня.

При моемъ входѣ губернаторъ пошелъ ко мнѣ навстрѣчу, долго и крѣпко жалъ мою руку, любезно усадилъ, предлагалъ сигары изъ одного портсигара и папиросы изъ другого, словомъ, велъ себя такъ, какъ нашъ братъ, провинціальный журналистъ, и ожидать не могъ.

— Очень, очень радъ—онъ назвалъ меня по имени и отчеству—что познакомился съ вами. Какъ только вы прїѣхали, газета сразу оживилась, подняла интересъ къ себѣ... Очень, очень прїятно. Мнѣ, главное, нравится, что вы затрагиваете очень важные вопросы, коренные, такъ сказать, вопросы нашей жизни вообще, краевой въ особенности и, по-моему, это ваша громадная заслуга... Правда, есть въ газетѣ теперь такой тонъ, который не слѣдовало бы вводить... Ну, на примѣръ, зачѣмъ сегодня такъ высмѣялъ предсѣдатель губернской управы?... Впрочемъ, это, разумѣется, ваши убѣжденія и я совершенно не имѣю права въ нихъ вмѣшиваться. И при томъ все это не особенно важно... Пожалуйста ко мнѣ запросто, разумѣется, не во фракъ, позавтракать, мы тогда съ вами побесѣдуемъ, потолкуемъ и, вѣроятно, сумѣемъ понять другъ друга. Одно только, пожалуйста, помните, что я другъ печати. Этимъ все сказано...

Я всталъ, поблагодарилъ и вышелъ.

— Другъ печати... думалось мнѣ.—Если даже ты не врагъ ея, то и то хорошо. Я прекрасно знаю по опыту, что успѣхъ дорогого мнѣ дѣла въ значительной степени зависитъ отъ тебя, отъ твоего отношенія къ честному, часто непріятному тебѣ и твоимъ приснымъ слову. Только бы ты не вносилъ своихъ усмотрѣній, которыя меня такъ всюду раньше преслѣдовали..

Черезъ двѣ недѣли послѣ такого, приѣма я написалъ довольно рѣзкую статью по адресу предсѣдателя одного изъ просвѣтительныхъ обществъ за его боязнь гласности, выразившуюся въ рядѣ самыхъ некультурныхъ поступковъ. Статья произвела должный эффектъ, въ городѣ долго о ней говорили.

Но не молчали и въ домѣ губернатора. Оказалось, въ лицѣ предсѣдателя я задѣлъ одного изъ пріятелей губернатора и при томъ такого, который на почвѣ сближенія съ нимъ почти не имѣлъ достойныхъ соперниковъ—она создалась общею ихъ страстью къ плодамъ Бахуса, которую они и удовлетворяли всегда очень дружно и единомышленно. Предсѣдатель воспользовался, конечно, своимъ вліяніемъ—и вотъ на слѣдующій же день цензоръ получилъ приказаніе смотрѣть за газетой въ оба и не допускать впредь аналогичныхъ статей.

Объ этомъ мнѣ было сообщено полуофициально. Мало того. Слѣдующій номеръ былъ присланъ губернаторомъ цензору съ такой надписью на одномъ изъ полей: «газета начинаетъ терять возросшее къ ней, было, расположеніе. Не удивлюсь, если ее въ одинъ прекрасный день прихлопнутъ. Прошу довести объ этомъ до свѣдѣнія редактора и издателя». Но и это было еще не все. Цензоръ самъ былъ очень близокъ къ затронутому предсѣдателю—появилось желаніе мстить въ связи съ необходимостью вывернуться передъ гнѣвавшимся начальствомъ. Кромѣ того, моя статья давала основательный поводъ думать, что газета и впредь не пощадитъ темныхъ героевъ изъ среды «людей съ вѣсомъ и положеніемъ», а для провинціи это—такая чума, которую стараются обуздать всѣ, у кого хоть маломальски рыльце не въ порядкѣ и не въ должной опрятности. Цензоръ не былъ исключеніемъ. Не даромъ же онъ такъ долго и усердно уговаривалъ меня не ставить статью.

— Скажите, какъ же вы пропустили статью о нашемъ профессорѣ? Вѣдь, вы же должны понимать, что это неудобно и не можетъ быть терпимо въ мѣстной газетѣ,—говорилъ ему «другъ печати». Пожалуйста, впредь никакихъ обличеній! Вы сами должны знать...

— Помилуйте, ваше —ство, я, на точномъ основаніи закона, не могъ ее не пропустить. Все, что можно было сдѣлать, я сдѣлалъ. Я долго просилъ редактора не ставить ее, но онъ и слушать не хотѣлъ. Конечно, теперь остается руководствоваться вашимъ приказаніемъ, и это самое лучшее... Теперь будьте покойны...

Губернаторъ и всѣ «знатные» люди, дѣйствительно, могли быть покойны...

Скоро сталъ спокоенъ и городской голова съ членами управы. Цензоръ, какъ старшій городской гласный и человекъ, «радѣющій о городскихъ интересахъ», очень и очень мѣтилъ въ управцы, а тутъ кстати совершенно случайно освобождалось членское кресло. Нужно было подслужиться къ партіи городского головы—очень некультурнаго и совѣмъ малограмотнаго желѣзоторговца, — которая имѣла нѣкоторыя основанія не довѣрять господину цензору за массу неприятныхъ указаній газеты на уродливость мѣстнаго муниципальнаго хозяйства.

— Что же это вы какія вещи имъ разрѣшаете печатать? спрашивалъ лидеръ партіи, и это уже само подсказывало именно то рѣшеніе вопроса, которое во-время цензоръ и принялъ.

На ближайшемъ докладѣ губернатору было сказано, что неудовольствіе массы городскихъ обывателей на газету растетъ, что она все перевираетъ, крайне тенденціозна и т. п. Безъ долгихъ размышленій приказано:

— Все, что будетъ писаться о городскихъ дѣлахъ, посылайте мнѣ. Я самъ буду читать.

— Слушаю-съ.

Чтеніе «самого» создало невозможность обсуждать дѣло, какъ слѣдуетъ, пришлось обо многомъ совершенно молчать... Надо-ли говорить, что черезъ два мѣсяца цензоръ получилъ членство, которое ему и преподнесла партія восторжествовавшаго головы?...

Итакъ, мы съ цензоромъ, совмѣщавшимъ должности: секретаря губернскаго статистическаго комитета, члена городской управы и предсѣдателя правленія общества городского взаимнаго страхованія...

* * *

Но и предсѣдатель просвѣтительнаго общества не дремалъ. Вотъ одинъ изъ діалоговъ между нимъ и губернаторомъ, который они вели громко на одномъ изъ публичныхъ обѣдовъ.

— Не безпокойтесь, я покажу газетѣ ея собственное мѣсто. Тысячами запахнетъ...

— Да, но причемъ же тутъ, ваше —ство вся газета? Издатель ни въ чемъ не виноватъ. Надо бы редактору дорогу показать...

— Вы правы. Я объ этомъ подумаю... Мы это обсудимъ.

Аналогичные, ужъ слишкомъ откровенные разговоры велись и съ цензоромъ, который помогаль «обдумывать».

Наконецъ, до меня стали доходить слухи о рѣшеніи губернатора дѣйствовать. Съ мѣсяць цензоръ игралъ двойную игру: въ открытую говорилъ повсюду, что еле сдерживаетъ ретивость своего «повелителя», въ закрытую—составлялъ черновикъ обвинительнаго акта, для чего, конечно, требовались время и осторожность—нужно было, выгородивъ себя, утопить редактора...

Въ концѣ концовъ газета обвинялась въ томъ, что «настойчиво сравниваетъ Россію съ Западомъ и притомъ всегда не въ пользу первой»; что «подрываетъ религіозно-нравственныя основы православнаго населенія» и что «освѣщаетъ отрицательныя стороны дѣятельности высшихъ чиновъ мѣстной администраціи». И авторъ и подписыватель конфиденціальной бумаги понимали, что все это—передержки, ни одного номера нигдѣ точно не указывали, а въ заключеніе, для бѣльшаго эффекта, добавили, что вообще газета имѣетъ такой характеръ, который и т. д... При этомъ составитель бумаги наговорилъ себѣ не мало комплиментовъ, выставивъ въ самомъ лучшемъ свѣтѣ свою литературность и образованность, даже сердечность отно-

шеній къ цензируемой имъ газетѣ, которая въ лицѣ редактора совершенно никого и ничего не хочетъ признавать...

Такимъ образомъ были замаскированы истинныя обвиненія въ абсолютномъ нежеланіи кому бы то ни было подслуживаться и справляться съ чѣмъ бы то ни было, кромѣ закона. И вотъ, сначала по городу, а потомъ и по губерніи стали носиться слухи очень неблагопріятные для газеты... Шли они отъ затронутыхъ запущенныхъ фізіономій, въ числѣ которыхъ состоялъ и фабричный инспекторъ—единственный партнеръ губернатора въ шашки... Бахусъ зналъ его тоже достаточно близко...

Но мнѣ удалось отвести грозу и даже показать истинное значеніе всѣхъ жалобъ. Всѣ онѣ были оставлены безъ всякихъ послѣдствій.

* * *

Спустя нѣкоторое время, совершенно случайно я узналъ о тѣхъ способахъ, которыми добывались союзники.

Какъ я уже сказалъ, однимъ изъ обвиненій было подрываніе религіозно-нравственныхъ основъ. Чтò же оказалось?

Чтобы заручиться поддержкой для этого—и, конечно, очень существенной—архіерея, цензоръ воспользовался однимъ обстоятельствомъ. Незадолго до составленія жалобы на меня, въ одной изъ южныхъ газетъ появилась корреспонденція изъ нашего города о какомъ-то засѣданіи педагогическаго совѣта духовной семинаріи, на которомъ было будто бы рѣшено не участвовать на открытіи какого-то памятника. Корреспонденція очень взволновала духовное начальство, и ректоръ семинаріи обратился ко мнѣ съ просьбой напечатать его опроверженіе. Я отказался, сказавъ, что могу сдѣлать это только въ такомъ случаѣ, если отъ напечатанія его откажется газета-первоисточникъ. Разумѣется, ректору это не понравилось, однако, опроверженіе послали по адресу. Тамъ почему-то замедлили, напечатавъ спустя двѣ недѣли, когда духовное начальство перестало уже слѣдить за газетой, въ полной увѣренности, что

опроверженіе не появится. Между тѣмъ, въ послѣднемъ заключалось прямое обвиненіе губернатора, какъ предсѣдателя комитета по возведенію монумента, въ нежеланіи пригласить на открытіе памятника всѣ духовныя учебныя заведенія. Мы хотѣли взять это опроверженіе въ «обзоръ печати» безъ всякихъ съ своей стороны комментарій, но получили гранку съ надписью цензора: «не совѣтовалъ бы печатать, чтобы не разсердить губернатора».

Но, это былъ очень тонкій маневръ: приглашенія, только подписанныя губернаторомъ, разсылалъ по своему усмотрѣнію завѣдывавшій сооруженіемъ памятника цензоръ—онъ спасалъ самого себя, блиндируясь передъ нами губернаторомъ... Положеніе для насъ было, дѣйствительно, трудное: напечатать — разозлить губернатора, не напечатать — разозлить архіерея. Послѣ долгихъ размышленій остановились на второмъ рѣшеніи. Мѣсяца черезъ два, я былъ совершенно случайно у архіерея. Принявъ меня очень сухо и даже вызывающе, онъ очень скоро перешелъ къ инциденту съ опроверженіемъ, и вотъ что еще выяснилось изъ нашего объясненія. Появленію ко мнѣ ректора съ опроверженіемъ предшествовали нѣсколько статей, неприятныхъ епархіальному учебному начальству. Пользуясь этимъ, цензоръ шепнулъ, что потому редакція и не взяла опроверженія, что «вообще знать не хочетъ никакихъ духовенствъ», о желаніи же нашемъ перепечатать опроверженіе изъ первоисточника и о самомъ фактѣ его появленія въ послѣднемъ предусмотрительно умолчалъ... Губернатору же одновременно была показана гранка.

— Видите, ваше —ство! полюбуйтесь, прямо издѣваются!

И вдругъ архіерей узнаетъ о напечатаніи, о моемъ желаніи перепечатать и о цензорской резолюціи!... Эффектъ былъ поразительный.

Добрый старикъ только и могъ нѣсколько разъ повторить:

— Ну, и хитрый же человекъ этотъ цензоръ. Ахъ, какой онъ хитрый человекъ!...

* * *

На жалобы я отвѣчалъ контръ-жалобами, и мнѣ удалось даже добиться смѣны цензора. Его замѣститель оказался далеко не находкой — это былъ «неспособный» совѣтникъ, — но важно было не цензуроваться въ городской управѣ...

Этотъ, даже по тамошнему масштабу, неспособный человекъ, дѣйствительно приводилъ меня въ отчаяніе. А если присоединить сюда полученную имъ мѣстнаго происхожденія инструкцію, сводившуюся къ краткому приказанію: «вычеркивать все маломальски...», то каждый, конечно, пойметъ мое положеніе...

Ежедневно я получалъ гранки съ такими оригинальными надписями: «печатать разрѣшается въ случаѣ согласія полицей-мейстера», «печатать разрѣшается съ разрѣшенія правится канцеляріи губернатора» и т. п. А какая масса зачеркивалась! Въ одномъ переводномъ съ нѣмецкаго рассказѣ очень часто попадалось слово «жандармъ» — рассказъ былъ вычеркнутъ и только послѣ долгихъ переговоровъ разрѣшенъ, но при условіи замѣны вездѣ слова «жандармъ» словомъ «стражникъ». Слова: «активный», «агрессивный», «ассоціація», «соціальный» вовсе не пропускались. Относительно «сифилиса» было отдано особое приказаніе, замѣнять его выраженіемъ «дурная болѣзнь»...

Всѣ мои указанія на полную незаконность такихъ дѣйствій встрѣчали всегда одно и то же стереотипное оправданіе:

— Вѣрьте, многоуважаемый NN, что я не самъ. Ну, что я могу сдѣлать!? Вѣдь, приказано. Ну, что я могу?!

И я зналъ, что онъ, дѣйствительно, ничего не могъ. Онъ дрожалъ за свою собственную шкуру, которая, разумѣется, была для него дороже, чѣмъ тридцать тысячъ редакторовъ и газетъ.

* * *

Посредникомъ между мною и этимъ цензоромъ, по желанію послѣдняго, являлся всегда вице-губернаторъ, человекъ въ общемъ довольно мягкій и часто сдававшійся на мои доводы и объясненія.

— Что вы, многоуважаемый NN, — говорилъ онъ мнѣ, — разводите рацеи объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній... Молоды вы

еще — вотъ почему. Вы знаете, я самъ думалъ раньше, какъ и вы, до недавняго времени. Какимъ я пріѣхалъ сюда! Вѣдь, я во многомъ былъ совершенно вашихъ воззрѣній. Но вотъ одинъ случай измѣнилъ мои взгляды на порку... Года три тому назадъ я оставался какъ-то управлять губерніей. Хорошо-съ. Вдругъ въ одинъ прекрасный день прибѣгаетъ ко мнѣ тюремный смотритель и докладываетъ, что бунтуютъ арестанты. Бду.

— Вы что, ребята! бунтовать!?!...

Молчатъ

— Какъ вы смѣете с... дѣти!

Молчатъ.

— Выходи кто недоволенъ!

Стоять, не шелохнутся.

Ну, тогда я велѣлъ подать мнѣ зачинщиковъ. Выводятъ шесть человѣкъ. Спрашиваю ихъ: какъ? почему? чѣмъ недовольны? Отвѣчаютъ, что плохая пища. Подать мнѣ пищу! Подаютъ. Прекрасная пища. Щи такія, что хоть бы у меня дома поваръ варилъ... Ахъ, говорю, въ с... сыны! Дать имъ по 50 ударовъ!.. Сейчасъ мигомъ все это приготовили. Всѣхъ выстроили. Начали. А я, знаете, стою и нарочно cadaго рассматриваю. У всѣхъ ужасъ такой на лицахъ... Очевидно, въ каждомъ происходитъ нравственное перерожденіе... Ну, кончили; я уѣхалъ. На другой день приходитъ смотритель и докладываетъ, что вотъ сутки, все спокойно. Проходитъ недѣля, другая... Какъ-то заѣзжаю въ тюрьму и спрашиваю: «а какъ ведутъ себя поротые?» И можете вы себѣ представить!

— Самые лучшіе по нравственности поведенія, — докладываетъ смотритель! — Такъ вотъ что значитъ розга, если только она дана вѣ-время и отъ всего сердца, отъ искренняго желанія содѣйствовать нравственному перерожденію свихнувшагося человека... Вѣдь, мужикъ еще глупъ...

Этимъ же «либераломъ» я былъ какъ-то приглашенъ для дипломатическихъ переговоровъ о помощи администраціи по освѣщенію мѣстной жизни вообще. Разговоръ былъ очень продолжительный, но я передамъ изъ него только нѣкоторые моменты.

— Нѣтъ, дорогой NN, — говорилъ мнѣ вице-губернаторъ, — вы именно должны понять, что, вѣдь, газета это — единственный способъ освѣтить что-нибудь важное, освѣдомить съ чѣмъ-нибудь населеніе. Ваши тамъ всякія направленія могутъ идти сами собой — хотя я думаю, что ихъ не должно быть вовсе — а напечатать, напимѣрь, статью нужную для насъ — это вашъ гражданскій долгъ. Вы можете смотрѣть на нее по-своему, но, вѣдь, она необходима намъ, людямъ, которымъ ввѣрена цѣлая губернія...

Или:

— Вотъ вы напечатали замѣтку о штундистахъ. Вы пишете, что въ Петербургѣ рѣшеніе губернскаго присутствія признано неправильнымъ и отмѣнено. Да, это такъ. Наше рѣшеніе отмѣнено, обвиняемые оправданы, но зачѣмъ все это понадобилось газетѣ? Вы теперь дали поводъ каждому паршивому штундисту ходить съ вашей газетой и тыкать ею въ насъ каждому попу и полицейскому, говоря: «а?! что взяли?!» Вѣдь, это же безобразіе. Вамъ совсѣмъ не надо было открывать эту гадкую правду!

Или:

— Вы пишете, что полиція беретъ взятки — вчера это написано очень тонко, но зато ъ прозрачно. Ну да, беретъ! Но вы, вѣдь, интеллигентный человѣкъ и потому должны понять, что, конечно, берутъ, конечно, и дерутся. Но почему? Да потому, что содержаніе ихъ самое нищенское, а образованія нѣтъ ни у кого. Тутъ молчать надо, а не кричать: «взяточники! драчуны!» Вѣдь, вы подрываете всякое довѣріе къ полиціи, а это такая штука, что съ нею недолго и до чего-нибудь другого...

Вотъ каковъ былъ мой посредникъ.

* * *

Губернаторъ торжествовалъ, зная, что я издергалъ свои нервы до послѣдней степени. Отдано даже было приказаніе полиціи губерніи привлекать меня къ отвѣтственности за каждый на нее намекъ. Во всѣ губернскія учрежденія было послано предписаніе не давать газетѣ никакихъ справокъ и свѣдѣній...

Снова темныя силы витали надъ нами, какъ коршуны...

Но вотъ «неспособный» совѣтникъ не выдержалъ своей работы и сталъ настаивать на освобожденіи его отъ цензуры. Долго думали, наконецъ, назначили мелкаго чиновника изъ губернскаго присутствія. Это было дѣломъ рукъ перваго цензора: его преемникъ, личный его врагъ, нарочно пропускалъ почти все, касающееся города, и потому доставилъ новому ялену управы не одну неприятную минуту. Теперь интригану представлялась возможность повліять на назначеніе челоуѣка, бывшаго въ весьма недвусмысленныхъ отношеніяхъ съ городскимъ головой и управой. Назначеніе состоялось...

Въ первый же день было вычеркнуто почти все, на слѣдующій день совершенно все... Запаса не стало... Положеніе трагическое. вмѣсто номера вышло что-то необычайное...

А черезъ недѣлю разразилась гроза съ такимъ ливнемъ, который вынесъ меня изъ города навсегда»...

Этого, полагаю, достаточно, чтобы получить хоть нѣкоторое впечатлѣніе о главномъ бытовомъ условіи существованія провинціальной журналистики.

Очень далекій даже отъ тѣни довольства тѣми бытовыми условіями, въ которыхъ проходитъ жизнь столичной журналистики, я не останавлиюсь, однако, на нихъ, потому что общія условія считаю достаточно извѣстными читателю. Кромѣ того, это завело бы насъ слишкомъ далеко; пришлось бы, пожалуй, взглянуть на вещи и съ точки зрѣнія чисто теоретической, безъ которой многое все равно осталось бы неяснымъ, необоснованнымъ. Ну, а такое специальное изслѣдованіе, конечно, не можетъ служить частью небольшой работы: ему самому нужно отвести не одну сотню страницъ. Вотъ почему эту сторону жизни общества я буду считать достаточно общеизвѣстной и общепонятной. Не могу только отказать себѣ въ удовольствіи закончить настоящую главу часто цитируемыми прекрасными, горячими, каждому дорогими словами Ив. Аксакова:

«Мысль, слово! это — та неотъемлемая принадлежность человека, безъ которой онъ не человекъ, а животное. Безсмысленны и безсловесны только скоты, и только разумъ, иначе слово, уподобляетъ человека Богу. Мы, христіане, называемъ самого Бога Словомъ. Посягать на жизнь разума и слова въ человекѣ — не только совершать святотатство Божьихъ даровъ, но посягать на божественную сторону человека, на самый Духъ Божій, пребывающій въ человекѣ, на то, чѣмъ человекъ — человекъ. Свобода жизни разума и слова — такая свобода, которую по настоящему даже смѣшно и странно формулировать юридически, или называть правомъ: это такое же право, какъ право быть человекомъ, дышать воздухомъ, двигать руками и ногами. Эта свобода вовсе не какая-нибудь политическая, а есть необходимое условіе самаго человеческого бытія; при нарушеніи этой свободы нельзя и требовать отъ человека никакихъ правильныхъ отправленій человеческого духа, ни вмѣнять что-либо ему въ преступленіе»... ?).

II.

Вторая, по важности, причина многихъ нашихъ неустройствъ и неладностей, сильно понижающихъ общій уровень журналистики, это — приходъ въ нее коммерсанта-издателя. Великое спасибо нужно сказать тѣмъ органамъ, которые, даже при самыхъ разстроенныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, не идутъ за мощной Ивана Непомнящаго. И такихъ органовъ не мало, коммерсантъ еще далекъ до воцаренія, онъ все еще — лишь частность, но не общее.

Когда наша частная ежедневная пресса становилась только на ноги и потомъ, первое время своего существованія, когда она занимала уже вполне определенное мѣсто въ общественной жизни —

?) «Полное собраніе сочиненій», IV, 399.

а это было въ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ—издателями газетъ были преимущественно или сами же журналисты, или люди вполне убѣжденные. И тѣ и другіе шли въ журналистику съ своими капиталами и достатками вполне исключительно по идеѣ. Коммерсанту тогда въ этой области нечего было дѣлать—она была неизвѣдана, слѣдовательно, болѣе или менѣе страшила возможностью потерять состояніе. Успѣхъ нѣкоторыхъ изданій (надо помнить, что ихъ вообще было мало) позволилъ, однако, нѣкоторымъ издателямъ вернуть затраченные въ дѣло капиталы, а то и получить большую прибыль. По мѣрѣ роста торговли и промышленности хорошо шедшія изданія привлекали порядочныя суммы объявленіями. По мѣрѣ роста городовъ росла и розничная продажа.

И достаточно было нѣсколькимъ изданіямъ дать въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ прибыль, чтобы капиталъ коммерсанта стремился уже въ журналистику, какъ въ новую область промышленности.

Спѣшу оговориться: подъ словомъ «коммерсантъ» я подразумеваю не денежнаго человѣка вообще, а *человѣка при томъ неинтеллигентнаго*, взявшагося за изданіе съ исключительной цѣлью создать изъ него источникъ собственныхъ доходовъ. Самъ по себѣ приливъ капитала въ дѣло, по существу очень въ немъ нуждающееся, конечно, не можетъ имѣть дурныхъ послѣдствій. Нужно только, чтобы въ журналистику капиталъ вступалъ отъ лицъ—или не чуждыхъ тѣмъ высокимъ побужденіямъ, которыя должны руководить желаніемъ создать органъ честнаго общественнаго мнѣнія, или могущихъ совершенно не вмѣшиваться въ литературную часть.

Когда за издательство съ коммерческой цѣлью берется культурный обладатель средствъ, онъ не вноситъ въ журналистику тѣхъ тлетворныхъ торгашескихъ началъ, которыя погребаютъ ее для здоровой общественной жизни... короче—я говорю объ Иванѣ Непомнящемъ. Набросаю его прекрасной кистью Салтыкова.

«Спросите Непомнящаго, что онъ хочетъ, какія цѣли преслѣдуетъ его газета?—и ежели въ немъ еще сохранилась хоть

капля искренности, то вы услышите отвѣтъ: «хочу подписчика!»... «Подъ фирмой газеты Непомнящій приобрѣлъ себѣ сокровище. Понятно, что онъ бережетъ ее какъ зеницу ока отъ всякаго случайностей. Въ виду упроченія ея будущаго, не должно быть рѣчи ни объ идеяхъ, ни о цѣляхъ, ни объ убѣжденіяхъ, ни о чемъ, кромѣ наивѣрнѣйшихъ способовъ удержать за собою сокровище. Онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы проникнуть въ мысль и вкусы вліятельной среды; справляется у пріятельниковъ, угадываетъ смыслъ улыбокъ и тѣлодвиженій, напоминаетъ о своей неизмѣнной готовности, а иногда даже удостоивается собесѣдованій»... «Безъ идеи, безъ убѣжденія, безъ яснаго понятія о добрѣ и злѣ, Непомнящій стоитъ на стражѣ руководства, не вѣря ни во что, кромѣ тѣхъ пятнадцати рублей, которые приносятъ подписчикъ, и тѣхъ грошей, которые одинъ за другимъ вытаскиваетъ изъ кошелька кухарка. Онъ даже щеголяетъ отсутствіемъ убѣжденій, называя послѣднія абракадаброю и во всеуслышаніе объявляя, что ни завтра, ни послѣзавтра онъ не намѣренъ стѣснять себя никакими узами»³⁾.

Не могу тутъ же не коснуться вопроса о коллективномъ издательствѣ. Сказать о немъ что-нибудь определенное только на основаніи фактовъ врядъ ли можно, потому что, во-первыхъ, такихъ изданій въ Россіи вообще очень немного, а во-вторыхъ, если одни изъ нихъ процвѣтаютъ, то другія, наоборотъ, въ періодъ медленной, но вѣрной предсмертной агоніи. Съ увѣренностью можно теоретически только утверждать, что форма коллективнаго издательства даетъ возможность прочной постановки дѣла при условіи, съ одной стороны, идейной однородности пайщиковъ, съ другой—ихъ кредитоспособности, съ третьей—равной со стороны всѣхъ готовности выдержать критическій періодъ жизни изданія, очень разнообразный по своей продолжительности, но вообще у насъ не маленькій. Наличие всѣхъ этихъ обязательныхъ условій въ связи съ умѣлымъ подборомъ редакціи вполнѣ гарантируетъ матеріальную прочность

³⁾ «Полн. собр. соч.», V. 1900 г., 288, 289, 298.

изданія, поскольку она не зависитъ отъ «стороннихъ» обстоятельствъ.

Продолжаю. Не прошло и десяти лѣтъ, какъ къ 80-мъ гг. мы уже имѣли довольно много изданій, принадлежащихъ коммерсантамъ. Лучшимъ свидѣтелемъ въ пользу этого показанія долженъ считаться Н. В. Шелгуновъ—судья, котораго врядъ ли можно упрекнуть въ неумѣніи или нежеланіи принимать во вниманіе всѣ обстоятельства, могущія служить къ уменьшенію вины обвиняемаго. Вотъ что онъ писалъ восемнадцать лѣтъ назадъ: «Было время, когда въ столичной печати теплилась Божья искра, когда печать считала своею миссіей служить общественному дѣлу и бороться за общественные интересы. Тогда столичная печать дѣйствительно стояла во главѣ общественнаго движенія или, по крайней мѣрѣ, пыталась имъ овладѣть, насколько это было для нея доступно. Она являлась представительницей общественнаго мышленія по внутреннимъ вопросамъ, однимъ изъ общественныхъ органовъ по внутренней политикѣ. Занявъ эту область, столичная печать жила живою жизнью, у нея былъ нервъ, были опредѣленныя задачи, былъ смыслъ въ существованіи. Для теперешней столичной печати все это не составляетъ даже и преданія, традиція порвалась и, освободившись отъ воспоминаній лучшаго прошлаго, столичная печать стала исключительно издательскимъ дѣломъ. Вынувъ сама изъ себя душу и лишившись всякаго нутра, столичной печати осталось только одно — маскировать свою пустоту бойкимъ писаньемъ и хлесткостью, которыя если ей и удаются, то нутра, все-таки, не создаютъ». И черезъ двѣ страницы: «Но рядомъ съ идейнымъ отношеніемъ къ дѣлу въ едва народившейся провинціальной печати замѣчается уже и червоточина, и то, что было сказано о столичныхъ газетахъ, приходится повторить и о провинціальныхъ; вообще онѣ не въ лучшихъ рукахъ и чаще составляютъ издательское, чѣмъ общественное дѣло. Издательскія газеты также, какъ и столичную печать, обуялъ духъ погони за подписчикомъ»⁴⁾.

⁴⁾ «Очерки русской жизни», 1895 г., 19, 24.

Кстати, читателямъ, можетъ быть интересна небольшая справка. Газеты столичныя у насъ всѣ наперечетъ. Что касается провинціальныхъ, то, по свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», къ концу 1900 года изъ 97 числившихся въ провинціи газетъ только 2 основаны до 1861 года, 23—въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, 72—въ 80-хъ и 90-хъ, при чемъ 55 изъ нихъ послѣ 1895 года.

Водворялся новый типъ издателя, а съ нимъ и тѣ начала, которыя составляютъ отличительную черту торговопромышленной сметки: «подешевле, похуже, но показистѣй». Между тѣмъ, надо-ли доказывать, что пока весь укладъ нашей жизни совершенно не позволяетъ выпускать изданія, равныя по дешевизнѣ (при условіи однокачественности содержанія) европейскимъ и американскимъ. Слѣдовательно, стремленіе коммерсантовъ-издателей понижать подписную и розничную цѣну неизбежно должно было повлечь за собой осуществленіе второй части лавочной заповѣди. На встрѣчу этому стремленію идетъ и юридическое положеніе печати: дешевыя вполнѣ содержательныя газеты прежде всего невысказаны у насъ хотя бы уже въ силу ст. 99 цензурнаго устава. А затѣмъ вообще самое положеніе дѣлъ побуждаетъ, особенно коммерсанта, отказаться отъ многихъ «высокихъ матерій». Еще не было случая серьезной административной кары безпринципныхъ, мелкихъ по идеѣ изданій... «Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ»...

III.

Фактовъ изъ области подвиговъ коммерсанта у меня въ рукахъ не мало.

Одинъ зорко слѣдитъ за начальствомъ, чтобы своевременно отгнать «прекрасную инициативу нашего высокоуважаемаго», сообщить во-время о его приѣздѣ и отъѣздѣ, о намѣреніи «пожертвовать получасомъ драгоценнаго времени на посѣщеніе

биткомъ набитаго острога», о желаніи видѣть на улицѣ болѣе радостныя лица подчиненныхъ его превосходительству лицъ... Другой держалъ, помню, особыхъ агентовъ для вынюхиванія дворянской атмосферы и своевременнаго освѣщенія политики съ точки зрѣнія надеждъ и упованій «господствующаго» сословія... А господа дворяне не могли нахвалиться проникновенностью взгляда ихъ прислужника. Третій прибѣгалъ ночью въ типографію, сдавалъ полученный отъ чиновника особыхъ порученій отчетъ о только-что закончившемся балѣ у губернатора, ставилъ его въ фельетонъ, а редакторъ, просыпаясь утромъ, недоумѣвалъ и бѣсился... Но и этого мало: недѣли за двѣ до бала издатель начиналъ получать отъ «царицы» мѣстнаго общества подробное описаніе ихъ предполагаемыхъ туалетовъ, и потомъ они составляли второй фельетонъ...

Къ такимъ черточкамъ гг. коммерсантовъ надо, конечно, присоединить и факты самой примитивной продажности.

Я зваю редакцію, которая долго печатала открытые дифирамбы желѣзной дорогѣ, дававшей издателю около 30—40000 рублей въ годъ на объявленіяхъ ⁵⁾. Въ другой газетѣ произошелъ такой, на примѣръ, характерный случай. Была напечатана статья *постояннаго* сотрудника, бросавшая довольно замѣтную тѣнь на одно лицо, оказавшееся родственникомъ директора банка, очень любезно учитывавшаго векселя дѣльца-издателя. Родственность стала извѣстной послѣднему въ тотъ же день. Что дѣлать? Какъ поступить? Съ согласія редактора въ слѣдующемъ же номерѣ появляется редакціонное заявленіе о безусловной невѣрности всего сообщеннаго наканунѣ. «Редакція очень сожалѣетъ—говорилось въ самомъ концѣ—что при всей своей внимательности и осторожности она попалась на удочку *неизвѣстнаго* ей лица»...

Редакторъ-издатель одной газеты систематически писалъ и печаталъ хвалебные гимны недавно отстроенной желѣзной

⁵⁾ Во избѣжаніе излишнихъ недоумѣній, считаю нужнымъ указать, что факты изъ провинціальной жизни количественно не особенно преобладаютъ надъ взятыми изъ жизни прессы столичной. Они перемѣшаны.

дорогѣ, желая поддержать служебную карьеру строителя, потомъ начальника. Больше. Въ газетѣ была напечатана единственная въ своемъ родѣ статья подъ заглавіемъ «Поѣздка по линіи строящейся N-ской дороги», прежде напечатанія прочитанная и проредактированная тѣмъ же строителемъ... А когда редакторомъ было получено за это меньше условленнаго, онъ сразу обрушился и на строителя и на дорогу и преслѣдовалъ ихъ впредь до огласки всего дѣла на судѣ.

Нѣкоторыя изданія занимаются очень подозрительнымъ славословіемъ или умолчаніемъ (смотря по времени и надобности) о дѣлахъ всевозможныхъ акціонерныхъ обществъ и банковъ, котирующихъ свои бумаги на биржѣ...

Издатель N совершенно откровенно говорилъ редактору, поставившему убыточное раньше изданіе на прочныя ноги:

— Эхъ, батенька, что мнѣ ваши прибыли! Бываютъ, знаете, убытки краше!

На недоумѣвающую мину редактора послѣдовало разъясненіе:

— Да, конечно. Если раньше насъ не зналъ читатель, то, по крайней мѣрѣ, вашъ предшественникъ поддерживалъ всегда необходимыя мнѣ связи. Теперь есть читатель, его даже очень много, есть органъ всѣми, правду сказать, уважаемый, но совершенно растеряны всѣ мои подвязки. Вѣдь, убытки отъ недостатка читателей я пополнялъ съ лихвой хорошимъ устройствомъ дѣлъ, тогда всѣ нужные люди были пріятелями, а теперь мнѣ всегда тычутъ законъ со всей его неумолимостью да посмѣиваются...

IV.

Меня всегда особенно поражала растущая ширь безшабашной рекламы, которая въ рукахъ Ивана Непомняцаго является довольно виднымъ средствомъ пріобрѣтенія барышей. Матеріа-

ловъ этого рода мнѣ удалось собрать очень много, и теперь, разобравшись въ нихъ, я хочу возобновить кое-что въ памяти читателей, можетъ быть, не разъ попадавшихъ на жирнаго рекламнаго червяка.

Вотъ нѣсколько *подлинныхъ* образчиковъ.

«Мы являемся независимымъ, вполне самостоятельнымъ, большимъ органомъ печати, съ выдержаннымъ направлениемъ и безусловно честнымъ, объективнымъ отражениемъ нуждъ всего многомилліоннаго населенія Россіи. Занимая какъ по объему, такъ и по программѣ своей одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду, такъ называемыхъ «большихъ органовъ» печати, ежедневная газета наша не уступаетъ никому ни по полнотѣ, ни по своевременности сообщеній».

* * *

«Обширная программа, опытность и многолѣтняя извѣстность редактора-издателя, равно какъ и ближайшихъ его сотрудниковъ, служатъ ручательствомъ въ томъ, что новая наша газета будетъ органомъ живымъ, интереснымъ и достойнымъ общихъ симпатій. Излишнимъ считаемъ всякія широкія общанія, потому что читатель нашъ давній и постоянный и безъ того увѣренъ въ нашихъ правѣхъ и обязанности занять выдающееся положеніе среди другихъ органовъ печати. Не будетъ ни одного вопроса дня, на который читатель не встрѣтилъ бы въ нашей газетѣ громкаго отклика, не пройдетъ безслѣдно ни одна мелочь жизни, которая не нашла бы въ ней яркаго и правдиваго освѣщенія».

* * *

«Немаловажную выгоду для подписчиковъ нашей газеты представляетъ предоставленное имъ право приобрѣтать книги, имѣющіяся въ книжномъ магазинѣ нашей газеты и публикуемыя въ ней, со скидкой 20% съ номинальной ихъ стоимости. При этой скидкѣ приобрѣтающій книги, даже разновременно въ теченіе года на 40 или 45 рублей, получаетъ газету даромъ».

* * *

«Знамя нашей газеты—та же священная и ширококовъщающая хоругвь, подъ которой создалась, воспиталась и выросла святая Русь».

* * *

«Наше направленіе безукоризненно. На дняхъ и редакція и контора съ типографіей перешли въ новое роскошное помѣщеніе въ недавно отстроенномъ домѣ Бродскаго. Не довольствуясь печатнымъ словомъ, мы посредствомъ рисунковъ переносимъ, такъ сказать, читателей въ самые отдаленные уголки общечеловѣческой жизни, давая возможность видѣть наглядно происшествія, событія, выдающихся людей, замѣчательныя зданія и т. д.».

* * *

«По изяществу, внѣшности и полнотѣ содержанія наша газета не уступаетъ ни одному даже изъ болѣе дорогихъ изданій. Содержаніе каждаго номера составляютъ полные захватывающаго интереса романы. Кромѣ того, дается нами роскошная картина въ 40 красокъ. Глядя на эту картину, забываешь, что это только картина, а не дѣйствительность».

* * *

«Въ существованіи нашей газеты, кстати сказать, довольно продолжительномъ, съ выпускомъ настоящаго номера совершенно измѣняется постановка дѣла съ технической стороны и вообще со стороны аккуратности. Новой силой въ изданіи является устройство своей типографіи, которая, выпуская сегодняшній номеръ, сразу даетъ газетѣ такія крылья, о какихъ и нельзя было подумать при всякомъ другомъ положеніи. Провинціальное изданіе, думается намъ, прямо невысказано безъ своей типографіи, а если и существуютъ періодическія изданія въ такихъ городахъ, какъ нашъ, безъ своихъ типографій (таковыхъ было еще двѣ. М. Л.), то, несомнѣнно, они влечуть жалкое существованіе, прозябая въ застоѣ при самыхъ напряженныхъ усиліяхъ ихъ руководителей».

* * *

«Въ числѣ другихъ крупныхъ произведеній лучшихъ беллетристовъ въ воскресныхъ номерахъ нашего второго изданія будутъ напечатаны «Колесо фортуны» романъ нашего редактора. Множество лицъ различнаго общественнаго положенія выведено авторомъ. Читатель видитъ ихъ ростъ и паденіе. Какъ въ дѣйствительности, такъ и въ романѣ, жизнь не на однѣхъ радостяхъ стоитъ. Въ борьбѣ за жизненные идеалы гибнетъ высокая душа, не находя поддержки и сочувствія своимъ порываніямъ... Сколько такихъ трагедій разыгрывается въ мутной тинѣ провинціальной некультурности».

* * *

«Отличительный характеръ нашей газеты—выраженіе истинныхъ нуждъ провинціальной жизни. Наше знамя—правда, честь и достоинство Россіи. Наша программа: дѣйствовать примирительно во всѣхъ вопросахъ, касающихся какъ отдѣльныхъ классовъ населенія, такъ и народностей, входящихъ въ составъ Русской Имперіи... Литературный отдѣлъ четвертаго бесплатнаго приложенія составляютъ выдающіяся произведенія лучшихъ представителей русской изящной словесности. Въ 1902 году будутъ помѣщены: Наряду съ новѣйшими созданіями пера этихъ корифеевъ русскаго художественнаго слова. . . . ».

* * *

«Древности и клады губерніи. Эту книгу—иллюстрированное изданіе—бесплатно выдаетъ редакция нашей газеты своимъ подписчикамъ. Въ этой цѣнной книгѣ заключаются самыя подробныя свѣдѣнія: 1) какіе именно древности и клады хранятся въ нѣдрахъ губерніи, 2) точныя указанія мѣсть, гдѣ они зарыты, 3) наставленія къ извлеченію ихъ изъ земли».

* * *

«Самая дешевая и распространенная, наша газета, несмотря на свой небольшой размѣръ, идетъ впереди другихъ по свѣжести извѣстій и изложенію событій. Наши читатели знаютъ,

что мы никогда не пропускаемъ ничего важнаго или имѣющаго интересъ минуты. Нашъ органъ работаетъ для русскаго народа и ради русскаго народа. Онъ будитъ мысль въ русскомъ чело-вѣкѣ и тѣмъ предохраняетъ его отъ опасностей, которыя, благода-ря иноземной и инородческой интригѣ и нарастающему нѣ-мецкому вліянію, со всѣхъ сторонъ надвигаются на него, при-крытыя ложью, лестью и обманомъ, подобно тому, какъ ловко подкрадываются къ стаду волки, прикрытые овечьей шкурой».

* * *

«Вступая во второй годъ изданія, редакція не можетъ не отмѣтить небывало быстрого въ исторіи русской провинціаль-ной прессы успѣха, какой выпалъ на долю нашей газеты въ теченіе перваго года существованія. Чтобы не быть голослов-ными, мы приводимъ точныя цифры о результатахъ тиража газеты въ продолженіе девяти мѣсяцевъ 1898 года (Оказывается убытокъ 54.000 руб. М. Л.). Несмотря на такой ре-зультатъ, издатель, все-таки, не останавливаясь передъ новыми затратами, считаетъ нужнымъ еіще болѣе расширить газету, усматривая въ этомъ залогъ дальнѣйшаго преуспѣянія...»

* * *

Но есть реклама и реклама. Не всѣ коммерсанты прибѣгаютъ къ однообразію. Все рѣшаютъ сметка издателя, желаніе от-личиться редакціи. Одна, на примѣръ, газета командировала передъ подпиской особаго корреспондента для интервьюирова-нія одного изъ славянскихъ королей и потомъ на этой почвѣ очень бойко и развязно говорила о своихъ высокихъ каче-ствахъ.

— «Я уже давно знаю вашу газету, сказалъ мнѣ король. много слышалъ и объ издателѣ, я знаю, что это очень серьез-ная газета. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы такая газета, какъ ваша, почаще бы посылала къ намъ своихъ сотрудниковъ...»

Приведены, конечно, и слова королевы:

— «Мы очень интересуемся русскими газетами и я велѣла ежедневно переводить мнѣ вашу».

Другая устроила литературный конкурс, о котором писались цѣлые трактаты, гдѣ превозносилась «блестящая» мысль издателя. А такъ какъ у редактора былъ еще и собственный органчикъ, то въ послѣднемъ и помѣстили статейку подѣ соответствующимъ соусомъ. Тамъ съ полной откровенностью говорилось, что хотя въ конкурсѣ и можно усмотрѣть «нѣкоторый рекламный подвохъ», но, вѣдь, что тутъ предосудительнаго? Реклама рекламѣ—рознь. «Наша реклама тонка и благородна»... и дальше въ этомъ же родѣ. Кончалась статья проклятіями по адресу «эксплоататоровъ» литературнаго труда: Елисеева, Салтыкова и Некрасова, которыхъ инициаторъ конкурса училъ относиться по-благородному къ нищей братіи писателямъ...

Никогда не забуду также очень характерное циркулярное письмо, разосланное виднымъ Иваномъ по всѣмъ угламъ громадной провинціи:

«Милостивый государь! Въ вашей мѣстности наша газета насчитываетъ до сихъ поръ только..... подписчиковъ, что весьма мало для такой большой, серьезной и вмѣстѣ съ тѣмъ баснословно дешевой газеты. Въ виду этого контора газеты позволяетъ себѣ обратиться къ вамъ съ спеціальной просьбой посодействовать ей вашимъ совѣтомъ и знаніемъ мѣстныхъ условій для принятія всѣхъ мѣръ къ болѣе равномерному распространенію въ городѣ и его окрестностяхъ. На первыхъ порахъ намъ желательно было бы узнать слѣдующіе адреса:

1) Адресы такой книжной, писчебумажной или табачной торговли, при которой мы могли бы устроить розничную продажу по 3 коп. за номеръ, отпуская его торговцу за 2 коп. Барышъ, правда, невеликъ, но въ теченіе года возрастетъ онъ съ каждаго подписчика до 3 р. 60 коп., это, во-первыхъ; а во-вторыхъ, розничная продажа газеты привлекаетъ къ магазину всегда новыхъ покупателей и поддерживаетъ живыя сношенія со старыми; для этого требуется мѣсто центральное, бойкое, человѣкъ вѣрный и расторопный.

2) Адресы такихъ частныхъ лицъ (учителей, торговцевъ, духовенства, чиновниковъ, ремесленниковъ или крестьянъ), которыя согласились бы взять на себя званіе и трудъ распро-

странителя нашей газеты. Задача распространителя состоитъ въ томъ, чтобы найти среди своихъ знакомыхъ не менѣе двухъ подписчиковъ, а самому быть хотя бы третьимъ; чтобы собирать съ своихъ товарищей подписныя деньги и препровождать ихъ въ редакцію и чтобы стараться вообще о распространеніи газеты. Распространители газеты будутъ пользоваться 5⁰/₀-ною скидкой со всѣхъ присылаемыхъ ими суммъ, если не предпочтутъ получить вознагражденіе или признательность въ какой-нибудь другой формѣ.

3) Далѣе намъ желательно узнать адреса всѣхъ тѣхъ промышленныхъ заведеній, казенныхъ и частныхъ конторъ и присутственныхъ мѣстъ, гдѣ бы среди служащихъ можно было устроить совмѣстную подписку, при которой на одинъ адресъ идетъ пять или болѣе экземпляровъ. При этомъ необходимо намъ указать именно то лицо, къ которому, по вашему мнѣнію, слѣдуетъ обращаться съ предложеніемъ ввести такую коллективную подписку. Лицо это должно быть прежде всего благонадежно и аккуратно, а потомъ уже расторопно.

4) Намъ весьма важны адреса собраній (клубовъ), гостиницъ, библиотекъ, существующихъ въ вашей мѣстности, съ обозначеніемъ тѣхъ, къ которымъ бы можно было обратиться съ предложеніемъ подписаться на нашу газету *съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ.*

«Всѣ эти свѣдѣнія мы будемъ считать строго конфиденціальными, и вы можете положиться на то, что безъ вашего спеціального разрѣшенія никому не будетъ сообщено, отъ кого мы получили адреса и указанія. Надѣмся, что вы не откажетесь исполнить настоящую просьбу, за что вамъ уже впередъ высказываемъ нашу искреннюю благодарность. При этомъ мы прилагаемъ для васъ готовый конвертъ и просимъ васъ дать намъ отвѣтъ, хотя бы самый короткій, но только поскорѣе, такъ какъ до подписки осталось весьма немного времени».

Но и это далеко не всѣ способы уловленія подписчика и объявителя. Не я одинъ знаю изданія, гдѣ подписныя квитанціи и бандероли, въ которыхъ оно посылается, начинаются съ дутаго номера, такъ что самый первый подписчикъ никогда не полу-

чаетъ квитанціи съ первымъ номеромъ: тамъ стоитъ 500, 1000, 5000, смотря по наглости, но не 1. Когда кто-нибудь, желая разослать при этой газетѣ вкладныя объявленія, запрашиваетъ о необходимомъ количествѣ ихъ экземпляровъ, тиражъ тоже вздуваютъ вдвое, а то и втрое, если еще не больше.

Очень часто редакторы и сотрудники не знаютъ истинной величины тиража своего изданія, это—тайна издателя и завѣдующаго конторой, если онъ—вѣрный его слуга. Доходы скрываются еще чаще.

Публиковать въ числѣ сотрудниковъ изданія лицъ, никогда на самомъ дѣлѣ не принимающихъ въ немъ никакого участія, но такъ или иначе извѣстныхъ—способъ употребляющійся. Иногда афишированные сотрудники даже и сами не знаютъ, что ежедневно дефилируютъ передъ публикой въ безсовѣстной рекламѣ какого-нибудь помойнаго органа.

V.

Очень крупная область обмана читателей—перепечатки. Чего только ни дѣлаютъ нѣкоторые органы для того, чтобы придать имъ видъ самостоятельнаго, собственнаго матеріала! Передѣлывается заглавіе, имя автора или переводчика, начало и конецъ; вмѣсто полнаго указанія источника заимствованія, подъ перепечаткой стоятъ только начальныя буквы его названія и при томъ умышленно безъ кавычекъ—принимайте ихъ за инициалы скромнаго автора... Словомъ, здѣсь изобрѣтательность врядъ ли ни соперничаетъ съ рекламированіемъ.

Помню, какъ-то пришлось указать одному журналисту на невзрачность такого практикуемаго имъ приема.

— Ну, такъ что-жъ?—сказалъ онъ.—Моему читателю на все это наплевать. Что ему за дѣло, что фельетонъ взятъ изъ другой газеты. Было бы интересно. А мнѣ-то далеко не все равно: я знаю его психологію. Если ему, бестіи, все время

говорить правду, такъ онъ читать-то перепечатки не перестанетъ, а мнѣ скажетъ: «не свое-съ?!» И, замѣтьте, скажетъ такъ, что вы же виноваты останетесь. Онъ не желаетъ понимать, что вы о немъ же хлопчете... Нѣтъ, тутъ щепетильность совершенно неумѣстна: зачѣмъ я буду профанировать престижъ своей газеты, если этого можно не дѣлать. Вѣдь, у меня тоже крадутъ...

Вопросъ о перепечаткахъ болѣе или менѣе освѣщенъ уже въ печати, но я думаю, что тутъ есть еще одна сторона, почти никѣмъ не отмѣченная достаточно ясно.

Поднятый кассою взаимопомощи литераторовъ, а потомъ перешедшій на обсужденіе «Союза» писателей, вопросъ этотъ послѣднимъ, по моему, рѣшенъ правильно: «Союзъ» высказался за нестѣсненіе широкаго примѣненія перепечатокъ, за возможную ихъ свободу. Конечно, съ точки зрѣнія принципа охраненія собственности вообще, въ томъ числѣ и литературной, можно находить неудобной, некрасивой — назовите какъ хотите — традицію перепечатыванія статей, беллетристики, корреспонденцій и т. п. На эту сторону и обращалось до сихъ поръ преимущественное вниманіе. Но, вѣдь, есть и другая сторона. Прежде всего нужно понять, что каждый изъ насъ, журналистовъ, работаетъ въ Россіи, гдѣ общество en masse еще не доразвилось до той высоты, когда забота о своей духовной пищѣ дѣлается обязательной, всеобщей. Провинціальная газета считаетъ, что дѣла ея недурны, если ее выписываетъ 0,01% населенія даннаго района! Я не беру, конечно, Одессы, Кіева, Харькова и подобныхъ городовъ, я говорю объ обыкновенной, рядовой провинціи. А, вѣдь, въ ней-то и нуженъ особенно лучъ свѣта. Между тѣмъ, дѣятели провинціальной прессы должны концентрировать свою работу преимущественно на освѣщеніи мѣстныхъ дѣлъ. Но послѣднихъ однихъ провинціальному читателю недостаточно: ему вполне законно хочется быть въ курсѣ жизни и столицъ, и остальной провинціи, и Запада. Этимъ потребностямъ удовлетворяютъ или стараются удовлетворить печать столичная и провинціальная остальныхъ районовъ. И вотъ изъ первой провинціальная газета черпаетъ, кромѣ всякаго рода прави-

тельственныхъ извѣстій, статьи общаго характера и лучшую беллетристику, изъ вторыхъ — почти исключительно фактическую сторону многосложной общественной жизни. Авторы матеріала перваго рода не могутъ не знать, что ихъ трудъ, оплачиваемый гораздо дороже, чѣмъ въ провинціи (повторяю — рядовой), по этому самому не можетъ быть использованъ тамъ въ качествѣ оригинальнаго. Что же касается фактическаго матеріала, то, разумѣется, платитъ за него нѣтъ никакой возможности, потому что тогда пришлось бы расходовать средства на корреспонденціи изъ всей Россіи въ ущербъ собственному району. Слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ неизбежно заимствованіе. На это говорятъ: хочешь пользоваться — плати деньги. Съ точки зрѣнія понятія о собственности это вѣрно. Но дѣло въ возможности платить и въ то же самое время продолжать вести мѣстную газету.

Говорятъ: благодаря перепечаткамъ, никогда не повысится уровень провинціальнаго гонорара. Но и это невѣрно. Издатель-интеллигентъ и издатель-писатель и такъ платятъ столько, сколько могутъ, бѣльшаго часто не выдержитъ туго стягиваемый бюджетъ. Если же издатель — просто коммерсантъ, Иванъ Непомнящій, то онъ въ достаточной степени основательно ведетъ свою линію, чтобы не сумѣть съ своей сворой обходиться тѣми же перепечатками, но слегка передѣланными... Когда я слышу объ *обязательной* оплатѣ перепечатокъ, то мнѣ всегда приходитъ въ голову аналогія ея съ налогомъ на бѣдность. Дайте-ка, господа, бѣдняку стать на ноги, а потомъ включайте его въ число налогоплательщиковъ. Дайте провинціальной печати медвѣжьихъ угловъ развить малокультурную массу, приобрести достаточную матеріальную прочность, и тогда, повѣрьте, она или не будетъ перепечатывать совсѣмъ, или станетъ оплачивать перепечатки безпрекословно. Тогда же поднимется и литературный заработокъ. Далѣе, неужели отъ писателя нельзя ожидать бѣльшаго, чѣмъ отъ всякаго ремесленника? Неужели, получивъ за свой трудъ опредѣленный гонораръ, онъ не долженъ искренно радоваться тому, что трудъ этотъ, будучи признанъ цѣннымъ, перепечатываютъ изданія, не могущія его

оплатить? Неужели, наконецъ, писателя, какъ проводника извѣстной идеи, не должно радовать ея усиленное распространеніе? Скажутъ: это идеализмъ, съ котораго сытъ не будешь... Пускай такъ, хотя сознавать это ужасное маклачество очень горько и больно—но, вѣдь, и съ оплаты перепечатокъ тоже сытъ не будешь—онѣ сведутся до минимума...

Къ кражѣ перепечатокъ примыкаетъ и другое злоупотребленіе: кража иллюстрацій. Она мало замѣтна для публики и рѣдко даетъ возможность достаточно вѣскаго обвиненія, потому что отговорка всегда налицо: конечно, данный человѣкъ, картина и т. д., на всѣхъ фотографіяхъ одинаковы... Я не говорю объ обычной переуступкѣ столичными изданіями провинціальнымъ своихъ уже использованныхъ клише—это не кража. Обнаружилось, напримѣръ, что одинъ очень состоятельный издатель преподносилъ довѣрчивой публикѣ снимки «русскихъ войскъ въ Китаѣ», пока не выяснилось, что они были сдѣланы еще въ мирное время въ Красносельскомъ и другихъ мирныхъ лагеряхъ для иной цѣли.. Зналъ это и услужливый редакторъ, знали, вѣроятно, и сотрудники.

Всевозможные юбилеи изданій (а теперь нѣтъ, кажется, только мѣсячныхъ) -- тоже удобный случай обмануть, залѣзть въ карманъ простофили-читателя.

Одна газета высчитываетъ длину той ленты, которой бы можно было обмотать нѣсколько разъ землю по экватору, составивъ ее изъ всей затраченной изданіемъ бумаги; другая строитъ изъ послѣдней пирамиды и колонны, упирающіяся прямо въ солнце; третья пріятно заминается произнести то колоссальное число, которое выражаетъ количество буквъ, помѣщенныхъ въ листахъ за время своей жизни,—словомъ, кто во что гораздъ, но всѣ съ непремѣннымъ стремленіемъ въ высь. Нѣкоторые считаютъ всю такую ариѳметику ужъ очень пріѣвшею и идутъ дальше. Оставляя въ сторонѣ экваторъ и солнце, они понимаютъ, что и на землѣ есть еще способы прославиться, и вотъ одна газета помѣщаетъ списокъ лицъ, «осчаст-

ливившихъ своимъ присутвіемъ» юбилейный молебенъ, завтракъ или обѣдъ, другая—письма и телеграммы особъ не присутствовавшихъ и т. д. Это, разумѣется, болѣе внушительно, особенно по нынѣшнимъ временамъ. Если же, по какимъ-либо причинамъ, синодикъ именъ «особъ» жидковатъ и не особенно торжественъ, прибѣгаютъ къ третьему способу: самовоскурению. Выпускается номеръ съ лестной характеристикой собственныхъ сотрудниковъ, гдѣ они называются «извѣстными», «знаменитыми», «давно пользующимися вполне заслуженнымъ успѣхомъ у публики» и т. д.

Развѣ путь рекламы, лжи и обмана не безграниченъ?! Развѣ по нему можно прійти когда-нибудь къ концу?!

Специфическимъ послѣдствіемъ прихода въ журналистику коммерсанта явилась и обычная поддержка путемъ газеты его собственныхъ торговыхъ, промышленныхъ и другихъ предприятий. Довольно часто коммерсантъ предоставляетъ редакціи болѣе или менѣе полную свободу, ограничивая ее лишь безусловномъ запретомъ касаться такихъ-то предприятий и учрежденій, съ которыми ему очень важно поддерживать добрыя отношенія, чтобы не потерять выгоднаго покупателя или кліента. Такой способъ «поддерживанія», если въ него входитъ лишь обязательство не писать ничего дурного безъ обязательства писать хорошее—поневолю въ журнальномъ мірѣ считается еще сноснымъ, терпимымъ. И въ самомъ дѣлѣ, становясь на точку зрѣнія практики, приходится сказать, что такой компромиссъ одинъ изъ самыхъ еще терпимыхъ при всей суммѣ условій, окружающихъ возможность работать; съ нимъ приходится мириться, какъ съ неизбежнымъ зломъ, если ограниченія коммерсанта не простираются дальше мелочей, если во всемъ остальномъ хорошо сгруппировавшаяся редакція пользуется правомъ полной самостоятельности. При такихъ условіяхъ существовали и существуютъ очень и очень порядочныя изданія...

Но бываетъ, что издатель прямо заказываетъ статьи въ пользу своего театра, завода, фабрики, книгоиздательства, бань... Я

знаю случай, когда сотрудник былъ удаленъ изъ изданія только за то, что, рецензируя игру артиста труппы своего «патрона», вмѣсто требуемаго имъ «великолѣбно» написалъ, все-таки, «недурно». Знаю и другой, когда редактору было сказано чтобъ онъ «собиралъ свои пожитки» за допущеніе въ отсутствіе издателя объявленія о продажѣ пива N-скаго завода... Издатель имѣлъ свой пивной заводъ, круглый годъ держалъ о немъ публикацію на всѣхъ четырехъ страницахъ газеты и о другихъ заводахъ не принималъ объявленій ни за какія деньги... Мало того, если ему случалось увидѣть какую-нибудь корректурную гранку, не исключая даже беллетристики, и тамъ встрѣчались слова, ну, хоть такія: «сидя за бутылкой пива, они пробесѣдовали долго за полночь»—онъ всегда вставлялъ передъ словомъ «пива» названіе своего, и никакіе доводы редактора о неумѣстности подобныхъ вставокъ не дѣйствовали.

Наконецъ, ко всему этому надо прибавить факты неудовлетворенія подписчиковъ и публикаторовъ при прекращеніи или приостановкѣ изданія. Въ такихъ, случаяхъ, публика наша сама проявляетъ часто поразительное распустѣшество и абсолютную неспособность отстаивать свои права. Ее обманываютъ самымъ наглымъ образомъ, собираютъ—я знаю такой случай—и преспокойно кладутъ въ карманъ десятки тысячъ, а она «жалѣеть»... Странныя денежныя отношенія (съ издателемъ иныхъ не можетъ быть) на почвѣ «жалости». Возмутительныя,—потому что надуваетъ публику коммерсантъ. Неужели наша публика не понимаетъ, что каждый издатель обязанъ быть приготовленнымъ къ случайностямъ, разъ онѣ входятъ въ газетное дѣло очень существеннымъ элементомъ? Кромѣ того, простая логика подсказываетъ требовать несенія убытковъ обладателемъ барышей. Я понимаю желаніе подписчика не требовать причитающихся себѣ денегъ, когда онъ ясно знаетъ причины крушенія газеты, но надо дать ему самому отказаться отъ возмѣщенія своей потери. А, вѣдь, иногда оборотистые

люди закрываютъ изданіе добровольно, мошенническимъ образомъ прикрываясь «независящими обстоятельствами»...

VI.

Помню, я какъ-то зашелъ въ контору большой торговой фирмы, продававшей въ разсрочку пишущія машины.

— Скажите, пожалуйста, — обращаюсь къ одному изъ конторщиковъ — на какихъ условіяхъ можно купить у васъ машину въ разсрочку?

— А для кого-съ?

— Для себя.

— А вы гдѣ изволите служить?

— Нигдѣ.

Лицо моего собесѣдника вытягивается...

— Нужно поручительство.

— Кого?

— Одного изъ состоящихъ на видномъ мѣстѣ. Старшаго чиновника, служащаго въ банкѣ...

— Одного достаточно?

— Да вы чѣмъ, собственно, изволите заниматься?

— Я литераторъ...

— Гм... Тогда нужно двухъ поручителей.

— Почему?

— Да что-жъ, писатели... Нѣтъ, безъ двухъ поручителей и притомъ съ удостовѣреніемъ, что окладъ ихъ не меньше четырехъ тысячъ, мы не можемъ...

Не забуду и другого случая, какъ, нанмая квартиру въ незнакомомъ мнѣ городѣ, я нашелъ ее съ большимъ трудомъ. Потомъ только хозяинъ сказалъ мнѣ, что, пуская меня въ свой домъ, онъ не былъ увѣренъ, что я окажусь аккуратнымъ плательщикомъ.

Оба эти случая, по-моему, достаточно ярко иллюстрируютъ

извѣстное обществу матеріальное положеніе рядового работника-журналиста. «Да что-жъ, писатели», сказалъ нѣмецъ и былъ по-своему правъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть необезпеченнѣе русскаго писателя!? Какая другая свободная интеллигентная профессія подвергаетъ своихъ представителей сплошной иногда нищетѣ? По моимъ наблюденіямъ, такой больше нѣтъ.

Ни одна профессія не подвержена такой массѣ стихійныхъ условій, какъ журналистика. И стихійность эта не есть непремѣнное слѣдствіе самаго существа профессіи: въ существѣ своемъ она вполне бы гарантировала устойчивость матеріальнаго положенія своихъ представителей. Тутъ важны именно «стороннія» обстоятельства, никогда не позволяющія намъ точно рассчитывать даже на самое ближайшее будущее: оно во власти этихъ обстоятельствъ. Съ другой стороны—сосѣдство и зависимость отъ коммерсанта, силою своихъ стремленій, склоннаго къ возможному пониженію нашего заработка. А между тѣмъ, врядъ-ли журналистика ни больше другихъ интеллигентныхъ профессій требуетъ извѣстнаго матеріальнаго минимума для существованія своихъ представителей и ихъ семей, иначе продуктивный, оригинальный, продуманный и—что очень важно—необходимый въ данный моментъ обществу трудъ становится невозможнымъ. Духовная дѣятельность обыкновеннаго средняго человѣка—геройства и подвижничества нельзя требовать ни отъ кого — немыслима безъ извѣстнаго комфорта ⁶⁾, съ постоянной мыслью о завтрашнемъ кускѣ хлѣба. Между тѣмъ, жить исключительно журналистикой многіе изъ насъ совершенно не могутъ, даже не сопротивляясь ремесленничеству, которое въ самой тонкой формѣ и то всегда страшно давитъ и мучаетъ честнаго писателя... И вотъ — журналистъ въ рядахъ чиновниковъ, въ мірѣ коммерціи и часто на пути добыванія куска хлѣба неразборчивыми средствами.

Поступая въ чиновники и чувствуя, можетъ быть, и очень гдѣ-то глубоко, ущемленную литературную свободу, нѣкото-

⁶⁾ Конечно, слово это употребляю въ его буквальномъ смыслѣ: «удобства».

рые пробуютъ оправдать такое свое поведеніе, пытаются доказать, что въ сущности нутро ихъ остается попрежнему свободнымъ, что функціи его попрежнему независимы. «Неужели, говорятъ они, для того, чтобы писать или подписывать официальные «входящія» и «исходящія», нужно передѣлать строй своего общаго и политическаго міровоззрѣнія?».. Съ перваго, бѣлаго взгляда этотъ доводъ можетъ, пожалуй, показаться убѣдительнымъ, но не будемъ же обманывать себя и другихъ! По-моему, вопросъ рѣшается очень просто: если ты идешь въ чиновники и не оставляешь журналистику, то всегда обманываешь общество. Обманываешь уже потому, что первое требованіе, которое общество предъявляетъ къ тебѣ, какъ журналисту, это—свобода, а чиновникъ никогда не свободенъ, если онъ служитъ по убѣжденію, честно. Служить же безъ убѣжденія, ради прочнаго казеннаго куска хлѣба, и быть свободнымъ журналистомъ значитъ обманывать его вдвойнѣ.

Единственно допустимое совмѣстительство государственной службы и журналистики, это—университетская кафедра. Оно можетъ быть сдѣлано по многимъ соображеніямъ. Прежде всего журналистика—та же кафедра, но съ нѣскольکو иной и по составу и по размѣрамъ аудиторіей. Во-вторыхъ, доцента, какъ и журналиста, можно заставить молчать, но нельзя заставить говорить помимо его собственной воли. Въ-третьихъ, надо брать въ расчетъ условія времени, всегда одинаковыя для свободы кафедры и печати. Припомните, что писалъ Бѣлинскій Грановскому: «Чтожъ дѣлать при видѣ этой ужасной дѣйствительности? Не любоваться же на нее, сложа руки, а дѣйствовать елико возможно, чтобы другіе потомъ лучше могли жить, если намъ никакъ нельзя жить. Какъ же дѣйствовать? Только два средства: кафедра и журналъ—все остальное вздоръ»¹⁾.

Я уже предвижу ожесточенныя вылазки господъ либеральничавшихъ журналистовъ-чиновниковъ, забронировавшихся славными именами Салтыкова и Шелгунова. Но страха на меня

¹⁾ А. Пыпинъ. «Бѣлинскій», II, 82.

они, разумѣется, не наводятъ. Надо сдѣлать столько, сколько сдѣлали эти и подобные имъ люди, быть не хуже ихъ и тогда только имѣть право прикрывать ихъ авторитетами свое общественное поведеніе. Названныхъ двухъ писателей я уважаю, конечно, не меньше, чѣмъ господа вылазчики, готовъ благоговѣнно подписаться подъ каждымъ словомъ ихъ сочиненій, но развѣ все это обязываетъ меня закрывать глаза на ихъ ошибки? Скажу больше — этимъ двумъ писателямъ можно и должно похерить «чиновничество» — надо знать хорошо ихъ біографію, надо сумѣть понять ихъ время и окружающую обстановку. Надо, наконецъ, помнить, что Салтыковъ изъ тридцати трехъ лѣтъ своей литературной дѣятельности служилъ только первые девять, а Шелгуновъ изъ тридцати двухъ — только первые два. Но и это еще не все. Біографъ Салтыкова, К. К. Арсеньевъ, совершенно категорически указываетъ, что за три года до окончательнаго его выхода въ отставку, неувѣренный въ себѣ Салтыковъ «хотѣлъ-было порвать съ литературой». Эту неувѣренность въ своихъ силахъ нужно тоже не забывать... Что касается Шелгунова, то могутъ, пожалуй, указать на его письмо къ женѣ, гдѣ онъ, прося добыть ему службу по акцизу, говоритъ: «есть еще одна дорога. Служить по акцизу у Грота. Думаю, что новыхъ доказательствъ моихъ служебныхъ способностей и честности мнѣ представлять не нужно. Что же касается до моего общаго и политическаго міровоззрѣнія, то я думаю, что при опредѣленіи крѣпости спирта и учетѣ винокуренныхъ заводовъ міровоззрѣніе не играетъ ровно никакой роли, и никому оно не нужно»⁸⁾.

Испытавшему столько, сколько испыталъ Шелгуновъ, больному, какъ онъ, гонимому, вѣчно разлученному съ женой и семьей — не только можно, но и должно простить минутную слабость измочаленныхъ нервовъ. Наконецъ, развѣ онъ пошелъ въ акцизъ, развѣ онъ не «умеръ со знаменемъ въ рукахъ», какъ гласитъ надпись на одномъ изъ его могильныхъ вѣнковъ?!...

⁸⁾ Л. Шелгунова, «Изъ далекаго прошлаго», 1901 г., 190.

Полноте, господа! Да развѣ ради оправданія даже всѣхъ васъ гуртомъ можно серьезно заниматься бесполезной, потому что никому ненужной, и оскорбительной, потому что это вы, реабилитацией такихъ именъ, которыя все интеллигентное русское общество благоговѣнно чтитъ, да, именно чтитъ, не только любить и уважаетъ!..

.....

Было бы несправедливо не выдѣлить изъ журналистовъ-чиновниковъ особой группы чиновниковъ-журналистовъ. Къ сожалѣнію, понятія эти многими спутаны, а, между тѣмъ, различеніе ихъ важно ради болѣе детальной классификаціи пишущей братіи. За послѣднія двадцать лѣтъ стало особенно въ модѣ отводить мѣсто въ газетахъ и «толстыхъ» журналахъ работамъ чиновниковъ по вопросамъ, ввѣреннымъ имъ по службѣ. Большинство такихъ «статей» есть въ сущности почти даже стилистически не приглаженные «докладныя записки», «проекты», «журналы» и т. п. Такихъ «публицистовъ» у насъ развелось порядочно. Журналистикой они пользуются исключительно, какъ дойной коровой, доходнымъ способомъ дать широкое распространеніе своему «докладу», получить гонораръ за произведеніе, въ канцеляріяхъ особо не оплачивающееся, и вмѣстѣ съ тѣмъ вылѣзти по службѣ на вѣрномъ конѣ журнальной «учености»... Такихъ, съ позволенія сказать, журналистовъ, я, разумѣется, не бралъ выше въ соображеніе, потому что что имъ журналистика и что они журналистикѣ? Я упоминаю о нихъ только для того, чтобы показать, что они мною не забыты, не свалены въ общую кучу.

.....

Иное положеніе занимаютъ журналисты, состоящіе на частной службѣ, если, конечно, она по самому своему существу не противорѣчитъ требованіямъ нравственнаго поведенія личности. Разъ журналистика, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не можетъ давать необходимыхъ средствъ для существованія, а бросить ее, какъ самое драгоцѣнное проявленіе своей духовной дѣятельности, человѣкъ не въ силахъ, не искалѣчивши своего нутра—онъ въ правѣ и даже долженъ заняться

частнымъ приватнымъ трудомъ, который бы спасъ его, какъ журналиста, отъ нравственнаго паденія. Частная служба, напримеръ, въ земствѣ, муниципалитетахъ, банкахъ и т. п., не можетъ компрометировать журналиста: *сущность* ея ни на іоту не ущемляетъ его свободу, какъ опредѣленно мыслящаго члена общества; она не нарушена до тѣхъ поръ, пока, подчиняясь чужой волѣ, онъ не сдѣлаетъ шага, противорѣчащаго своимъ основнымъ убѣжденіямъ. Поэтому же нельзя осуждать журналиста, занимающагося торговлей (конечно, не водкой, порнографіей и пр.): нужно только, чтобы это была торговля, достойная высоты ея хозяйина, чтобы она велась и экономически и общественно честно и вполне добросовѣстно, чтобы журналистъ оплачивалъ только свой собственный въ ней трудъ.

Года четыре тому назадъ нашумѣлъ бланкъ одного литератора, гдѣ были и посредничество по скупкѣ земли, и торговля жерновами, и хлопоты по вводу во владѣніе и еще многое другое, а въ самомъ концѣ стояло: «сотрудникъ такихъ-то журналовъ и газетъ». По-моему, тутъ нужно было говорить прежде всего о рекламированіи частной дѣятельности антуражемъ писателя. Но на эту-то сторону какъ разъ почти и не было обращено вниманія. Травили именно за самый посторонній литературѣ трудъ, кричали о позорѣ такого совмѣстительства и т. д. И, замѣтьте, кричали больше всего люди, получающіе по нѣскольку тысячъ рублей въ годъ со стола журналистики. Я далеко не поклонникъ и—упаси Богъ!—не единомышленникъ обладателя бланка, но долженъ сказать, что вполне справедливо къ нему почти никто не отнесся...

Конечно, лучше, если журналистъ сможетъ пережить критическій періодъ и не будетъ связанъ никакой посторонней службой, лучше именно въ Россіи, гдѣ такъ необходимо всецѣло отдаться только одному этому дѣлу.

Нѣкоторые высказываютъ мнѣніе, что какъ бы то ни было, но журналистъ *долженъ* быть только журналистомъ, что никакіе подсобные заработки не должны входить въ его бюджетъ. Мотивируется это мнѣніе такимъ соображеніемъ: пока журна-

листъ не будетъ жить исключительно литературой, до тѣхъ поръ онъ не будетъ предъявлять къ издателямъ энергичныхъ требованій о соотвѣтственной оплатѣ своего труда. Мнѣ кажется, тутъ недоразумѣніе того же порядка, какъ и въ рабочемъ вопросѣ, прекрасно формулированное г. Туганомъ-Барановскимъ въ «Русской фабрикѣ». Связь журналистики съ подсобной службой или работой является пока экономически необходимой и поэтому она такъ упорно держится. Пока заработокъ журналиста не прочнѣе и не больше нынѣшняго, до тѣхъ поръ эта связь не можетъ не сохраниться, хотя ясно, что она-то и есть одна изъ причинъ, обуславливающихъ современный уровень заработка. Такимъ образомъ связь эта—и причина и слѣдствіе небольшого, плохо гарантированнаго заработка. И, по-моему, журналистъ именно до тѣхъ поръ не предъявитъ сколько-нибудь энергично этихъ требованій, пока не будетъ въ состояніи чувствовать подъ собою почвы если бы они не были выполнены. Во всякомъ случаѣ въ этомъ вопросѣ тотъ же безвыходный кругъ, что и въ рабочемъ вообще: для повышенія литературной заработной платы необходимо прекращеніе связи журналистовъ съ подсобными заработками, а для прекращенія связи съ подсобными заработками необходимо повышеніе литературной заработной платы. «Стороннія» обстоятельства стоятъ, разумѣется, внѣ заколдованнаго круга. И кругъ этотъ не неразрѣшимъ. Его разрѣшить будущее и, конечно, только при условіи сплоченности журналистовъ, ясной формулировки ихъ общихъ требованій и энергіи и настойчивости въ ихъ удовлетвореніи.

А какъ оплачивается нашъ трудъ?!

По мнѣнію Ад. Смита, «трудъ работника, кромѣ обычной заработной платы, долженъ доставлять ему возможность вернуть расходы на его воспитаніе и, кромѣ того, дать, по крайней мѣрѣ, обычный барышъ—и все это притомъ должно совершиться въ опредѣленное время, во вниманіе къ крайне не

опредѣленной продолжительности человѣческой жизни, не допускающей такого вѣрнаго разчета напередъ, какой возможенъ въ отношеніи прочности машины».

Д-ръ Энгель въ статьѣ «Цѣна труда» указываетъ, какъ слѣдуетъ вычислять расходы рабочаго, за исключеніемъ его дневнаго пропитанія. Вотъ главныя статьи бюджета: 1) издержки на погашеніе капитала, затраченнаго въ молодости на воспитаніе и образованіе: а) проценты и погашеніе на этотъ капиталъ, б) страхованіе этого капитала на случай смерти рабочаго до погашенія, на случай неспособности къ труду, на случай временной утраты; 2) издержки на поддержаніе жизни и способности къ труду: а) расходы на поддержаніе и возстановленіе силъ, б) страхованіе противъ преждевременной утраты способности къ труду, в) страхованіе противъ временнаго прекращенія заработковъ вслѣдствіе: болѣзни, кризисовъ или застоя въ данной отрасли промышленности; 3) издержки на поддержаніе жизни въ старости ²⁾).

Между тѣмъ, по совершенно справедливому утвержденію Е. И. Конради, можно считать почти за общее правило, что «литературный работникъ, вступивъ уже въ производительный періодъ своей дѣятельности, становится лицомъ къ лицу съ неразрѣшимой диллемой—содержать себя трудомъ, предполагая уже извѣстную образовательную подготовку, въ то же время приобрѣтать то, что ему недостаетъ по части этой подготовки». Все это еще туда-сюда, но бѣда, когда къ тому же присоединяется необходимость содержать семью,—«т.-е. уплачивать воспитаніемъ дѣтей долгъ собственнаго образованія, тогда какъ лишь часть этого долга была дѣйствительно сдѣлана въ свое время, а остальная, недостающая часть должна наверстываться самимъ работниковъ въ такую пору его жизни, когда онъ стоитъ уже на своихъ ногахъ и когда ему не отъ кого ожидать той заимобразной поддержки, которую каждое возмужавшее поколѣніе должно оказывать въ формѣ воспитанія подрастающему»...

²⁾ Цитирую по труду Ф. Ланге—«Рабочій вопросъ».

«Цифра литературнаго заработка, покрывающая съ грѣхомъ пополамъ minimum потребностей, который установился въ данномъ быту, не удовлетворяетъ остальнымъ условіямъ, которыя, по самому скромному разсчету, признаются необходимыми для того, чтобы трудъ покрывалъ свои собственныя издержки и не шелъ навстрѣчу къ неминуемому банкротству. Цифра эта не даетъ средствъ ни для той спеціальной подготовки, которой требуетъ литературная дѣятельность, ни для поддержанія капитала нравственныхъ и физическихъ силъ въ теченіе рабочаго періода жизни, ни для обезпеченія извѣстной страховой преміи на случай болѣзни, безработицы или старости. Если цифра эта и можетъ быть до извѣстной степени увеличена усиленной работой, то дѣлается это не иначе, какъ въ ущербъ двумъ первымъ изъ вышеназванныхъ элементовъ «собственной цѣны труда», т.-е. въ ущербъ необходимой спеціальной подготовкѣ и капиталу нравственной и физической рабочей силы,—а это, въ свою очередь, отзывается сокращеніемъ рабочаго періода жизни, въ теченіе котораго должны быть покрыты всѣ собственные расходы труда, и увеличиваетъ вѣроятіе временнаго перерыва работы, которое и безъ того при непрочности положенія литературныхъ работниковъ и при тѣхъ случайностяхъ, которымъ подвержено существованіе литературныхъ предпріятій, достаточно велико. Такимъ образомъ, процентъ за страховую премію возрастаетъ до такихъ размѣровъ, при которыхъ покрытіе его изъ заработка становится невысказано. Въ результатѣ всѣхъ этихъ дефицитовъ, нарастающихъ одинъ на другомъ и другъ друга обусловливающихъ, получается быстрое и полное банкротство труда»¹⁰⁾.

Ко всему этому врядъ-ли нужно много прибавлять. Въ результатѣ сплошь и рядомъ одновременно: и банкротство, и ремесленничество. Вещи пишутся такой, а не меньшей длины, потому что нужно получить столько, а не меньше рублей...

¹⁰⁾ «Организація литературнаго труда» въ сборникѣ «Русскіе общественные вопросы», 1872 г.

То, что можно сказать въ двухъ словахъ, говорится въ десяткахъ строкахъ, съ постоянными черезъ точку абзацами, повтореніями...

Правъ, десять разъ правъ былъ Шелгуновъ, когда слишкомъ 40 лѣтъ назадъ писалъ.

«Всѣ уже рабочіе поняли пользу промышленныхъ ассоціацій, и только одни литераторы и журналисты, разсуждавшіе такъ много на эту тему, не сдѣлали для себя ничего: капиталисты-издатели, живущіе ихъ трудомъ, попрежнему эксплуатируютъ своихъ сотрудниковъ, а сотрудники попрежнему остаются въ кабалѣ и привлекаютъ туда еще новыхъ литературныхъ пролетаріевъ»¹¹⁾.

Эти слова выражавшія тогда всю злобу по адресу эксплуататоровъ, вогнавшихъ въ раннія могилы Бѣлинскаго и многихъ, многихъ другихъ, и теперь являются точнымъ выраженіемъ происходящаго въ наши дни.

Издателей Некрасовыхъ, Панаевыхъ, Елисеевыхъ, Салтыковыхъ было двемъ съ огнемъ; а теперь ихъ много больше?

Вотъ нѣсколько яркихъ иллюстрацій къ современной оплатѣ труда журналистовъ.

Секретарь редакціи средней по размѣрамъ газеты, по-просту завѣдующій редакціей (этого названія издатели изъ прижизненныхъ не долюбиваютъ: оно заставляетъ платить побольше) за 50 руб. въ мѣсяць и *право* (!) на 1800 строкъ по 2 коп. долженъ былъ: прочитывать всѣ столичные газеты и выбирать оттуда имперскую хронику, «обзоръ печати» и беллетристику, всѣ провинціальныя газеты — «по Россіи», «провинціальную хронику», редактировать всѣ рукописи статей и фельетоновъ, завѣдывать громаднымъ областнымъ отдѣломъ, вести гонорарную книгу и всю переписку, компилировать 8 статей въ мѣсяць изъ газетъ и журналовъ (бесплатно) и, наконецъ, вести всѣ переговоры съ посѣтителями. Издатель при бюджетѣ въ 36—38.000 руб. (съ типографіей) получалъ въ годъ 6—7.000 р. чистаго, а когда указывали на это, говорилъ, что «совер-

¹¹⁾ «Литературные рабочіе», «Современникъ», 1861 г., X, 208.

шенно не понимаетъ такой странной бухгалтеріи, потому что считаетъ себѣ жалованье въ 3000 руб. въ годъ за работу редактора... Между тѣмъ, такъ какъ въ конторскихъ книгахъ велась и вся его домашняя жизнь, то все, что тратилось семьей, все это вносилось въ теченіе года въ расходы по изданію... Порядокъ этотъ въ нѣкоторыхъ газетахъ держится упорно...

Завѣдующій мѣстной хроникой, онъ же единственный репортеръ газеты, получая 50 руб. въ мѣсяць, имѣлъ въ день свободныхъ 3—4 часа, посвящая все остальное время собачьей бѣготнѣ по городу...

Завѣдующій иностраннымъ отдѣломъ большой газеты, дающей издателю около 35—40.000 руб. въ годъ при бюджетѣ въ 200.000 руб., получаетъ за все 125 руб. въ мѣсяць...

Помощникъ редактора (дѣйствительный помощникъ, а не старшій корректоръ) большой газеты, приносящей издателю около 50.000 при бюджетѣ въ 160.000 руб., получаетъ за массу работы съ прибавкой 15 ночныхъ дежурствъ на выпускѣ номера, 150 руб. Впрочемъ, онъ имѣетъ *право* на 10.000 строкъ самостоятельной работы въ мѣсяць по 3 коп., иначе говоря, на 11—12 печатныхъ листовъ оригинальнаго матеріала въ мѣсяць...

Но это еще не всѣ условія матеріальной жизни русскаго журналиста. Не менѣе серьезнаго вниманія заслуживаетъ неаккуратность нѣкоторыхъ издателей, не платящихъ въ срокъ даже такихъ ничтожныхъ жалованій и гонораровъ. Я знаю нѣкоторыхъ издателей, которые прежде всего стараются удовлетворить наличною у нихъ суммой свои оформленныя обязательства передъ поставщиками бумаги, типографскихъ принадлежностей, рабочими, почтой и т. д. и уже послѣ всѣхъ этихъ расчетовъ думаютъ о сотрудникахъ. Уплата ежемѣсячнаго жалованья на недѣлю, на двѣ позже срока, а гонорара—черезъ мѣсяць со дня напечатанія работы—это такое у нихъ обыкновенное явленіе, что журналистъ о немъ рѣдко говоритъ. Онъ претендуетъ лишь на болѣе продолжительныя оттяжки, но и тогда къ чему

сводится его протестъ? Самое большее—къ энергичному требованію своего собственнаго, на которое такіе издатели отвѣчаютъ не менѣе энергично: «никакъ не могу, потрудитесь обождать». Конечно, есть органы, матеріальное положеніе которыхъ таково, что сотрудники и сами согласны иногда долго ждать возможности уплаты слѣдуемаго имъ заработка, но, конечно, дѣйствительное затрудненіе встрѣчается рѣже, чѣмъ простая халатность по отношенію къ людямъ, съ которыми издатели не связаны никакими письменными обязательствами. Не даромъ же иногда на вопросъ: каковъ тамъ-то издатель?—серьезные и вполне литературные люди отвѣчаютъ прежде всего: «платить аккуратно». И говорится это съ явнымъ желаніемъ хорошо его аттестовать съ самаго начала...

Въ одной газетѣ, обладающей хорошими средствами, говорарь платится, какъ исключеніе. Какъ-то ея сотрудникъ, послѣ длиннаго ряда всевозможныхъ писемъ объ уплатѣ, долженъ былъ обратиться въ другую газету, чтобы добиться, наконецъ, хоть какого-нибудь печатнаго отвѣта. Оказалось, говорарь оплачивается только по полученіи «форменнаго» счета чуть-ли ни съ полицейскимъ удостовѣреніемъ, а таковой представленъ не былъ... Другой сотрудникъ точно такъ же не могъ найти слѣдовъ посланной туда повѣсти, пока одинъ знакомый не подобралъ ему номера и не увѣдомилъ, что вещь, о которой такъ упорно молчатъ, давнымъ давно напечатана.

Не могу тутъ же не сообщить одного «куръеза»... Въ одной очень большой газетѣ, издатель которой составилъ себѣ кругленькій капиталецъ и уже отстроилъ здоровенный домище, статьи и фельетоны оплачиваются... *поштучно*... Нѣкоторые журналисты примутъ это, можетъ быть, за анекдотъ. Я самъ долго не вѣрилъ такой нелѣпости, пока собственными глазами не увидѣлъ «счетъ» коллеги. Большія статьи оплачиваются 7 рублями, а малыя—5! Въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣло рѣшаетъ глазомѣръ самого издателя и никакія возраженія автора не принимаются во вниманіе...

— У насъ ужъ такъ принято... —отвѣчаетъ литературный «благодѣтель», поигрывая брелоками своей пудовой золотой цѣпи...

Когда я попробовалъ подсчитать выгоду такого расчета, то оказалось, что, благодаря только этой бухгалтерии, издатель ежегодно кладетъ въ карманъ около 6.000 рублей, кулачки сдираемыхъ съ сотрудниковъ, давшихъ ему и палаццо и положеніе...

Нельзя также не указать на полную необезпеченность журналиста въ періодъ времени между прекращеніемъ постоянной работы, по какимъ бы то ни было причинамъ, въ одномъ изданіи и началомъ ея въ другомъ. Сплошь и рядомъ ему не удается болѣе или менѣе скоро найти подходящую работу; средствъ, конечно, никакихъ; изъ изданія вышелъ безъ всякаго единовременнаго вознагражденія со стороны издателя. Современная дифференціация изданій сама по себѣ уже очень осложняетъ вопросъ предложеніи литературныхъ рабочихъ рукъ помимо постоянныхъ сотрудниковъ. А тутъ есть еще и многія другія, кажущіяся иногда мелкими причины: во-первыхъ, тѣ вопросы, которые интересуютъ журналиста, могутъ не интересовать изданіе, въ которое онъ вздумаетъ предложить свою построчную работу, или быть тамъ уже выясненными и сданными въ архивъ. Во-вторыхъ, обращаться, хоть на время, въ ремесленника и писать не о томъ, что интересно самому—очень и очень тяжело. Эти испытанія—одни изъ самыхъ давящихъ...

А тутъ семья, собственное, часто разстроенное здоровье...

Куда обратиться за помощію, чтобъ чувство одолженности давило наивозможно меньше? Или къ личнымъ друзьямъ, или къ корпораціи товарищей, т.-е. въ «Литературный Фондъ». Условное право на такое обращеніе представляетъ п. 6. § 5 устава «Фонда», гласящій: «право на пособіе отъ Общества имѣютъ... заслуженный литераторъ и ученый, по преклонности лѣтъ или слабости здоровья, пришедшій въ невозможность содержать себя собственными трудами или продолжать службу и лишенный средствъ возстановить свои силы, или, наконецъ, стеченіемъ какихъ-либо другихъ обстоятельствъ при-

веденный въ стѣсненное положеніе». Комитетъ «Фонда» входитъ въ обсужденіе заслуженности (разумѣется, литературной) и, надо отдать ему полную справедливость, очень чутко относится къ нуждамъ своихъ товарищей. Но эта-то чуткость при средствахъ «Фонда», не совсѣмъ соответствующихъ числу современныхъ литераторовъ, и есть главная причина очень небольшого размѣра каждаго выдаваемого пособія. Хотя § 6 и рекомендуетъ «лучше меньшему числу оказать достаточное пособіе, чѣмъ многимъ, но безъ удовлетворительныхъ результатовъ», но кто изъ членовъ комитета возьметъ на себя страшную отвѣтственность отказа въ небольшой помощи дѣйствительно нуждающемуся человѣку? Писать объ этомъ гораздо легче. Между тѣмъ, не всякому необходимо и желательно *безвозвратное пособіе*, наоборотъ, многіе съ удовольствіемъ бы получали въ критическіе моменты безработицы *срочныя ссуды*. Вотъ этотъ-то вопросъ, очень существенный именно для литератора, «Литературному Фонду», имѣющему ссудный капиталъ крайне незначительный, и слѣдовало бы обсудить какъ можно шире и глубже. Пусть у насъ будетъ наше собственное прибіжище, пусть каждый журналистъ, честно несущій свою святую службу, будетъ увѣренъ, что въ дѣйствительно трудную минуту свои же товарищи ссудятъ ему такую сумму, которая позволитъ не бросаться, ради голодающихъ дѣтей, на первое предложеніе работы, не итти на компромиссы...

Не могу не сказать также нѣсколькихъ словъ по поводу нѣкоторыхъ проектовъ улучшенія матеріальнаго положенія писателей, которыми пресса особенно изобиловала передъ недавнимъ юбилеемъ печати.

Небезызвѣстный публицистъ Г. К. Градовскій—горячій сотрудникъ кассы взаимопомощи литераторовъ и одинъ изъ ея учредителей—опубликовалъ свое письмо къ предсѣдателю кассы, Я. Н. Колубовскому, въ которомъ рекомендовалъ обратиться за помощью къ читателю. Предложеніе его настолько характерно, что я приведу его дословно:

«Мнѣ пришло въ голову: нельзя-ли обратиться непосредственно къ читателямъ и подписчикамъ съ приглашеніемъ приложить посильную лепту въ пользу пенсіоннаго фонда, какъ бы при подпискѣ на юбилейный годъ? Вѣдь, 200 лѣтъ труда и терзаній русскаго писателя что-нибудь да стоятъ и заслуживаютъ сочувствія и поддержки читателя. *Можно составить умненькое и чувствительное воззваніе* и напечатать его въ подписное время во всѣхъ газетахъ и журналахъ. Тогда же слѣдовало бы тиснуть нѣсколько статей въ поддержаніе воззванія и публиковать имена жертвователей. Съ міру по ниткѣ—голому рубаха».

Въ письмѣ къ сотруднику «Русскихъ Вѣдомостей», А. П. Лукину, г. Градовскій писалъ:

«...Лучше всего было бы, если бы редакціи хотя бы главнѣйшихъ газетъ и журналовъ согласились обратиться непосредственно къ читателямъ съ приглашеніемъ составить читательскую складку по случаю двухсотлѣтія печати въ пенсіонный фондъ добавленіемъ хотя бы нѣсколькихъ копеекъ при подпискѣ на 1903 юбилейный годъ... Это—не выпрашивание милостыни, а услуга читателю, доставленіе ему удобнаго случая выразить свое сочувствіе печати и дѣлу обезпеченія литературнаго труда, на которое за границею собраны милліоны... Пора русскому читателю устыдиться необезпеченности и шаткости литературнаго труда въ Россіи. Иной желалъ бы принять участіе въ составленіи пенсіоннаго фонда, но стыдится пожертвовать рубль или два... Одиночное пожертвованіе такого размѣра считается даже оскорбительнымъ и смѣшнымъ, дерзкою выходкою... Но иное дѣло—общая складчина, въ которой и богатый, и бѣдный могли бы принять посильное участіе. Въ одинъ годъ однимъ дружескимъ натискомъ совершится доброе дѣло на пользу не только нынѣшнихъ, но и всѣхъ будущихъ русскихъ писателей. Пора обезпечить русскому писателю увѣренность, что въ старости или при инвалидности ему не придется протягивать руку за подаеніемъ или очутиться въ богадѣльнѣ»...

Итакъ, проектъ г. Градовскаго сводился, собственно, къ слезницѣ по адресу читателя... Надо-ли говорить, что такой способъ полученія помощи совершенно не соотвѣтствуетъ ни отно-

шеніямъ русскаго читателя къ писателю, ни достоинству ихъ обоихъ, а послѣдняго—въ особенности! Взывать «умненько и чувствительно» — способъ нелитературный. Онъ употребляется въ другихъ случаяхъ на послѣднихъ страницахъ газетъ... *Ловить и выпрашивать* читательскую лепту, это—ниже достоинства литературы и настоящіе писатели *такой* помощью никогда не воспользуются, если бы даже грозила голодная смерть!

Нѣтъ, тутъ надо другое, совершенно обратное. Надо, чтобы читатель самъ, по *собственной инициативѣ* пошелъ на встрѣчу писательской нуждѣ. Надо, чтобы его побуждала къ этому внутренняя работа сознанія и чувства, а не анонсированіе имени жертвователя.

Да и можетъ ли быть умѣстенъ тутъ терминъ *жертвователя!* Если читатель пошлетъ рубль - другой и будетъ думать, что онъ принесъ жертву—онъ глубоко ошибется! Русскій писатель, вся русская литература принесли и несутъ сами такія жертвы для общества, которыя никакими милліонами рублей искуплены быть не могутъ. И эти жертвы—наша гордость! Вѣдь, за нихъ только мы и заслуживаемъ любовь и уваженіе! Не о жертвахъ слѣдуетъ говорить, а о дружеской, *minimum*—товарищеской *помощи*. Въ этомъ только видѣ, только съ такимъ сознаніемъ данный рубль можетъ—и уже долженъ—быть принятъ писателемъ. Анонимность помогающаго—тоже важное условіе для сохраненія понятнаго самолюбія чловѣка.

Такимъ образомъ, что остается отъ проекта г. Градовскаго? Только канва, конечно, не ему одному принадлежащая. Все остальное, весь узоръ долженъ быть выброшенъ за полной негодностью.

Много приѣма заслуживаетъ предложеніе В. В. Лесевича, изложенное въ видѣ письма въ редакцію въ № 213 «Русскихъ Вѣдомостей», но и въ него, по-моему, должны быть внесены коррективы. Уважаемый коллега предлагаетъ, во-первыхъ, сосредоточить помощь читателя не въ кассѣ взаимопомощи, а въ «Литературномъ Фондѣ»; во-вторыхъ,—реализировать ее въ видѣ бланковъ съ наклеенными сберегательными марками; въ третьихъ,—дать этой формѣ широкую гласность.

Съ первымъ нельзя не согласиться, потому что прямыя задачи кассы—или помощь семьѣ уже умершаго, т.-е. перенесшаго всю нищету, писателя, или помощь писателю, совершенно неспособному къ труду по болѣзни. Въ иномъ положеніи «Фондъ»: онъ поддерживаетъ писателя при жизни. Второе тоже врядъ-ли можетъ быть замѣнено чѣмъ-нибудь болѣе простымъ и остроумнымъ. Что же касается третьяго предложенія, то, мнѣ кажется, оно неумѣстно. По мнѣнію г. Лесевича,—«необходимо, чтобы призывъ къ этимъ пожертвованіямъ нашелъ себѣ мѣсто въ наибольшемъ числѣ журналовъ и газетъ и былъ повторяемъ, какъ можно чаще. Идею возможности расширенія общественнаго участія въ дѣятельности фонда надо сдѣлать общераспространенною универсальною, ходячею: тогда только станетъ возможнымъ судить объ ея практичности и плодотворности. Принять ее къ свѣдѣнію и затѣмъ увѣнчать молчаніемъ значило бы не признать значеніе опыта и всякую попытку новшества топить въ рутинѣ. Чтобы идти впередъ, надо сдѣлать первый шагъ».

Все это вѣрно, но только въ примѣненіи къ читателю. Писатель не можетъ самъ взывать о помощи. Дѣло читателей, пользуясь столбцами газетъ, дать широкую гласность своему собственному желанію прійти на помощь литературнымъ работникамъ. Мы должны быть совершенно въ сторонѣ. Слава Богу, существующіе матеріалы по біографіи писателей достаточно извѣстны, чтобы побудить каждаго друга-читателя вполне самостоятельно подумать о нашей нуждѣ...

Наше же дѣло — продолжать работать, по возможности, на пользу русскаго общества, твердо вѣря, что у него самого достаточно и силъ и сознанія поддержать насъ.

Если русское общество не вспомнить само о своей литературѣ — это, по моему, будетъ значить только, что тѣ рубли, которые бы мы получили по способу г. Градовскаго, были бы *вырваны* у него силою умиленія и чувствительности.

Матеріальное положеніе журналистовъ, занятыхъ въ ежедневной прессѣ, заслуживаетъ вниманія между прочимъ еще и

съ той стороны, о которой какъ-то совершенно забывается и при оплатѣ ихъ труда, и при созданіи самой обстановки послѣдняго.

Уже Бенжаменъ Констанъ, этотъ пылкій и преданный своему дѣлу публицистъ, замѣтилъ ахиллесову пятю въ психической жизни «газетчика». «Необходимость писать каждый день—говорить онъ—кажется мнѣ камнемъ преткновенія для таланта... Журналистъ отрывается отъ достоинства литератора, отъ глубины сужденій, отъ свободы мыслей. Обыкновенно журналъ хуже своего автора и, еще чаще, авторъ становится хуже своего журнала» ¹²⁾.

Да, одна изъ самыхъ губительныхъ сторонъ газетнаго дѣла есть, несомнѣнно, тяжелое чувство каждаго мыслящаго «газетчика», когда онъ видитъ, какая скрупулезная величина времени остается у него для собственной, личной духовной жизни, неукладывающейся въ рамки газеты—или по условіямъ цензуры, или по неполнотѣ программы и плана изданія,—для самообразованія и самосовершенствованія. Вѣдь, нельзя же не начать, наконецъ, считаться хотя бы съ такимъ обыкновеннымъ явленіемъ въ жизни громадной арміи газетныхъ работниковъ, какъ лишь «пробѣганіе» ежемѣсячныхъ журналовъ и даже книгъ, необходимыхъ, между тѣмъ, для самой ихъ текущей работы. Вѣчное горѣніе съ двухъ концовъ, вѣчная спѣшка...: Это можно выдерживать пять, десять лѣтъ, но потомъ въ концѣ концовъ неминуемо: или прогрессивное нервное разстройство, или отреченіе отъ всякой культурной жизни, умственное одичаніе, ремесленничество.

Нужно повариться въ вѣчно кипящемъ газетномъ котлѣ, чтобы знать жизнь честнаго «газетчика». Этотъ человекъ живетъ для того, чтобы на слѣдующій же день не знать, на что ему придется реагировать своими истрепанными нервами;—какой вопросъ летящей, какъ стрѣла, жизни остановить завтра на себѣ его вниманіе:—на какое событіе ему нужно будетъ спѣ-

¹²⁾ Цитирую по труду Б. Чичерина.—«О народномъ представительствѣ», 658—659.

шить отозваться. Онъ можетъ поручиться только за то, что сдѣлалъ, но не за то, что хочетъ сдѣлать... Онъ не располагаетъ своею жизнью... Онъ живетъ и въ семьѣ и внѣ ея. Въ семьѣ, потому что она у него есть, внѣ семьи, потому что онъ постоянно внѣ ея. Онъ видитъ своего друга-жену только урывками, онъ не знаетъ, какъ и чѣмъ она живетъ: на это нѣтъ времени. Онъ видитъ своихъ дѣтей только утромъ и едва успѣваетъ сказать имъ: «здравствуйте». Когда ночью или поздно вечеромъ онъ приходитъ домой или выходитъ изъ кабинета, чтобы побесѣдовать въ семьѣ полчаса, какъ антрактъ между работой,—дѣти уже спятъ, утомленная за день жена отдыхаетъ. Его знаютъ всѣ, потому что онъ бесѣдуетъ съ громадной аудиторіей; его не знаетъ никто: онъ скрывается за анонимомъ или псевдонимомъ. Облегчить клокочущее нутро онъ не можетъ: онъ въ бесѣдѣ не весь. Онъ думаетъ много, работаетъ еще больше, но говоритъ мало: нужно взвѣшивать каждое слово; ради «стороннихъ» обстоятельствъ нужно содержать въ себѣ особый аппаратъ, который бы во-время показывалъ, когда слѣдуетъ остановиться. Онъ всю свою жизнь работаетъ для другихъ, ради этого не имѣетъ своей личной жизни. Онъ не одному человѣку доставилъ свободу, средства, развитіе, далъ теплый совѣтъ, поддержалъ упадавшего духомъ,—послѣ его смерти семья голодаетъ... Онъ вѣчно стремится къ расширенію своихъ знаній, хочетъ получить ихъ основательными и глубокими, но не можетъ: жизнь, которой онъ отдалъ всего себя, не даетъ возможности остановиться хоть на минуту, она тащитъ его за собой, крича: «Свѣти! хоть не очень ярко, но свѣти! Съ твоимъ свѣтомъ мы дойдемъ до настоящаго, безъ него—мы погибли!» Онъ страдаетъ, потому что живетъ; онъ чувствуетъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ, потому что видитъ вокругъ жизнь; онъ ежеминутно ощущаетъ и свое участіе въ ея пульсированіи. Его преслѣдуютъ, его гонятъ; его ненавидятъ, его любятъ, его цѣнятъ, на него надѣются. Его боятся и радушно встрѣчаютъ; отъ него отворачиваются и ему горячо жмутъ руки; изъ-за него сближаются и дерутся... Онъ радуется послѣдствіямъ своихъ правдивыхъ обличеній, замѣчаетъ поворотъ въ освѣ-

щаемую имъ сторону, чувствуетъ сзади товарищей, чувствуетъ ихъ локоть въ сомкнутомъ строѣ культурныхъ работниковъ и до самой смерти идетъ все впередъ и впередъ...

Бросить эту работу часто нѣтъ возможности: она страшно поглощаетъ человѣка, впитываетъ его въ себя; безъ нея, при привычкѣ, трудно оставаться даже нѣсколько дней...

Измѣнить сущность газетной работы тоже нѣтъ никакой возможности — у насъ она еще болѣе спокойна, чѣмъ на Западѣ. Надо, слѣдовательно, подойти къ рѣшенію затронутого вопроса съ другой стороны, а именно — увеличить составъ редакціонныхъ работниковъ. Сейчасъ число послѣднихъ часто такъ ограничено, что положительно не можетъ считаться сколько-нибудь нормальнымъ. По моимъ вычисленіямъ, въ средней, такъ сказать, редакціи, напримѣръ, провинціальной газеты, состоящей изъ редактора, помощника, секретаря, двухъ завѣдующихъ мѣстной хроникой, фельетониста и иностраннаго обозрѣвателя, редактору приходится работать ежедневно въ среднемъ 11—12 часовъ, помощнику 9—10, члену редакціи 8—9 и только иностранному обозрѣвателю 6—7 часовъ.

«Газетчики» должны подумать о своемъ рабочемъ днѣ. Если справедливой нормой физическаго труда считается 8 часовъ, то одно, по-моему, несомнѣнно: газетный день не долженъ превышать ее, а еще справедливѣе: не быть длиннѣе 7 часовъ, считая и время, необходимое для писанія обязательнаго литературнаго матеріала. Тогда только у этихъ тружениковъ будетъ оставаться безусловно необходимое время для собственной духовной жизни, тогда только они не будутъ вариться въ своемъ собственномъ соку, тогда только дадутъ живую и глубокую мысль.

VII.

Матеріальная необеспеченность журналистовъ, несомнѣнно, — одно изъ прочныхъ основаній зависимости ихъ отъ издателей, очень, конечно, различной въ степеняхъ и оттѣнкахъ. Однимъ

она связываетъ только руки, другимъ и языкъ, третьихъ дѣлаетъ лакеями и прислужниками Ивана Непомнящаго. Все рѣшаетъ вѣсь нравственнаго багажа журналиста, разумѣется, въ связи съ нѣкоторыми матеріальными условіями. Но до чего доходитъ эта зависимость и страхъ за свою собственную шкуру, можетъ доказать масса фактовъ, когда слово издателя-коммерсанта, сказанное достаточно категорически и рѣшительно, является послѣднимъ въ столкновеніяхъ его съ редакціей.

«Такъ хочетъ издатель» — вотъ извиненіе очень многаго ненормальнаго въ литературно-общественномъ поведеніи нѣкоторыхъ органовъ и его работниковъ. Я знаю редакцію, гдѣ издателя большинство сотрудниковъ не называетъ иначе, какъ «хозяиномъ», произнося это слово совершенно серьезно въ разговорѣ не только другъ съ другомъ и со всей редакціонной прислугой... но и съ людьми имъ совершенно посторонними. «Хозяинъ идутъ!», возвѣщаетъ сторожъ, вбѣгая въ комнаты сотрудниковъ...

Знаю другую, гдѣ въ присутствіи издателя сотрудники не смѣютъ сидѣть... Знаю такую, въ которой гг. журналисты писали и подписывали письма въ защиту своего «патрона», сознательно называя бѣлое чернымъ, а когда имъ указывали на такое поведеніе, «возражали»: «ничего не подѣлаешь; ѣсть-пить всѣ хотятъ»...

Въ договорѣ редактора съ издателемъ одной изъ газетъ есть такой пунктъ: «я, редакторъ, обязуюсь тщательно просматривать весь матеріаль передъ печатаніемъ его въ номерахъ газеты и ничего безъ собственнаго просмотра въ нихъ не ставить. Исключеніемъ служитъ все то, что будетъ сдаваться въ наборъ издателемъ и на помѣщеніи чего онъ будетъ настаивать — такой матеріаль мною долженъ быть поставленъ немедленно»... При одномъ изъ слѣдующихъ редакторовъ тотъ же издатель къ этому пункту добавилъ:.. «Вообще ничего не можетъ быть поставлено въ номеръ безъ согласія издателя»... Редакторъ, награжденный жирнымъ кушемъ въ видѣ годового содержанія, съ удовольствіемъ подписалъ такой договоръ Если

же имѣть въ виду, что этотъ издатель безграмотенъ и на силу составляетъ безъ посторонней помощи одну русскую фразу, то картинка еще больше выигрываетъ въ своей колоритности...

Очень часто Иваны Непомнящіе, ровно ничего общаго съ журналистикой, разумѣется, не имѣющіе, рѣшаютъ приглашеніе и удаленіе сотрудниковъ, даже принятіе литературнаго матеріала! Они преподносятъ редакціямъ «своихъ» сотрудниковъ съ которыми связаны тѣми или иными обязательствами или отношеніями, и т. д. безъ конца. Кое-какія иллюстраціи къ этому читатели встрѣтили уже выше. Письменный договоръ издателя съ редакторомъ — рѣдкость, съ сотрудникомъ — вещь положительно почти небывалая. Въ подавляющей массѣ случаевъ издатели ни о какихъ своихъ обязательствахъ не заговариваютъ, а редакторы съ сотрудниками или тоже не заикаются о нихъ, предвидя отказъ, или только намекаютъ, что не худо бы-де подписать условіе, но при этихъ словахъ встрѣчаютъ такую невинно-обворожительную улыбку издателя, что въ концѣ концовъ замолкаютъ, полагаясь во всемъ на судьбу-индѣйку. Надъ обыкновенной редакціей постоянно виситъ домокловъ мечъ издательскаго «не потерплю!» «вдраву моему не препятствуй!», работа ведется безъ всякой увѣренности за завтрашій день, журналисты совершенно не чувствуютъ себя хозяевами дѣла, которое они-то и создаютъ: издатель знать не хочетъ никакихъ литературныхъ обычаевъ. «Не хочу!» кричитъ онъ всегда, когда вздумаетъ, и этимъ несложнымъ судомъ рѣшаетъ всѣ самые сложные моменты и обстоятельства въ жизни изданія, какъ органа общественной мысли. Коммерсантъ-издатель просто-таки не понимаетъ — и, конечно, вполне искренно — какъ можетъ что-нибудь не исполнить «его сотрудникъ», — нанятый имъ приказчикъ по письменной части. Вѣдь, въ другихъ его предпріятіяхъ есть всевозможные управляющіе, и всѣ они точно и безпрекословно выполняютъ волю своего господина... «Моя газета!» твердо убѣжденъ Иванъ Непомнящій и съ этого пункта его ужъ не сшибешь...

Ниже я буду подробнѣе говорить объ ограниченіи произвола издателей, а потому здѣсь не хочу пока отвлекать вниманіе читателя.

VIII.

Никогда не забуду своихъ первыхъ впечатлѣній на поприщѣ присяжнаго газетчика. Издали мнѣ казалось, что газета, это—средоточіе культурныхъ, развитыхъ людей, которые если и не говорятъ десятой части того, что перерабатываетъ ихъ богатое нутро, то исключительно благодаря юридическому положенію своего дѣла. Потомъ, по мѣрѣ сближенія съ извѣстнымъ элементомъ своихъ коллегъ, я не внесъ въ это представленіе существенныхъ измѣненій, потому что умѣлъ быстро отличать пшеницу отъ плевелъ, но первыя впечатлѣнія меня, признаюсь, обезкуражили. Они, конечно, въ свою очередь, заставили, вдумавшись во внутреннія условія жизни журналистики, не придавать имъ, этимъ первымъ впечатлѣніямъ, рѣшающаго значенія. Они открыли мнѣ десницу и шуйцу личнаго состава газетныхъ работниковъ.

Помню, меня на первыхъ порахъ страшно поразилъ элементъ людей, самовольно прикомандировавшихъ себя къ журнализму. Не понимая сначала всѣхъ обусловливающихъ такой фактъ причинъ, я испыталъ не мало минутъ страшной подавленности. «Какъ смѣютъ эти люди братья за перо! Какъ могутъ они пускаться въ путешествіе съ такимъ легкимъ багажемъ ума, знаній и порядочности!» — думалъ я и обрушивался исключительно на нихъ самихъ всею силою своего негодованія... Между тѣмъ, знакомясь все ближе и ближе съ журналистикой, я скоро сталъ понимать, почему въ нее вошелъ подобный элементъ, а къ нему самому—относиться уже не такъ враждебно. Мнѣ стало ясно, что эти люди не могутъ не быть въ нашемъ дѣлѣ. Конечно, такое сознаніе еще болѣе горько и обидно, но оно во всякомъ случаѣ мотивировано.

Хорошо, вплотную узнавъ юридическія условія жизни журналистики и роль коммерсанта-издателя, я понялъ, что все это, какъ нельзя лучше, даетъ жирную почву для произрастаніи плевелъ.

На спросъ коммерсанта быстро послѣдовало соответствующее предложеніе; подъ давленіемъ бытовыхъ условій, условій цензурныхъ—пшеница не достигаетъ своего роста, лучшій элементъ журналистовъ, какъ улитка, прячется въ раковину.

Явленіе—сейчасъ легко наблюдаемое, и нужно умѣть не поддаваться желанію все обобщать, чтобы не сдѣлать вывода, безусловно несправедливаго по отношенію къ цѣлому:—«журналистика-де, падаетъ». Нѣтъ, отъ присутствія плевелъ пшеница не погибнетъ! Уничтожьте свободу молчанія—и плевелъ не будетъ, тогда лучшіе элементы покажутъ свою силу, ростъ и значеніе.

Сколько разъ мнѣ вспоминались «Похороны» Щедрина, тѣ «Похороны», которые, по свидѣтельству Н. К. Михайловскаго, великій сатирикъ до смерти считалъ своимъ лучшимъ произведеніемъ.

Когда ежедневная печать вступала на «практическую арену», Пименъ Коршуновъ предсказалъ:

— «Боюсь я: гаду много въ литературѣ заведется»...

Черезъ нѣкоторое время его собесѣдникъ уже записываетъ: «Дѣйствительно, хотя вполне сформировавшихся, окончательно созрѣвшихъ гадовъ въ то время еще нельзя было указать, но нѣчто намекающее ужъ было. Были, такъ сказать, гады ближайшаго будущаго, заявлявшіе въ настоящемъ только о безконечной податливости. Большинство ихъ копошилось въ газетахъ и, работая изо дня въ день, забывало сегодня, что говорило вчера, и заботилось лишь о томъ, чтобъ выходило бойко и занозисто. Поистинѣ, это были совсѣмъ-совсѣмъ легкомысленные люди (но еще не распутные), хотя нѣкоторые изъ нихъ были несомнѣнно талантливы и пользовались извѣстностью»¹³⁾.

¹³⁾ «Полн. собр. соч.», V. 558.

«Похороны» были написаны къ 1879 году, а въ «Пестрыхъ письмахъ» (1884—1886 гг.) Салтыковъ уже говоритъ:

«Вмѣстѣ съ другими я вѣрилъ, что печать есть сила и что этой силѣ суждено развиваться и сдѣлаться несокрушимою. Быть можетъ,—говорилъ я себѣ,—процессъ этого развитія совершится туго, не безъ горькихъ перипетій — пожалуй, даже не безъ утратъ... Все это я допускалъ, но и за всѣмъ тѣмъ ни на минуту не переставалъ утверждать, что печать есть сила и пребудетъ ею во вѣкъ. И никогда я не предполагалъ...

«Нѣтъ, никогда, никогда, даже въ самые черные дни, я не могъ представить себѣ, чтобы сила печати могла осуществиться въ тѣхъ поразительныхъ формахъ, въ какихъ я узналъ ее здѣсь, въ эту минуту! Какимъ образомъ это случилось? Какое злое волшебство передало эту силу въ руки Подхалимовыхъ, сдѣлало ее орудіемъ для обложенія сборами «брюхановъ»? Когда это произошло и какъ-таки никто этой перестановки не замѣтилъ?»

.....«Принципы были побѣждены, и въ то же время всякая надежда, что слово «печать» когда-нибудь получитъ объединяющій смыслъ, исчезла навсегда.

«Вотъ этотъ-то моментъ и подстерегали Подхалимовы. Они поняли сразу, что ни принципы, ни руководящіе идеалы — не ко двору; что свѣточъ мысли не освѣщаетъ и не убѣждаетъ, а производитъ раздраженіе и панику, полную грядущихъ отмщениій; что, слѣдовательно, ежели печать хочетъ быть силою, то она должна отыскивать почву для этой силы въ той изменной сферѣ, которая не оставляла бы никакихъ сомнѣній насчетъ ея принципиальнаго ничтожества. А именно, въ сферѣ мелочей, прожектерства и личнаго, такъ сказать, наглядно-физическаго обличенія.

«И вотъ снова выступили Подхалимовы *вчерашніе*, которые еще во дни возрожденія руку набили. Выступили и поразили всѣхъ юркостію и непринужденною острою ума. Они первые наглядно доказали, что можно жить и безъ принциповъ. За ними появились Подхалимовы *нынѣшніе*, такіе, у которыхъ даже литературныхъ преданій не было, а были только недюжинныя способности по части изслѣдованія корней и нитей, шантажа и

обезкураженія «брюхановъ». Первые говорили: «Пріятно этакій въ нѣкоторомъ родѣ арбузъ щелкнуть, чтобъ онъ по всѣмъ швамъ треснулъ!» Вторые прибавляли: «и при семъ чтобъ у него изъ всѣхъ щелей ассигнаціи поползли» ¹⁴⁾.

Было бы громадной ошибкой перспективы принимать эти слова М. Е. Салтыкова за характеристику *всей* печати. Кому же, какъ ни ему, была извѣстна сила истинной печати, какъ литературы, а не только произведенія типографскаго станка!? И, конечно, эту перспективу онъ просто подразумѣвалъ необходимо существующей у *каждаго своего* читателя.

Да, и мнѣ неоднократно случалось наблюдать Подхалимовыхъ, Скомороховыхъ и К°, но развѣ это *представители* нашей журналистики?! Это только люди, которыхъ нельзя оставлять въ сторонѣ, существованіе которыхъ нельзя замалчивать.

IX.

Современная жизнь настолько осложнилась во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, настолько туго поддается быстрому и безошибочному анализу, что каждому, кто хочетъ, все-таки, овладѣть ею, необходимо солидное образованіе, серьезныя знанія. Какой-то редакторъ одной изъ американскихъ газетъ такъ охарактеризовалъ, чѣмъ долженъ быть журналистъ: «земледѣльцемъ, садовникомъ, винодѣломъ, мореходомъ. Журналистъ—проповѣдникъ, звонарь, плакальщикъ, столоначальникъ и поэтъ. Журналистъ—прожекторъ, художникъ, сборщикъ благотворительныхъ пожертвованій, другъ челоуѣчества, нянька, посредникъ и швейцаръ міра. Журналистъ—общественный контролеръ, дипломатъ адвокатъ, судья, «отецъ города», депутатъ, ораторъ. Онъ—врачъ, сидѣлка, спаситель, санитаръ, гипнотизеръ, аптекарь, поваръ. Журналистъ—полицейскій, обществен-

¹⁴⁾ «Полн. собр. соч.», VI, 395—397.

ный обвинитель, стражъ цѣломудрія, цензоръ нравовъ, спортсманъ, атлетъ, велосипедистъ, охотникъ, корреспондентъ, справочное бюро, артистъ, музыкантъ въ теоріи и практикѣ. При всемъ томъ журналистъ—писатель, даже ученый, біографъ, профессоръ и домашній учитель. Часто журналистъ представляетъ собой храбраго солдата, такъ какъ онъ, хотя и не револьверомъ и мечомъ, но не менѣе слабымъ орудіемъ—талантливымъ перомъ отстаиваетъ принципы правды и истины. Журналистъ алхимикъ, который изъ бумаги дѣлаетъ золото, а изъ золота бумагу».

Эта блестящая и во всякомъ случаѣ талантливая характеристика не можетъ быть принята полностью за желательную для современнаго русскаго журналиста. Условія нашей работы иныя. Русское періодическое изданіе—все еще альфа и омега чтенія громаднаго большинства грамотнаго люда. Это наша особенность и ее нельзя пока забывать, изъ нея нужно исходить въ требованіяхъ къ журналистикѣ. Можно и должно, конечно, съ нетерпѣніемъ ожидать того счастливаго момента, когда газета будетъ читаться только, какъ сборникъ послѣднихъ политическихъ и подобныхъ новостей и извѣстій, «толстый» журналъ — какъ сборникъ новостей широкой дѣятельности научнаго ума, а для всего остального, для элементарнаго и законченнаго средняго и высшаго образованія будетъ служить книга и нормально поставленная школа. Тогда, разумѣется, журналистика перестанетъ быть одновременно и учителемъ и воспитателемъ, и другомъ и собесѣдникомъ. Тогда же не будетъ крайней необходимости предъявлять къ ежедневной прессѣ массу чисто нравственныхъ, этическихъ требованій: роль сборника совсѣмъ иная.

Но не то теперь. Громадный процентъ взрослыхъ грамотныхъ людей получаетъ знанія изъ газеты, рѣже—и изъ журнала. Русская печать вообще стоитъ все еще въ томъ положеніи, когда не только обсужденіе всѣхъ серьезныхъ очередныхъ вопросовъ внутренней и политической жизни начинается и кончается только въ журналистикѣ, но и всѣ вообще вопросы дня проходятъ исключительно на ея столбцахъ и страницахъ.

Наше книжное дѣло совсѣмъ еще не развито въ этомъ отношеніи; рѣдко кто изъ пишущихъ рѣшится выпустить сразу брошюру или книжку въ надеждѣ добиться того или иного рѣшенія вопроса, изъ желанія провести въ массу ту или иную мысль. Пророчество Некрасова о громадномъ будущемъ брошюры—все еще только пророчество. Вся текущая жизнь, повторяю, проходитъ въ журналистикѣ, и читатель послѣдней такъ привыкъ къ этому, что за спиной «своей» газеты чувствуетъ себя спокойно. «Они не пропустятъ», вѣруеть онъ и почти не знаетъ текущей книжной литературы. Самое большее, если средній русскій человѣкъ истратитъ въ годъ три-четыре рубля, но и то на беллетристику. Конечно, это явленіе небезпричинно, читатель понимаетъ его происхожденіе, но въ чемъ бы оно ни коренилось, журналистика должна сознательно встрѣчать предъявляемыя ей жизнью требованія.

Она и принимаетъ, понимая, что удовлетворить ихъ можетъ въ каждомъ данномъ случаѣ только группа лицъ, хорошо дополняющихъ другъ друга своими разнообразными знаніями: американскій энциклопедизмъ не имѣетъ у насъ здоровыхъ корней и потому не далъ замѣтныхъ ростковъ. Необходимость дифференціаціи сказалась тутъ очень ясно и, несомнѣнно, она долго еще должна будетъ итти все впередъ и впередъ. Для успѣха общаго дѣла каждому журналисту надо работать въ опредѣленномъ отдѣлѣ громаднago цѣлаго, а для этого ео ipso имѣть при общемъ развитіи особыя спеціальныя знанія и опытъ.

Никогда не забуду одну газету, которая, не считая такую организацію обязательной и единственно разумной, во главу угла своей дѣятельности ставила благодѣтельнаго «Брокгауза» и только тогда попадала въ просакъ, когда необходимыя въ данный моментъ свѣдѣнія для составленія очередной статьи вдругъ не оказывались въ вышедшихъ томахъ... Скоро, впрочемъ, была придумана лазѣйка: приобрѣли какой-то нѣмецкій энциклопедическій словарь и, при первой въ немъ надобности, въ редакцію приглашался какой-то гимназистъ, который и переводилъ необходимое...

Знаю другую редакцію, гдѣ на выпускѣ номера сидѣлъ сотрудникъ, совершенно не считавшій удобнымъ употребленіе слова «мандатъ», а «картели» исправлявшій неизмѣнно на «артели» да еще съ замѣчаніемъ корректору за «небрежный» просмотръ первой корректуры... Знаю журналиста, работающаго вотъ уже десятокъ лѣтъ въ ежедневной прессѣ, который, присутствуя при разговорѣ объ уголовномъ правѣ и услышавъ выраженіе «институтъ условнаго осужденія», спросилъ: «а гдѣ же онъ помѣщается?»... Помню передовую статью, въ которой была такая фраза: «восточныя губерніи Малороссіи—Саратовская, Самарская и Астраханская—крайне нуждаются въ урегулированіи переселенія»... И это не была опечатка: рѣчь все время шла именно о Малороссіи... Въ статьѣ, посвященной тридцатилѣтію со дня смерти Герцена, въ доказательство обширности и разносторонности способностей Искандера было указано на двѣ его работы: «Общая фізіологія души» и «Наука и нравственность»... Очевидно, автора и редактора ввела въ заблужденіе буква А, стоящая при имени обоихъ Герценовъ: отца и сына они не различали... Аналогичный случай произошелъ и съ юбилеемъ Н. К. Михайловскаго, когда одна газета въ списокъ его сочиненій внесла и произведенія Н. Михайловскаго (Гарина). Одинъ журналистъ, пописывавшій даже «передовицы» въ небольшой провинціальной газетѣ, спросилъ меня однажды въ интимной бесѣдѣ, какъ могъ приобрести такую извѣстность Марксъ? Изъ дальнѣйшихъ, правда, довольно дипломатически сдержанныхъ его разспросовъ, я убѣдился, что онъ смѣшиваетъ нѣмецкаго экономиста и... издателя «Нивы»...

Очевидно, подобные люди очень хладнокровно относятся къ «направленію» органа, имъ просто непонятно, что это такое. Однажды на мое замѣчаніе одному члену редакціи большой газеты, что послѣдняя окончательно падаетъ и, несомнѣнно, стремится наивозможно скорѣе попасть въ объятія Страстно-бульварскихъ молодцовъ, онъ съ видомъ глубоко оскорбленнаго человѣка отвѣтилъ: «а вы читали вчерашній номеръ?» — Нѣтъ.—«Ну такъ прочтите; особенное вниманіе обратите на корреспонденцію изъ Т.» Я посмотрѣлъ, и что же оказа-

лось! Въ корреспонденціи очень ѣдко высмѣявъ Т—скій становой...

Какъ-то мнѣ пришлось присутствовать при ожесточенномъ спорѣ представителей двухъ газетъ, изъ коихъ одна напоминаетъ собою двуликаго Януса, другая вполне опредѣленно сочувствуетъ, поскольку можетъ, всему лучшему, передовому. Я вошелъ въ самый жаръ ихъ дебатовъ. Представитель газеты, поклонницы принципа «и туда и сюда», быстро ходилъ по комнатѣ и, очевидно, при моемъ появленіи, переходилъ какъ разъ въ лейтъ-мотиву своихъ вѣрованій:

— Газета или журналъ не должны быть субъективными: объективность, универсальность — вотъ ихъ идеаль. Дайте читателю самому имѣть свое собственное мнѣніе. Онъ не учиться идетъ, покупая номеръ газеты. Поздно учиться! Для этого есть школа. Къ чему всѣ вопросы освѣщать подъ однимъ угломъ зрѣнія? Вѣдь, это — самая жалкая односторонность, которая отдаляетъ читателя отъ истины: онъ желаетъ прочесть что-нибудь и контръ вашего «за» и за вашъ «контръ»!...

— Полноте, пожалуйста, — возражалъ ему оппонентъ — на нашей сторонѣ публика, то-есть общественное мнѣніе, выразителями котораго вы хотите служить... Оно не хочетъ такихъ выразителей!...

— И вы увѣрены, что всѣ газеты возникаютъ именно такъ? — спрашивалъ сотрудникъ «И туда и сюда». — Вы думаете, что это единственный путь для возникновенія органа? Ой-ли! Вы сами знаете другіе пути, когда просто-на-просто издатель набираетъ талантливыхъ людей, ничѣмъ между собою не связанныхъ, даже совершенно другъ съ другомъ незнакомыхъ, и ничего, работа идетъ хорошо.

— По вашему, конечно, масштабу и аршину «хорошо»! Да, вѣдь, это прилавокъ, а не газета. Какъ вы не понимаете, что русскій читатель и политически въ совершенно особыхъ условіяхъ. На Западѣ человѣкъ встрѣчаетъ поддержку своимъ стремленіямъ уже въ самой окружающей его обстановкѣ, въ политическихъ условіяхъ своей жизни. Последняя тамъ не спрятана, выработанныя ею точки зрѣнія быють своей ясностью и опредѣленностью. У него есть мѣрка, къ которой онъ прикиды-

ваетъ все совершающееся вокругъ. Ошибки тамъ если и бываютъ, то и очень рѣдко и очень незначительныя. Совсѣмъ не то у насъ. Безъ литературно-политическихъ органовъ читатель никогда не получитъ политическаго воспитанія. Правда, оно ограничено, острижено, обрублено, но, все-таки, существуетъ. А разъ такъ, то вводить въ прессу двусмысленность значитъ воспитывать мѣшанину, какую-то туманность. Если этотъ вопросъ вамъ сколько-нибудь интересенъ, загляните въ «Литературныя замѣтки» Михайловскаго за 1878 годъ...

— Новаго я тамъ ничего не узнаю, и, во всякомъ случаѣ, мнѣнія своего не измѣню. Мы честны — и этого совершенно достаточно.

— Честны! Пустое слово, когда не заключаетъ въ себѣ содержанія. Газетѣ мало быть примитивно честной, не таскать платковъ у конторскихъ и редакціонныхъ посѣтителей. Ей надо быть честной политически и общественно — по своему, конечно, крайнему разумѣнію. Это не передаточный въ типографію аппаратъ, а реторта, колба, гдѣ все время перерабатываются извѣстные взгляды и убѣжденія, и если туда попадаетъ тѣло, не поддающееся химической реакціи, то оно удаляется, какъ нерастворимое именно въ *этой* колбѣ, въ *ея* содержимомъ. Нужно, чтобы содержаніе газеты было результатомъ плано-мѣрной внутренней работы редакціи, и только тогда это — кафедра, а не базарная телѣга, на которую можетъ вскочить каждый и орать все, что вздумается. Газета — не справочное изданіе, которое должно удовлетворять одинаково всѣхъ и давать какія-то «объективныя» свѣдѣнія. Она — прежде всего нервъ извѣстной группы лицъ, а затѣмъ и включающаго ее въ себя круга общества. Это — знамя! Если бы русская пресса, ея здоровая часть, вздумала аналогироваться той части нашего общества, которая отличается поразительной неясностью своихъ тенденцій, если бы она потеряла свои знамена, — она перестала бы существовать, а мы, журналисты, были бы достойны всенароднаго проклятія! Читатель не въ состояніи заставить насъ писать такъ, а не иначе! Нравится — читай, нѣтъ — брось. Вотъ единственное рѣшеніе вопроса. Если онъ дорожитъ какимъ-

нибудь угломъ зрѣнія на извѣстный вопросъ, онъ не въ правѣ добиваться той алгебраической формулы, въ которой плюсы уравниваются минусами. Общественная жизнь, а слѣдовательно, и мысль создаются убѣжденіями, а не темными пятнами и туманностями... Если кому-нибудь хочется имѣть всегда въ виду антиподы и изъ нихъ выводить истину, которую онъ предполагаетъ между ними, то для этого есть способъ очень простой: выписывай два противоположныхъ органа, двадцать, но не навязывай ни одному изъ нихъ взглядовъ другого.

— Но читателю вѣтъ времени читать двадцать газетъ. Наконецъ, укажу вамъ на фактъ: нашу газету читаетъ вся русская интеллигенція. Вы ее встрѣтите вездѣ.

— И вы серьезно думаете—спрашивалъ оппонентъ—что васъ читаетъ общество? Что васъ хочетъ знать *истинная интеллигенція*?

— Да, да, хочетъ! Значительная часть читателей не понимаетъ, зачѣмъ въ газетѣ какое-то направленіе! Она ищетъ истины, а не партійныхъ перегородокъ. Прошло то время, когда печать шла во главѣ общества, когда она была учителемъ. Теперь читатель требуетъ живости, быстроты, отзывчивости, но и то лишь въ предѣлахъ констатированія любого явленія, потому что все остальное—уже то «направленство», которое ему совершенно не нужно, онъ не ребенокъ!..

— Очевидно, собираются читать, не зная азбуки,—ходить по канату, только-только сбросивъ пеленки...

— А это ужъ какъ вамъ вздумается! Газета—собраніе мыслящихъ, зрячихъ, слушающихъ людей, а не пригнанныхъ другъ къ другу колесъ какой-то машины.

— Остановимся на вашемъ послѣднемъ взглядѣ и разберемъ, насколько онъ соотвѣтствуетъ истинѣ, жизни. Прежде всего нужно знать, какъ возникаютъ органы печати. Группѣ лицъ (буду считать ихъ сразу интеллигентными и порядочными, только о такихъ и говорю), однородно мыслящихъ по кореннымъ вопросамъ, имѣющихъ сходное міровоззрѣніе и если и расходящихся, то въ мелочахъ, не дающихъ права ни одному изъ нихъ считать себя антиподомъ другого,—такой-то группѣ лицъ хочется использовать свои знанія путемъ сообщенія ихъ болѣе

или менѣе широкой аудиторіи; хочется поднять окружающую ихъ жизнь,—просвѣтить темную массу; хочется ратовать за правду и законность; хочется способствовать освѣщенію окружающихъ ихъ потемокъ. Какой для этого удобнѣйшій путь? Разумѣется, печать въ видѣ періодическаго органа. Натура каждаго подсказываетъ, что основать: «толстый»-ли журналъ, ежедневную-ли газету. Остановились на послѣдней. Находится человѣкъ со средствами, готовый дать ту «живую воду» въ видѣ денегъ, безъ которыхъ органа не создать. Газета организована. Очевидно, такая редакція можетъ печатать только то, что *ей* дорого и близко, что, по *ея* мнѣнію, нужно обществу; очевидно, отношеніе къ каждому явленію, къ каждой посторонней печатной строчкѣ исходитъ изъ *ея* точекъ зрѣнія. Редакція считаетъ себя нравственно-отвѣтственной за все, что появляется въ газетѣ; она должна быть согласна со всякой строчкой своего листа бумаги или, въ крайнемъ случаѣ, считать ее стоящей общественнаго вниманія. Напримѣръ, «письма въ редакцію» есть тотъ клапанъ, который открывается редакціей всегда именно ради желанія освѣтить какой-либо вопросъ или фактъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Но, вѣдь, на то они—письма *въ* редакцію, а не *изъ* редакціи... Почему она не можетъ освѣщать какой-либо вопросъ съ противоположныхъ точекъ зрѣнія? Да потому, что если освѣщаетъ его съ своей, то и считаетъ ее правильной, а всѣ другія—или неправильными или односторонними. Какое же основаніе давать имъ мѣсто? Ради того, чтобы предоставить читателю самому сдѣлать выводъ? Но это не дѣло *данной* газеты. Она не можетъ преслѣдовать эти виды. Всѣ не мои точки зрѣнія мнѣ прежде всего кажутся и нежелательными и часто вредными...

. . . Конечно, есть вопросы, которые газета должна освѣщать съ нѣсколькихъ точекъ зрѣнія. Это — неясное для самой редакціи, имѣющее и въ наукѣ противоположное освѣщеніе и т. п. Очевидно, не желая давать перевѣса одному изъ рѣшеній, редакція помѣщаетъ оба или нѣсколько. Съ другой стороны, это тѣ вопросы, гдѣ, кромѣ главной точки зрѣнія, есть еще второстепенныя, несоставляющія,

однако, корня вещи. Наконецъ, это вопросы, такъ сказать, техники жизни. Вести-ли желѣзную дорогу по тому берегу рѣки или по другому? Самъ по себѣ вопросъ этотъ только и можетъ быть рѣшенъ въ прессѣ, наука разрабатывать его не будетъ. Но давать мѣсто противоположнымъ мнѣніямъ по главнымъ, основнымъ вопросамъ политической и общественной жизни— это значитъ не имѣть своего собственнаго мнѣнія, не дорожить имъ. Какъ нельзя заставить меня говорить не то что я думаю, также нельзя заставлять меня печатать не то, что я думаю.

... Что касается, наконецъ, читателя, то для него и остальная часть вашего возраженія рѣшается совершенно просто. Во-первыхъ, каждый взглядъ находитъ себѣ выразителя въ извѣстномъ органѣ, слѣдовательно, онъ не затерянъ, у него есть свой пріютъ, своя каѳедра. Если ты согласенъ не со мной, а съ другимъ, тебѣ и газету нужно читать не мою, а другую. По крайней мѣрѣ, если ты хочешь имѣть друга-собесѣдника. Во-вторыхъ, если ты настолько ужъ интеллигентенъ, что понимаешь различныя точки зрѣнія на извѣстный вопросъ, то, конечно, долженъ осторожно подписываться на то или другое изданіе, долженъ раньше понять, каково направленіе намѣченной тобою газеты, и тогда ужъ пенять на себя, а не на редакцію, если вдругъ окажется, что ты не понялъ, на что подписывался. Въ-третьихъ, читатель часто деспотъ. Онъ просто не хочетъ понять, что люди, взявшіеся за газету, вовсе не должны подчиняться своему подписчику: у нихъ есть свои убѣжденія и только ихъ они и хотятъ высказывать. Нельзя, повторяю, заставить насъ писать не то, что мы думаемъ и чувствуемъ. Читатель не имѣетъ на это права! Группа лицъ желаетъ говорить такъ, а не иначе, и это надо понимать! Она, вѣдь, никого за шиворотъ не тащитъ!

— Да позвольте, а какъ же вы навязываете! Самымъ фактомъ своего существованія навязываете!

— Нѣтъ! никто изъ насъ ничего никому не навязываетъ силой, ни одна газета не имѣетъ читателей поневолѣ, если это не губернскія вѣдомости. Да и ихъ не читаютъ, а только получаютъ.

На этомъ споръ, кажется, кончился и, по обыкновенію, ни одна

сторона не убѣдила другую. По моему, онъ довольно характеренъ для обрисовки двухъ противоположныхъ лагерей; за каждымъ изъ спорящихъ стоятъ ряды сторонниковъ и если они гораздо гуще и сильнѣе за тѣмъ, которому принадлежало послѣднее слово, то, повторяю, представитель «И туда и сюда» тоже не одинокъ.

Собственно говоря, диспутанты затронули очень существенный вопросъ; имъ заняты не только русскіе журналисты.

На съѣздѣ датскихъ журналистовъ, лѣтомъ 1901 г., редакторъ одной изъ провинціальныхъ газетъ, нѣкто Лассенъ, преподнесъ многочисленнымъ слушателямъ цѣлый рядъ мыслей, очень солоно пришедшихся громадному большинству публики и части его коллегъ.

«Если бы, сказалъ онъ, вамъ, милостивыя государыни и милостивые государи, угодно было написать рецептъ, по которому вы желали бы получить пріятную для васъ газету, то вамъ прежде всего пришлось бы потребовать, чтобы она стояла внѣ партій, была объективна, содержательна, никого не задѣвала; всякій вопросъ въ ней долженъ былъ бы разсматриваться не менѣе, какъ съ двухъ точекъ зрѣнія; всякій ораторъ долженъ былъ бы реферироваться одинаково безпристрастно, новости въ ней должны были бы быть абсолютной истиной и не отзываться сенсационностью. Увы! Если бы такая идеальная газета и нашла себѣ не менѣе идеальнаго редактора—у нея отсутствовала бы, все-таки, идеальная публика, идеальный читатель, и она погибла бы отъ истощенія»¹⁵⁾.

Эта мысль очень подкупаетъ своей остроумностью. Въ самомъ дѣлѣ, что такое объективность по понятіямъ массы? Это изданіе, которое совершенно не обладаетъ своимъ собственнымъ мнѣніемъ, своими взглядами, по крайней мѣрѣ, не выражаетъ ихъ. Внѣпартійность—это даже не «чего изволите?», а просто ничѣмъ нерегулируемая мѣшина. Какое я имѣю право, сознавая, что въ извѣстномъ общественномъ, а тѣмъ болѣе политическомъ вопросѣ, есть сторона

¹⁵⁾ «С.-Петербург. Вѣдомости», августъ 1901 года.

правая и неправая, сильная и угнетаемая, богатая и подвергающаяся сдиранію двухъ шкуръ—не присоединиться къ одной изъ нихъ и, разумѣется, къ той, которая терпитъ, страдаетъ, незаслуженно унижается?!... Какое?! Кто смѣетъ мнѣ сказать, что я буду партіенъ въ худомъ смыслѣ этого слова?!.. Безпристрастіе... О! это слово мы очень любимъ, но тогда, когда его можно обернуть въ плащъ смиренномудрія. Безпристрастіе мы не понимаемъ какъ надо. Оно у насъ—синонимъ безстрастія. Но что можетъ быть хуже человѣка, не могущаго хоть къ одному вопросу или явленію жизни относиться съ полной страстью, горячо, принимать близко къ сердцу то или иное его рѣшеніе! Такіе люди — первый признакъ общественной дряблости, полной изношенности.

И какими способами добывается прославляемая «объективность»! Редакторъ одной изъ такихъ «объективно-универсальныхъ» газетъ, очень, однако, старательно отгораживающейся всегда отъ смѣшенія ея съ ретроградами, приглашалъ члена редакціи самой ультра-реакціонной газеты принять участие и у него, но только подъ совершенно никому неизвѣстнымъ псевдонимомъ... Открылось это въ разговорѣ съ другимъ редакторомъ, которому «универсалистъ» давалъ товарищескій совѣтъ, какъ вести газету интересно, живо, умно и выгодно...

Господа «объективисты», правда, иногда опираются на авторитетъ такихъ публицистовъ, какъ Берне. Но развѣ въ этой области есть мѣсто какимъ бы то ни было авторитетамъ, кромѣ собственной совѣсти? Если Берне писалъ: «газета должна быть открыта для всякаго мнѣнія: отказать въ помѣщеніи на своихъ столбцахъ вредныхъ или слывущихъ вредными идей—это все равно, что вычеркнуть изъ естественной исторіи ученіе о ядовитыхъ растеніяхъ и хищныхъ животныхъ»,—то, не говоря уже о неудачной метафорѣ и о тѣхъ исключеніяхъ, которыя могутъ быть сдѣланы и о которыхъ сказано выше,—развѣ самъ Берне не противорѣчилъ много разъ этимъ словамъ въ своемъ же собраніи сочиненій, въ своей же собственной публицистической дѣятельности? Впрочемъ, блиндированіе своихъ кар-

тонныхъ крѣпостей броней авторитетовъ—одна изъ особенностей гг. «объективистовъ», когда имъ нужно обмануть читателя.

Х.

Интересенъ и сосѣдній съ «объективностью» и «универсальностью» вопросъ: можно ли, во-первыхъ, принимать участіе въ изданіи, направленіе или отдѣльные шаги и выходки котораго противорѣчатъ нашимъ собственнымъ основнымъ убѣжденіямъ? во-вторыхъ, можно ли работать рядомъ съ лицами, скомпрометировавшими себя въ глазахъ лучшихъ элементовъ литературной корпораціи?

Въ одномъ изъ кружковъ, гдѣ мнѣ приходилось бывать, представители двухъ довольно противорѣчивыхъ органовъ, въ силу уже одного своего соприкосновенія, частенько возвращались къ этимъ вопросамъ и я, какъ свидѣтель ихъ постоянныхъ столкновеній, хорошо помню нѣкоторые споры, повтореніе которыхъ и потомъ мнѣ приходилось слышать не одинъ разъ въ другихъ кружкахъ, а то и просто на случайныхъ собраніяхъ журналистовъ. По-моему, они далеко небезынтересны.

Вопросъ о «направленіи» громадное большинство теоретически рѣшаетъ всегда отрицательно, на практикѣ же многіе уступаютъ передъ силой шкурныхъ интересовъ.

Разъ какъ-то редакторъ весьма порядочной газеты страшно возмущался дальтонизмомъ своихъ, правда, немногочисленныхъ противниковъ.

— Слышать не могу: «мы либералы». Сколько тупоумія въ такомъ предупредительно выкидываемомъ флагѣ! Кто же нынче не либераль, если хочетъ успѣха у читателей! Почему вы не хотите знать многихъ направленій, а знаете только два: или либераль, или ретроградъ? По-моему, оттого, что не расширяете самый циклъ своихъ основныхъ понятій и убѣжденій по мѣрѣ теченія времени, а, наоборотъ, все суживаете его. Ей Богу, скоро,

кажется, пробнымъ камнемъ «направленія» останутся только *порка и евреи*. Не поретъ, еврея повѣсить не хочетъ — значитъ либераль... Да понимаете-ли вы суть этого глубокаго слова!? При этихъ словахъ онъ взялъ, помню, со стола только-что полученную книжку «Вопросовъ Философіи и Психологіи», развернулъ ее на статью П. Струве—«Въ чемъ же истинный націонализмъ?» и едва сдерживаемымъ отъ волненія голосомъ прочелъ:

«Первымъ словомъ либерализма была свобода совѣсти. И это слѣдуетъ хорошо знать и твердо помнить въ той странѣ, гдѣ либерализмъ еще не сказалъ ни одного слова. Я—это говоритъ Струве, но за нимъ говоритъ каждый истинно интеллигентный человѣкъ, говорю и я, господа, да не только говорю, а готовъ кричать—вопреки ходячему взгляду на либерализмъ, какъ на нѣчто мягкотѣлое, половинчатое и безформенное - я разумѣю подъ этимъ словомъ строгое, точное, исключющее компромиссы воззрѣніе, проводящее рѣзкую грань между правомъ и неправомъ. Истинный историческій обликъ и морально-политическій смыслъ либерализма давно пора возстановить». Вотъ, господа, слова, которыя вамъ—редакторъ обратился къ своимъ противникамъ—надо понять! А, вѣдь, вы ихъ не понимаете, голову даю на отсѣченіе, что не понимаете!...

Поднялся шумъ, редактора одобряли, нѣкоторые съ нетерпѣніемъ стали перелистывать книжку.

— Хорошо—сказалъ одинъ изъ его оппонентовъ—я сейчасъ докажу вамъ, что вы сами непослѣдовательны. При этихъ словахъ онъ взялъ въ руку лежавшую на полкѣ одну газету и, помахивая ею въ воздухѣ, спросилъ: «что вы о ней скажете? Общее мнѣніе—это передовая либеральная газета, теперь ее читаютъ и я лично вполне раздѣляю общее мнѣніе. А съ вашей точки зрѣнія тутъ часто есть вещи не совсѣмъ либеральныя.

— Ну и далѣе? Что же вы думаете, что я изъ числа поклонниковъ этой макулатуры?! На чемъ вы хотите меня поймать? Для меня совершенно ясно, что теперь, когда Россія обнищала истинными либеральными органами, наша снисходительность и расплывчатость мышленія проявляются особенно рельефно. Какія только газеты при первой маломальски порядочной статьѣ мы ни

причисляемъ къ «хорошимъ», заступаясь за нихъ передъ яркими отрицателями срединъ и посредственностей! Современное настроеніе мнѣ кажется похожимъ на одну картинку изъ моего школьнаго дѣтства. У насъ былъ звѣрь-нѣмецъ. Если случайно онъ не отдубаситъ линейкой по головамъ полкласса, а изобьетъ только четверть, мы, мальчишки-школьники, выбѣгая по звонку въ рекреационный залъ, искренно кричали: «какой сегодня добрый былъ Карлъ Ивановичъ!!»... Вы скажете: причина подобной снисходительности при оцѣнкѣ достоинства и качествъ изданія — «стороннія» обстоятельства, заставляющія радоваться первой либеральной фразѣ?! Но развѣ это серьезное основаніе для серьезной оцѣнки? Развѣ мѣрки порядочности вырабатываются по отношенію къ тому, что есть, а не къ тому, что должно быть? Какая распушенность, какая мягкотѣлость!...

— Ну, а что вы скажете по поводу совмѣстной работы моей съ Ивановымъ?—спросилъ вдругъ горячаго оратора одинъ изъ молчавшихъ сотрудниковъ другой газеты.

— Что я скажу? Простите меня за рѣзкое слово—по-моему, гадость!

Всѣ переглянулись, но «собственникъ» гадости не особенно былъ пораженъ, зная правдивую натуру отвѣчавшаго.

— А по-моему—выступилъ изъ общаго молчанія товарищъ спросившаго—намъ нѣтъ никакого дѣла до того, кто сотрудничаетъ въ изданіи, было бы чисто самое содержаніе.

— Я вполнѣ съ этимъ согласенъ—сказалъ другой—потому что нѣтъ безгрѣшныхъ людей. Помните Христа и блудницу?...

Поднялся шумъ, къ редактору присоединились почти всѣ. Онъ молчалъ, наконецъ, не выдержалъ:

— Господа, куда вы идете?!—обратился онъ къ только-что говорившимъ. Да что же общество не имѣетъ права требовать отъ васъ не фарисейства, а честнаго служенія?! Какое право вы имѣете пускать рядомъ съ собой къ выраженію честнаго общественнаго мнѣнія людей грязныхъ и непорядочныхъ? Вы за это отвѣтчики! и подождите—придетъ время, когда общество будетъ имѣть возможность требовать отъ васъ отчета — и тогда оно покажетъ вамъ, кто изъ насъ правъ!.. Если видите,

что попадаете въ компанію наглецовъ и прохвостовъ — вашъ долгъ удалить ихъ, а если нельзя — немедленно удалиться самимъ...

— Да, но если такъ разбирать,—не успокаивался товарищъ Иванова,—такъ негдѣ будетъ и работать. Вѣдь, къ вамъ нельзя, у васъ полнымъ-полно; къ другому тоже; куда же дѣваться? Ну, куда, я васъ спрашиваю?

— Господа, господа!.. И такъ, вы только потому не хотите вдумываться въ то, союзниками и пропагаторами чего являетесь, что въ такомъ случаѣ вамъ не заработать той же суммы!... Такъ идите на частную службу, ищите стороннихъ заработковъ, словомъ, дѣлайте все, чтобы оберечь свое имя отъ позорной клички «переметной суммы»!... Если же нѣтъ, если же это не по-сердцу, такъ будьте ужъ до конца послѣдовательны и пойте съ Конрадомъ Лилиеншвагеромъ:

«Слава намъ! Въ поганой лужѣ
Мы давно стоимъ;
И чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже
Все себя грязнимъ!
Слава намъ! Безъ ослѣпленья
На себя мы зримъ,
И о нашемъ положеньи
Громко мы кричимъ.
Сознаемъ мы откровенно,
Какъ мы всѣ грязны,
Какъ вонючи, какъ презрѣнны
И для всѣхъ смѣшны.
Слава намъ! Въ грѣхахъ сознанье
Мы творимъ смѣясь,
И слезами покаянья
Мы разводимъ грязь.
Гордо, весело и прямо
Всѣмъ мы говоримъ:
«Знаемъ мы, чѣмъ пахнетъ яма,
Въ коей мы стоимъ»...

Другъ на другъ растираемъ
 Мы вонючій иль
 И другъ друга мы ругаемъ
 Сколько хватить силъ.
 Справедливо мы гордимся
 Подвигомъ такимъ,
 И ужъ больше не стыдимся,
 Что въ грязи стоимъ.
 Смѣло мы теперь смѣемъ
 Сами надъ собой
 И безъ страха окунемся
 Въ грязь—хоть съ головой.... ¹⁶⁾

* * *

Припоминаю другой случай, тоже очень характерный для общаго положенія вещей. Молодой сотрудникъ одной весьма порядочной газеты, нуждаясь, благодаря семейнымъ обстоятельствамъ, въ бѣльшихъ средствахъ, послалъ какую-то повѣсть въ газету, признаваемую всѣми «либеральной», но не отличающуюся особенной чистоплотностью. Товарищи его были страшно поражены такой выходкой и искали случая выразить свое негодование. Онъ не замедлилъ представиться.

— Скажите, спросили автора повѣсти — правда-ли, что вы послали свое произведение въ «N—скій Вѣстникъ»?

— Да. А васъ, я вижу, это удивляетъ? Совершенно напрасно. По-моему, беллетристы, а еще менѣе переводчики, не могутъ быть связаны такъ, какъ публицисты, потому что публицистика — орудіе для выраженія мыслей по известному общественно-политическому вопросу, составляющему иногда какъ разъ демаркаціонную линію въ направленіи изданій; а беллетристика, это—свободное и при томъ художественное творчество. Давая свою повѣсть, я не связанъ никакой необходимостью быть солидарнымъ со всѣмъ остальнымъ содержаніемъ

¹⁶⁾ Добролюбовъ, Сочиненія, IV, 1896 г., 335.

газеты или журнала—все равно. Публика тоже понимает это хорошо.

Слова эти для спѣвшейся редакціи были, повидимому, новы и неожиданны. Всѣ чувствовали себя непріятно, одинъ изъ присутствовавшихъ, однако, не выдержалъ.

— Да, вы насъ, дѣйствительно, удивили! Пока я не имѣю данныхъ не вѣрить искренности вашихъ соображеній и потому не считаю возможнымъ не протестовать противъ такой, конечно, выгодной монополіи господъ беллетристовъ и переводчиковъ. По-моему, — даже рѣшусь сказать — по-нашему, — самая беллетристика постольку именно и цѣнна для общества, поскольку она является образнымъ и художественнымъ выраженіемъ мысли по общественно-политическимъ вопросамъ. Беллетристъ это — популярный публицистъ. Подобную мысль вѣщаетъ вся исторія нашей литературы съ Бѣлинскаго и до сего дня. За предѣлами такого опредѣленія остаются только Феты, Майковы, Мен Хвостовы и tutti quanti, которыхъ никто не читаетъ, по крайней мѣрѣ, изъ людей, понимающихъ истинныя цѣли литературы! Этимъ я хочу сказать, что грань, будто-бы отдѣляющая по существу беллетристику отъ публицистики, стоитъ лишь въ воображеніи господъ монополистовъ. Простите меня, но мнѣ кажется, что въ такой мотивировкѣ вашего поступка говоритъ больше желаніе задрапировать компромиссъ. Вы только сами пока не сознаете этого ясно.

И, дѣйствительно, какъ часто приходится сталкиваться съ привилегіей господъ беллетристовъ! Какъ мы привыкли къ ней, какъ иногда не обращаемъ на нее уже никакого вниманія! Между тѣмъ, несомнѣнно, это вопросъ далеко не послѣдней важности въ ряду вопросовъ литературной этики, въ ряду вопросовъ чести людей, которымъ слѣдовало бы высоко нести знамя, съ такой отвагой и съ такимъ трудомъ внесенное на бастионъ николаевскихъ временъ еще незабвеннымъ Бѣлинскимъ! Вопросъ такъ просто и необыкновенно ясно рѣшенный еще Писаревымъ въ статьѣ «Посмотримъ!». Вотъ что сказалъ этотъ боецъ.

«Наши пишущіе люди до сихъ поръ не могутъ понять, что честный писатель отнюдь не долженъ уподобляться ласковому теленку, сосущему въ одно время и съ одинаковымъ успѣхомъ двухъ или даже многихъ разношерстныхъ матокъ. Русскій писатель обыкновенно смотритъ на литературу, какъ на свое хлѣбное ремесло, и поступаетъ со своими произведеніями, какъ сапожникъ съ сапогами, то есть продаетъ ихъ первому встрѣчному покупателю, не обращая никакого вниманія на самыя характерныя особенности этого покупателя».

Съ этимъ положеніемъ Писарева можно согласиться, но не въ смыслѣ безусловной общности сдѣланной имъ характеристики. Зато слѣдующее не требуетъ никакихъ исключеній.

«Писатель долженъ разсуждать слѣдующимъ образомъ: если я считаю позволительнымъ выпустить мою работу въ свѣтъ, то, значить, я нахожу, что она исполнена добросовѣстно и что вслѣдствіе этого она можетъ хоть немного усилить успѣхъ того журнала (я бы сказалъ: изданія. М. Л.), въ который я ее отдаю. Если же я своей работой усиливаю успѣхъ такого журнала, который проповѣдуетъ нелѣпости или гнусности, то я становлюсь до нѣкоторой степени сообщникомъ этихъ гнусностей и нелѣпостей. Стало быть, даже и переводы слѣдуетъ помѣщать съ величайшей разборчивостью. Если бы у насъ не было въ литературѣ людей безразличныхъ и равнодушныхъ, то бѣольшая часть нелѣпыхъ или гнусныхъ журналовъ потеряла бы возможность существовать, потому что люди чисто-нелѣпые или чисто-гнусные, дающіе колоритъ гнуснымъ или нелѣпымъ журналамъ, составляютъ у насъ, какъ и вездѣ, очень незначительное меньшинство, которое только при содѣйствіи равнодушныхъ и безразличныхъ людей можетъ обдѣлывать свои дѣлишки и выпускать въ свѣтъ разнообразныя книжки, пропитанныя ароматомъ гнусности или нелѣпости. Безразличіе и равнодушіе, составляющія до сихъ поръ преобладающія особенности нашихъ литературныхъ дѣятелей, происходятъ не отъ испорченности, не отъ систематической продажности, а просто отъ непониманія той истины, что литература—великая общественная сила, которая начинаетъ раз-

вращать общество съ той самой минуты, какъ только она перестаетъ двигать его впередъ и раскрывать передъ нимъ его острыя хроническія болѣзни».

А припомните, что писалъ «неистовый Виссаріонъ» Герцену, когда Грановскій, предпочитая худой миръ доброй ссорѣ, уступилъ настояніямъ Шевырева и Погодина и напечаталъ въ «Москвитянинѣ» свою небольшую статью! «Я жидъ по натурѣ и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу... Грановскій хочетъ знать, читалъ-ли я его статью въ «Москвитянинѣ». Нѣтъ, и не буду читать: скажи ему, что я не люблю ни видѣться съ друзьями въ неприличныхъ мѣстахъ, ни назначать имъ тамъ свиданія». Можно всячески оправдывать поступокъ Грановскаго, но нельзя горячо не присоединиться къ искренности и нетерпимости Бѣлинскаго! Да, да, она намъ нужна, она крайне необходима, потому что избавить отъ той несвободы слова, которая, будучи очень далекой отъ несвободы печати, очень близка къ трусости, низости и нравственному паденію.

Вспомните горячія слова Н. К. Михайловскаго, сказанныя въ «Припискѣ» къ вступительной статьѣ о Н. В. Шелгуновѣ.

«Русское печатное слово поставлено правительствомъ въ извѣстныя рамки, расширеніе которыхъ мы можемъ желать, но которыя должны принять какъ данныя, не отъ насъ зависящія. Но есть еще другая сторона истинно свободнаго слова, которую,—по крайней мѣрѣ, въ извѣстной степени,—мы, писатели, можемъ сами осуществить. Это—свобода внутренняя, свобода отъ всѣхъ стороннихъ соображеній, кромѣ тѣхъ, которыя повелительно рекомендуются цензурнымъ уставомъ и цензурною практикой и которыя, какъ сказано, не отъ насъ зависятъ. Не свободно мое слово, если я вынесъ его на рынокъ и продаю тому, кто дастъ больше,—купившій такъ или иначе, прямо или косвенно, наложитъ на него свою руку, и тяжела бываетъ рука купившаго. Не свободно мое слово, если я изъ какихъ бы то ни было видовъ желаю угодить властнымъ-ли людямъ, или безвластной толпѣ въ ея сегодняшнемъ настроеніи, — я могу, при извѣстныхъ благопріятныхъ усло-

віяхъ, имѣть чрезвычайно свободный видъ, но это именно только одна видимость. Несвободно мое слово, если я подобенъ флюгеру, поворачивающемуся въ ту сторону, куда дуетъ вѣтеръ,—развѣ флюгеръ свободенъ, развѣ онъ, напротивъ того, не покорнѣйшій изъ рабовъ?»¹⁷⁾

Вотъ нѣсколько фактовъ.

Въ одной грязной газетѣ, въ силу какихъ-то обстоятельствъ, вдругъ стали появляться два имени, до тѣхъ поръ не встрѣчавшіяся на страницахъ подобныхъ шато-кабаковъ. Вскорѣ я встрѣтилъ одного изъ этихъ сотрудниковъ и, конечно, спросилъ, что значитъ такой его шагъ. Отвѣтъ былъ очень оригинальный:

— Если мы уйдемъ, то газета совсѣмъ испакостится. Сейчасъ хотъ стыдятся насъ, а потомъ почувствуютъ себя ничѣмъ несвязанными, и полетѣтъ такая грязь, что вы и представить себѣ не можете...

Долго не забуду свою бесѣду съ другимъ журналистомъ, на некрасивую дѣятельность котораго мнѣ пришлось обратить вниманіе печатно, указавъ, между прочимъ, что его литературная школа и не могла дать ничего иного. Проѣзжая черезъ городъ, гдѣ я жилъ, онъ явился ко мнѣ и просилъ... измѣнить о немъ мнѣніе, такъ какъ онъ считаетъ и считалъ, что честнаго человѣка не можетъ замарать ни та грязь, на которую я указалъ, потому что описаніе баловъ, маскарадовъ и ужиновъ своихъ великосвѣтскихъ знакомыхъ было лишь актомъ простой благодарности за гостепріимство,—ни пройденная имъ литературная школа, такъ какъ, если онъ работаетъ въ безчестныхъ да къ тому же реакціонныхъ изданіяхъ, то, вѣдь, онъ лично ничего мерзкаго не писалъ и пользовался всегда въ клоакахъ безусловной свободой... Говорилось все это такъ просто и наивно, съ такимъ сознаніемъ своей литературной чистоты, что я видѣлъ полную бесполезность возраженій...

Нѣкій уже видный журналистъ на мое замѣчаніе о странности и предосудительности его приватнаго участія въ одномъ

¹⁷⁾ Сочиненія Н. В. Шелгунова, изд. 2-е, 1895 г. I, LXXV.

изъ самыхъ уличныхъ изданій, съ невиннымъ лицомъ отвѣчалъ:

— Развѣ?! А редакторъ тамъ такой милый и любезный человекъ. Всегда, когда я бываю у нихъ въ городѣ, онъ такъ мило меня встрѣчаетъ...

Мой собесѣдникъ, очевидно, понятія не имѣлъ, куда онъ попалъ и гдѣ работаетъ вотъ уже пять лѣтъ. Получить номеръ газеты, отыщеть свою фамилію, подсчитаетъ строчки — и въ сторону...

Одна писательница съ нескрываемымъ самодовольствомъ рассказывала, какъ «ловко» получила авансъ подъ свое еще не прочитанное редакціей произведеніе, и на недоумѣвающей вопросъ одного изъ присутствовавшихъ:

Какъ же вы пошли въ эту клоаку?!

Отвѣчала:

— Нужны были деньги и пошла! Кромѣ денегъ, тамъ и взять нечего...

Памятно мнѣ и одно раскаяніе «заблудшаго» публициста, когда онъ, оставляя болото, вступалъ въ ... клоаку и въ первой же статьѣ сжегъ свои прежніе корабли, свои старыя вѣрованія, поклонился новымъ богамъ, а въ доказательство своего «воскресенія» сослался на примѣръ Бѣлинскаго «извѣстнаго—писалъ онъ—неустойчивостью своихъ убѣжденій, но все еще великаго»... И такой человекъ считалъ себя въ правѣ произносить рядомъ съ собой имя человека, къ которому благоговѣющее потомство обращается не иначе, какъ со словами Некрасова:

«Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель! передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!»

Какъ-то я помѣстилъ небольшую, но, правда, вполне определенную статью о губернскихъ вѣдомостяхъ вообще. А такъ какъ въ мѣстныхъ — сотрудничали журналисты прекратившейся второй въ городѣ частной газеты, то вышелъ вопросъ и принципиальный и практической. Печатно обсудить его намъ, ко-

нечно, не дали, поневолѣ пришлось ограничиться личной бесѣдой.

Редакторъ губернской газеты прежде всего никакъ не хотѣлъ согласиться со мной, что «губернская пресса» — не журналистика.

— Позвольте—говорилъ онъ, — есть губернскія вѣдомости, стоящія на той высотѣ, которой часто не достигаютъ и частныя изданія. Вы ихъ тоже знаете.

Я указывалъ, что въ этомъ доводѣ, по-моему, совершенно ошибочна сама отправная точка доказательствъ.

Журналистика есть проявленіе общественнаго мнѣнія, всегда свободно слагающагося, если и не всегда свободно выражающагося. Такъ называемыя «стороннія» обстоятельства могутъ иногда только полуоткрывать этотъ клапанъ или совершенно закрывать его на время, но когда онъ не закрытъ, ничего, кромѣ общественнаго мнѣнія, изъ котла извлечь не могутъ. Какой бы машинистъ ни стоялъ при клапанѣ, къ какимъ бы уловкамъ и ухищреніямъ онъ ни прибѣгалъ, ради извлеченія звуковъ только заранѣе опредѣленнаго или желательнаго діапазона, но, разъ самъ машинистъ поставленъ къ клапану обществомъ, оно всегда можетъ устранить его. И никакой тонкой діалектикой нельзя доказать тождественности ни зарожденія и роста общественнаго мнѣнія съ административной программой, ни—машиниста, акредитованнаго обществомъ, съ машинистомъ, приставленнымъ администраціей. Только свойственная намъ расплывчатость мышленія и способность оправдывать, а часто и вовсе не замѣчать дѣлаемыхъ нами компромиссовъ, могутъ создавать такое ложное убѣжденіе, въ силу котораго хоть однѣ «губернскія вѣдомости» можно считать принадлежащими журналистикѣ. Губернская пресса есть всегда выраженіе взглядовъ, мнѣній, убѣжденій, желаній и чаяній административныхъ лицъ, и если иногда они совпадаютъ съ взглядами, мнѣніями, убѣжденіями, желаніями и чаяніями общества, то это еще совсѣмъ не значитъ, что «N-скія Губернскія Вѣдомости» — органъ общественнаго мнѣнія.

На это мнѣ былъ прямо поставленъ вопросъ: можетъ-ли

принимать участіе въ казенныхъ изданіяхъ, à la губернска вѣдомости, настоящей журналистъ. Я, разумѣется, отвѣтилъ, что настоящей журналистъ, the right man in the right place, какъ говорятъ англичане, вообще не въ правѣ участвовать въ какомъ бы то ни было изданіи, если оно вполнѣ не свободно въ возникновеніи своихъ мнѣній, если оно самымъ фактомъ своего существованія должно что-нибудь говорить или на что-нибудь смотрѣть подъ обязательнымъ угломъ зрѣнія. А губернская пресса уже по самой мысли своего основателя именно такова....

Редакторъ разстался со мною сухо, а съ слѣдующаго дня началась травля «свободныхъ» журналистовъ. Но и теперь я продолжаю оставаться при томъ же убѣжденіи и очень удивленъ, что когда, года два назадъ, печать много говорила о губернскихъ вѣдомостяхъ, почти никто не отмѣтилъ эту, по моему, самую существенную мысль противъ литературности «казенной прессы».

X.

Къ сожалѣнію, приходится встрѣчаться не только съ людьми безпринципными, ставящими литературу даже не въ ровень съ другими сторонами умственной и моральной жизни, но и съ журналистами, рѣшающими всѣ вопросы и сомнѣнія съ точки зрѣнія интересовъ собственной шкуры. Первые еще не совсѣмъ на той сторонѣ добра и зла, у нихъ есть еще свои убѣжденія, они не ударились всецѣло въ мелкое преслѣдованіе исключительно личныхъ цѣлей. Приходится наблюдать другихъ, чистаго вида Подхалимовыхъ, Скомороховыхъ, Крошечкиныхъ и ихъ присныхъ, журналистовъ, опустившихся уже безвозвратно въ грязную кучу шантажа и расплюевщины.

Этимъ людямъ принадлежитъ проповѣдь совершеннаго от-

рицанія необходимости для журналиста какой бы то ни было этики. «Читатель плюетъ—говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ—на всѣ ваши нравственности, какъ на непремѣнную спутницу сѣрой безталанности. Вы хотите, чтобъ ему ясно было наше profession de foi? Извольте: къ чорту все, кромѣ таланта, бойкости и живости!...»

Одна газета въ своемъ юбилейномъ номерѣ помѣстила слѣдующія очень знаменательныя строки постоянного фельетониста-паяца:

«Я скромный журналистъ, не литературный корифей, но если бы въ день моего юбилея или на моихъ похоронахъ обо мнѣ не нашли бы ничего лучшаго сказать, какъ то, что я служилъ правдѣ, а не кривдѣ, что я былъ честный человекъ, не продававшій своего пера и не таскавшій платковъ изъ кармановъ—я бы почувствовалъ себя уязвленнымъ въ самое сердце и перевернулся бы въ гробу. Я жду не того, чтобы мнѣ публично выдали аттестатъ въ трезвомъ и честномъ поведеніи, а того, чтобъ мнѣ не отказали въ высшемъ удовольствіи моего самолюбія—признаніи таланта. Прекрасное дѣло—честность, но это принципъ ремесла, а не искусства, къ которому я имѣю смѣлость отнести даже простой репортерскій отчетъ. Искусство не можетъ быть ни честнымъ, ни безчестнымъ, ни подлымъ, ни благороднымъ, а только талантливымъ или бездарнымъ, занимательнымъ или скучнымъ... Позвольте васъ спросить, въ чемъ моя личная заслуга, если я проповѣдую «честное», между прочимъ, на мой собственный взглядъ и всегда [согласное съ моими убѣжденіями? Гораздо труднѣе было бы для меня говорить противъ убѣжденія, чѣмъ согласно съ нимъ. Я говорю то, что думаю, птица поетъ то, что чувствуетъ. Зачѣмъ же такая привилегія для меня? Тиранія «честнаго направленія» натворила не мало зла въ литературѣ и журналистикѣ. Это была систематическая травля талантливаго, рѣзкаго по своей индивидуальности и оригинальности. Объ этой эпохѣ до сихъ поръ вздыхаютъ кое-какіе литературные лицемѣры. А вздыхать, право, нечего. Я просматривалъ недавно газеты лѣтъ за пятнадцать назадъ (по отно-

шенію къ данному моменту—года 23. М. Л.). Талантливость изложенія, свѣжесть, полнота и сенсаціонность матеріала, виртуозность формы—изумительно ушли впередъ. Говорятъ въ то же время, что журналистика утратила съ тѣхъ поръ значительную долю своего вліянія. На кого? Если на «несогласно-мыслящихъ», то это очень малая потеря въ сравненіи съ тѣмъ, что журналистика выиграла какъ отрасль литературнаго дѣла... Журнализмъ—новое и оригинальное явленіе въ литературной сферѣ. Но я никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, что журнализму пытаются навязать, такъ сказать, мораль съ чужого плеча и судятъ о немъ съ общей, весьма широкой и мало подходящей точки зрѣнія... Нельзя требовать отъ газеты, въ которой работаютъ сотни людей, которая живетъ одинъ только день, появляется утромъ и умираетъ вечеромъ, отражаетъ на себѣ уличный шумъ и гулъ, дрожитъ отъ криковъ толпы—нельзя, говорю я, требовать отъ газеты особой централизованности мысли. Она должна быть легкомысленна, ежедневная газета, какъ легкомысленна толпа, которою она живетъ, и какъ толпа, она должна быть подвижна, какъ она рѣшительна и скоро въ своихъ сужденіяхъ, и она должна также легко воспламеняться, какъ и остывать, увлекаться и грѣшить, а потомъ терзаться и каяться, щеголять въ блестящей позолотѣ, любить зрѣлище, пестроту, выставочную красоту. Вамъ не нравится это? Что дѣлать! — пеняйте на особенности психологіи массы».

Не могу не сказать, что въ разговорахъ и вообще въ наблюденіяхъ ничего болѣе наглаго мнѣ встрѣчать не приходилось! Тутъ все великолѣпно!

И, дѣйствительно, изъ всего видѣннаго я могу сказать, что утвержденіе Салтыкова о талантливости Подхалимова совершенно вѣрно. «Прочитайте любое изъ подхалимовскихъ упражненій,—можно сказать вмѣстѣ съ великимъ сатирикомъ,—которыя онъ съ такою легкостью изъ себя ежедневно выливаетъ, точно у него въ запасѣ неистощимая бутылка,—и вы въ каждой строкѣ найдете больше таланта, больше жизнен-

ной образности, нежели во всѣхъ «послѣднихъ пѣсняхъ потухающихъ стариковъ»¹⁸⁾.

Передо мною лежитъ сейчасъ фельетонъ, въ которомъ съ прозрачною ясностью видно, насколько автору важна свобода... отъ стройности міровоззрѣнія, широкой совѣстливости, свобода ругани; какъ стѣсняла его прежде необходимость принадлежать къ составу редакціи, не одинъ, видно, разъ, налагавшей руку на его свистопляску.

«Все для партіи, все въ жертву партіи—пишетъ онъ. И вы готовы примкнуть къ ихъ партіи: вы раздѣляете всѣ ихъ основные взгляды и убѣжденія, но вы говорите: оставьте мнѣ искренность, оставьте мнѣ право любить и ненавидѣть, возмущаться и ликовать, забывъ о политикѣ, ибо, прежде всего, на мнѣ, какъ на литераторѣ, лежитъ одна самая великая обязанность—говорить только то, во что я самъ глубоко вѣрую, не увлекаясь ни дружбой, ни рабствомъ, ни ожиданіемъ выгодъ. Потому что каждый сколько-нибудь уважающій себя журналистъ, прежде всего—онъ самъ: прежде всего онъ отвѣтственъ за каждое свое слово, а потомъ уже онъ—членъ той или другой партіи. Поэтому, когда вы найдете драгоценную свободу, то ради нея вы пойдете къ людямъ, убѣжденій которыхъ вы не раздѣляете, и когда «свои» начинаютъ кричать: зачѣмъ онъ пошелъ къ нимъ?—вы отвѣтите, глядя прямо въ глаза: они признаютъ право на существованіе мыслей, которыя не согласны съ ихъ мыслями, а вы не позволяете, они не заставляютъ меня поступаться своими убѣжденіями, а вы заставляете, а для cadaго, говорящаго съ обществомъ чловѣка важнѣе и дороже всего его свобода, та свобода, которую я, какъ и вы, признаю величайшимъ благомъ, ради которой только и стоитъ жить и писать».

Могу сказать утвердительно, что съ такими господами коммерсанты-издатели чувствуютъ себя очень хорошо, безусловно дорожатъ ими и всегда лучше оплачиваютъ. Отношенія ихъ болѣе откровенны и потому болѣе прочны. Къ тѣмъ представи-

¹⁸⁾ Полн. собр. соч., VI, 404.

телямъ жаждущихъ славы, таланта и «свободы», которыхъ мнѣ приходилось встрѣчать и наблюдать, вполнѣ приложима прекрасная характеристика Подхалимова, данная незабвеннымъ Салтыковымъ.

«Порученія хозяйскія онъ выполнялъ быстро и буквально: нужно къ Покрову сбѣгать—сбѣгаетъ; оттуда въ Колтовскую улицу—и туда слетаетъ. «И никогда вѣдь, ироды, на извозчика не предложать!»—только и слышали его ропоту въ такихъ случаяхъ. Писалъ тоже всяко: и забористо, и благодушно, и хлестко, и съ «прохвалою»—какъ для хозяйскаго интереса пригоднѣе. Умиленіе по обстоятельствамъ потребуется—онъ умилится; ликованіе—онъ возликуетъ; вѣра въ славное будущее—онъ и отъ вѣры не прочь. Только унывать не любилъ, а по части «простраціи» даже смѣшныя каламбуры отпускалъ. Но ежели потребуется серьезно уронить слезу—онъ слова не скажетъ, уронить. «Нельзя, скажетъ, безъ сердечной боли видѣть, какъ многіе, вмѣсто того, чтобы уповать»... И пойдетъ. и пойдетъ. А потомъ утретъ слезу—смотришь, и опять всѣмъ весело. Словомъ сказать, на всѣ руки парень: колесомъ вертится, на канатѣ пляшетъ; сядетъ задомъ напередъ на лошадь и за хвостъ держится. Въ гостиномъ дворѣ брюханы такъ и покатываются: «ахъ, каторжный!»¹⁹⁾

Въ одномъ большомъ городѣ сотрудники конкурировавшихъ газетъ, встрѣтятся, поспорили; поспоривъ, поругались; поругавшись, подрались. Этотъ инцидентъ далъ читателямъ недурной бытовой матеріалъ въ видѣ полемики подравшихся, а издателямъ рѣдкую розницу: улица гоготала—захлебываясь отъ удовольствія.

Одинъ пишетъ: «я васъ избилъ». Другой отвѣчаетъ: «нѣтъ, ударили»... Тотъ: «врете», а этотъ—лекцію объ этимологической, зрительной и физиологической разницѣ словъ «избить» и «ударить». Первый: «но вы валялись на полу». Второй: «я только пошатнулся» и т. д. Недѣли двѣ потѣшались...

¹⁹⁾ Idem., 387.

Какъ-то мой коллега присутствовалъ при разговорѣ коммерсанта-издателя съ своимъ братомъ-сотрудникомъ.

— Иванъ Ивановичъ! — кричалъ «хозяинъ» изъ кабинета... Ну, живо!

Въ комнату почти вбѣжалъ юркій франтъ и уже въ дверяхъ проговорилъ:

— Что прикажете, Петръ Петровичъ?

— Вотъ что, — началъ издатель почтительно стоявшему «молодцу». Новый губернаторъ любитъ — мнѣ его поваръ сказывалъ — чижиковъ и страшно съ ними забавляется. Вы, вѣдь, знаете Сидоръ Карпыча?

— Какъ же. Черезъ день обѣдаю тамъ.

— Ну, такъ купите у него парочку да позанятнѣе. Даю на это четвертной, а что меньше, то ваше.

— Не маловато ли, Петръ Петровичъ? Придется своихъ доложить...

— Ну, ну, будетъ...

— Постараюсь.

— Только завтра же, въ среду послѣдній срокъ, мнѣ назначеніе представиться пришло.

— Будетъ, не беспокойтесь.

— Больше ничего...

Иванъ Ивановичъ откланялся и вышелъ. Въ «среду» издатель представилъ «генералу» пару чижиковъ, за что и удостоился первой благодарности...

Другой Иванъ Непомнящій, владѣлецъ лѣсныхъ пристаней и кирпичныхъ заводовъ, командировывалъ туда время-отъ-времени одного сотрудника, по профессіи бухгалтера, для провѣрки конторщиковъ...

XI.

Такіе господа, какъ поставщикъ чижиковъ, Иванъ Ивановичъ, прекрасно понимаютъ, что самое пріятное для ихъ издателей—выигрышъ позиціи у конкурирующаго изданія.

Въ одной изъ газетъ работалъ одиннадцатъ лѣтъ г. N. Затѣмъ перешелъ къ конкурренту и сталъ бранить первое свое пристанище; и бранилъ не за какое-нибудь прегрѣшеніе, благодаря которому могъ бы и черезъ двадцать лѣтъ уйти изъ редакціи и выступить принципіальнымъ ея противникомъ, а такъ, вообще. Когда ему замѣтили недобросовѣстность такого поведенія, онъ отвѣтилъ: «неужели изъ того, что я одиннадцатъ лѣтъ задыхался въ этой тяжелой атмосферѣ, слѣдуетъ, что, вырвавшись на чистый воздухъ, я не смѣю сказать, что я дѣйствительно задыхался?» «Свѣжимъ воздухомъ» второго пристанища г. N дышалъ ровно годъ, затѣмъ перешелъ въ третье, тоже сосѣднее, а вскорѣ вернулся въ первое, гдѣ раньше «задыхался». Вернулся съ печатнымъ покаяніемъ, назвалъ себя «блуднымъ сыномъ», а свое пребываніе внѣ тяжелой атмосферы — «научной командировкой», въ которую его посылалъ, де, редакторъ съ цѣлью убѣдить, что у него лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Началась ругань по адресу второго и третьяго пристанищъ и продолжается вотъ уже три года...

Я не буду приводить подлинныхъ образцовъ «литературной» полемики, но считаю не лишнимъ передать нѣсколько фактовъ изъ области скрытой отъ читательскихъ глазъ конкуренціи нѣкоторыхъ газетъ.

Въ городѣ N, поздно ночью, была получена очень важная агентская телеграмма. Предстояла громадная рѣзница. Съ ранняго утра городъ покупалъ одну и ту же газету, другой у разносчиковъ не было. Оказалось, подкупленный вертельщикъ, какъ будто въ пьяномъ видѣ, наткнулся на метранпажа и рассыпалъ всю полосу (страницу), готовую уже въ машину.

Газета напечатала некрологъ извѣстнаго мѣстнаго дѣятеля, а онъ какъ ни въ чемъ не бывало развѣзжалъ на другой день по городу. Негодованія и насмѣшекъ надъ «могильщикомъ»-газетой вѣсть числа. Стали наводить справки... Некрологъ, подписанный именемъ брата мнимоумершаго, принадлежалъ сотруднику конкурента.

Въ одинъ прекрасный день къ издателю большой газеты является весьма франтовато одѣтый господинъ и въ очень обстоятельномъ разговорѣ сообщаетъ, что пріѣхалъ только-что изъ Москвы и хочетъ купить газету. Издатель сначала мнется, но, не желая упустить выгоднаго покупателя и рѣшивъ выпутаться изъ долговъ убыточнаго дѣла, проситъ обождать. Черезъ два дня покупателю былъ представленъ точный расчетъ газеты, а на слѣдующій день въ конкурентѣ «Вѣстникѣ» появилась статья о дышащемъ на ладанъ новоявленномъ органѣ...

Каждая газета въ той или иной степени чувствуетъ свою зависимость отъ мѣстной полиціи, безъ которой часто не въ состояніи удовлетворить читателей свѣдѣніями о мѣстныхъ происшествіяхъ, подчасъ имѣющихъ большое общественное значеніе. Все зависитъ отъ умѣнія ладить съ полицеймейстеромъ или градоначальникомъ. Одна газета въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ не получала возможности сообщить даже о пожарѣ сколько-нибудь во-время. Редактору была прислана бумага съ короткимъ извѣщеніемъ отъ имени «префекта», что впредь редактируемой имъ газетѣ никакихъ сообщеній изъ городского полицейскаго управленія даваться не будетъ. Тотъ поѣхалъ объясниться, но не былъ принятъ. Только черезъ два мѣсяца узналось, что изъ другой газеты полицеймейстеру было сказано конфиденціально, что наказанная имъ редакція посылаетъ корреспонденціи о полицейскихъ порядкахъ города въ одну изъ столичныхъ газетъ. Обвиненіе тѣмъ болѣе оригинальное, что сами друзья «префекта» какъ разъ и писали обо всемъ, что не пропускалось мѣстной цензурой.

У меня хранится очень интересное письмо пріятеля. Оно такъ характерно, что я воспроизвожу его почти полностью.

«Можешь себѣ представить, что было у насъ на этихъ дняхъ въ редакціи. Ты уже, вѣроятно, знаешь, что нашъ губернаторъ переводится въ опекунскій совѣтъ. Знаешь и о тѣхъ мытарствахъ, которыя я прохожу вотъ уже болѣе полугода. Теперь приступаю къ разсказу. На-дняхъ прибѣгаетъ ко мнѣ одинъ изъ чиновниковъ губернскаго присутствія и, заливаясь отъ хохота, говоритъ: «поздравляю, отъ души поздравляю! Вотъ не ожидалъ! Нѣтъ, каково; губернаторомъ назначенъ! Поздравляю!» — Что такое, — спрашиваю — скажите толкомъ? — «Да развѣ — отвѣчаетъ — не слышали еще?» Я недоумѣваю. Что же оказывается. Наканунѣ они всѣ прощались съ губернаторомъ. Тотъ былъ очень милъ, но не разговорчивъ. Посреди минуты молчанія вице-губернаторъ спрашиваетъ: «а неизвѣстно, ваше превосходительство, кто будетъ вашимъ замѣстителемъ?» Губернаторъ вдругъ поморщился да и выпалилъ: «Черниловъ! (фамилія моего друга — автора письма. М. Л.). А развѣ вы не знаете? Черниловъ, Черниловъ... Онъ будетъ прекрасный губернаторъ. У него не будетъ того, что было у меня! У него все будетъ въ порядкѣ, всѣ будутъ довольны! Да, да Черниловъ!...» Потомъ онъ немного передохнулъ и продолжалъ: «Вздумалъ учить меня! Написалъ въ Петербургъ проектъ борьбы съ произволомъ мѣстной администраціи!... Вотъ это губернаторъ». Представь себѣ общее удивленіе! Когда пришедшій разсказалъ мнѣ все это, я ушамъ своимъ не вѣрилъ. Правда, столкновенія съ губернаторомъ у меня бывали, на ногу мнѣ наступать не удавалось особенно часто, но до такой нелѣпости, какъ названный проектъ, я никогда не могъ дойти. Вотъ, значитъ, гдѣ зарыта собака! Вотъ почему мы уже полгода влачимъ существованіе глухонѣмыхъ!... Сталъ раскапывать корни, наводитъ справки, случайно встрѣтилъ самого губернатора, былъ остановленъ имъ и вдругъ узнаю, что выдумка о «проектѣ» принадлежитъ знакомому тебѣ «Лишаю» (такъ звали редактора второй въ городѣ газеты М. Л.)... Вотъ, братъ, тебѣ эпизодъ изъ не всѣмъ дюжинныхъ».

На югѣ есть городъ, гдѣ подвизается редакторъ, очень похожій на «Лишай»: всѣ газеты, кромѣ его собственной, находятся тамъ

подъ постояннымъ давленіемъ доносовъ и навѣтовъ этого субъекта, а онъ блаженствуетъ...

XII.

Вторая заповѣдь обрисованныхъ выше «журналистовъ» — «угождай и забавляй».

Когда какой-то ежемѣсячный журналъ упрекнулъ прессу одного большого города въ сногшибательномъ прислуживаніи читателю, она въ одинъ голосъ отвѣчала: «у насъ публика такая, она сама требуетъ перебранки, скандаловъ, ухарства и площадной ругани, она безъ этого жить не можетъ». Въ справедливости такой именно оцѣнки всей публики эти господа вполне убѣждены и иногда желая играть на неидущее къ нимъ благородство, дѣлаютъ видъ, что преподносятъ читателямъ кабакъ—или, выражаясь по щедрински, «окунаютъ ихъ въ клоаку человѣческой мысли»,—а не настоящую газету, исключительно благодаря низкимъ вкусамъ публики, которая-де лучшаго и не любитъ и не понимаетъ.. Я знаю редактора громадной газеты, требующаго отъ провинціального обозрѣвателя только убійствъ, дракъ, скандаловъ, растлѣній, изнасилованій, кровосмѣшеній... При этомъ сотрудникамъ не солидарнымъ говорится всегда со вздохомъ скорби:

— Что дѣлать, дорогой мой, конечно, было бы интереснѣе дать что-нибудь о земствѣ и тому подобное, но развѣ наша публика развернетъ тогда газету?!

А солидарнымъ—:

— Давайте позабористѣе, чтобы быка прошибало! Выберите что-нибудь поострѣй!

Мнѣ какъ-то пришлось бесѣдовать съ редакторомъ другой большой газеты по поводу ея громадныхъ убытковъ. Я очень долго и подробно развивалъ свой планъ реформы изданія, доказывалъ выгоду его и съ матеріальной стороны etc. Мой

собесѣдникъ слушалъ, слушалъ, все кивалъ головой, наконецъ, не выдержалъ:

— Эхъ, полно, уважаемый NN, сказалъ онъ. Все это, конечно, кажется какъ будто и такъ: создать серьезную, но живую газету для интеллигенціи и тѣхъ, кто хочетъ удовлетворить здоровой пищей начавшіе портиться уже желудки, раскинуть широко сѣть корреспондентовъ въ провинціи... Да только кому нужна такая газета? Вѣдь, здоровой-то пищи не любятъ, она прѣсновата, малоразнообразна. Всѣмъ подавай сою, кайеннѣ, горчицу. Ну, что будетъ тамъ читать нашъ розничный читатель? Возьметъ, повертитъ, повертитъ, да и плюнетъ... Нѣтъ, вы вотъ посовѣтуйте-ка что-нибудь безъ реформъ, такъ, развѣ съ частичными улучшеніями...

Тутъ же сидѣлъ издатель и, видимо, готовъ былъ просто съѣсть меня за одно только покушеніе на бульварность и вѣчное угожденіе улицъ...

«Да, водевиль есть вещь, а прочее все гиль!» Не одинъ разъ я слышалъ эти слова какъ девизъ. Въ нихъ только сдѣлали маленькую перемѣру: «да, фельетонъ есть вещь, а прочее все гиль!» Слышалъ и очень не сложную программу ежедневной газеты: фельетонъ, телеграммы и подробнѣйшая хроника до чиханія послѣдняго велосипедиста включительно. Въ одной большой газетѣ чуть было не произошла реформа въ этомъ направленіи... Фельетонистъ сейчасъ идетъ въ гору и котируется на литературной биржѣ небывало высоко. Это единственный персонажъ въ труппѣ Непомнящаго, трудъ котораго оплачивается хорошо, даже слишкомъ. Нѣкоторые фельетонисты получаютъ столько, сколько всѣ остальные сотрудники вмѣстѣ.

Знаю редакціи, поставившія во главу угла ложь, клевету, прямой шантажъ. Въ одной, на примѣръ, газетѣ вы можете довольно часто, особенно передъ и во время подписки, найти «письмо въ редакцію», въ которомъ растроганный псевдонимъ въ очень неумѣренныхъ выраженіяхъ благодаритъ редакцію «всѣми уважаемой газеты» за ту или другую статью, превозноситъ ея практическія послѣдствія и т. д. Вы даже и не подозреваете, что все это писано въ редакціи же,

что это—одинъ изъ способовъ заручиться вашимъ вниманіемъ и расположеніемъ... А то сотрудникъ захваливаетъ сочиненія своего редактора, вышедшія книжкой, а редакторъ хвалитъ сотрудника. Редакторъ очень распространенной газеты, подписывался то фамиліей, то псевдонимомъ. Когда прошло достаточно времени, появляется статья, гдѣ «фамилія» доказываетъ, что «псевдонимъ» пользуется совершенно понятной извѣстностью; что его статьи «полны всегда самаго живого интереса» etc...: Вотъ подлинный образчикъ отзыва услужливаго сотрудника о сочиненіяхъ проводящаго его въ люди редактора:

«Въ нихъ медленно и торжественно зрѣютъ и надвигаются иного рода событія, озаряющія дѣйствующихъ лицъ повѣстей тревожнымъ, зловѣще колеблющимся свѣтомъ и вотъ-вотъ грозящія разразиться надъ ихъ головами жестокою грозой. Весь томъ рассказовъ представляетъ нѣчто цѣльное и единое, хотя, въ свою очередь, и каждая вещь въ частности является законченною и цѣльною. Рѣдкое знаніе провинціи и провинціальныхъ типовъ, обнаруженное авторомъ въ повѣстяхъ, красочность и сочность письма, трезвый реализмъ рассказа—вотъ достоинства этихъ цѣнныхъ сочиненій»...

Вотъ отрывокъ изъ другого фельетона, помѣщеннаго въ замирающей газетѣ:

«Встрѣтившись на-дняхъ съ редакторомъ нашей газеты, я, тогда еще посторонній ей человѣкъ, сказалъ ему:

— Многоуважаемый г. редакторъ! Вы, какъ я замѣтилъ, слишкомъ идеально относитесь къ вашему редакторскому дѣлу въ отношеніи издаваемой вами газеты. За многіе годы я убѣдился, что въ этомъ дѣлѣ вы вовсе не даете мѣста никакимъ коммерческимъ соображеніямъ, т.-е. не руководитесь ими: это какъ-то даже несовременно, если не разорительно. Почему ваша газета не похожа на торговое заведеніе? Это ошибка съ вашей стороны.

— Какъ такъ?—спрашиваетъ, видимо озадаченный, редакторъ—Въ чемъ вы обнаружили признаки моего идеализма и къ чему здѣсь сравненіе газеты съ торговымъ заведеніемъ?

— Очень просто. Газеты наши большія, крупныя, какъ спра-

ведливо замѣтилъ одинъ профессоръ, суть своего рода торговля заведенія, гдѣ вверху, въ передовицахъ, продаются патріотическіе баранки, а внизу, въ фельетонѣ, гудитъ шарманка, пляшутъ и дерутся; баранки покупаютъ, слушаютъ шарманку и глазѣютъ на пляшущихъ; торговля идетъ не въ убытокъ и хозяинъ доволенъ.

«Редакторъ призадумался.

— Въ вашей же газетѣ, продолжалъ я, не бываетъ ни передовицъ, ни фельетона, поняли?

— Понялъ, — отвѣтилъ редакторъ, — тѣмъ не менѣе я не вижу здѣсь никакой ошибки, а тѣмъ болѣе коммерческой. Просуществовавъ болѣе 33 лѣтъ, газета моя тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціального района, отголоскомъ котораго она служила болѣе трети столѣтія. Этотъ фактъ отвѣчаетъ вамъ на всѣ ваши коммерческіе и не коммерческіе вопросы.

— Положимъ, что такъ, но нѣтъ-ли тутъ жертвы съ вашей стороны?

— Какой?

— Да, на примѣръ, денежной?

— О, нѣтъ, возразилъ редакторъ, — изданіе газеты со стороны матеріальныхъ затратъ окупается.

— Ну, а трудъ-то вашъ оплачивается достаточно? остается ли вамъ что-нибудь собственно за хлопоты?

— Видите ли, — отвѣтилъ редакторъ, — я, признаться, не дѣлалъ этого частичнаго учета, потому что у меня ведется одинъ общій балансъ съ домашнимъ дѣломъ, но, по всей вѣроятности, остается что-нибудь и за издательскій трудъ. А знаете ли что, обратился ко мнѣ редакторъ, напишите вы что-нибудь для фельетона...»

Вы, читатель, вѣроятно не помните одинъ персонажъ, очень легко и даже неувѣренно набросанный Салтыковымъ. Это — Никодимъ Крошечкинъ, добывающій розницу путемъ полемики самого съ собой... И въ этомъ не ошибся прозрѣвавшій будущее Щедринъ: немного, но нѣсколькихъ Крошечкиныхъ и мнѣ приходилось знать... Практическія послѣдствія

ихъ «маневра» очень оцѣтительны для хозяйской приходной кассы...

Знаю и пускателей «утокъ». Приемъ этотъ мнѣ, помню, открыто разсказалъ одинъ удаленный Непомнящимъ шантажистъ. Тутъ цѣлая наука, требующая строгой продуманности и выдержки...

Вотъ, на примѣръ, статья въ одной газетѣ, очень быстро теряющей читателей, залученныхъ печатнымъ голодомъ. Озаглавлена она съ вѣрнымъ расчетомъ на любопытство широкой толпы: «Къ казни нашего редактора!»

«11 сентября прошлаго года тысячная толпа евреевъ, подъ предлогомъ манифестаціи на другой подкладкѣ, собралась въ 9 часовъ вечера на Александровской улицѣ, у типографіи нашей газеты и готова была разгромить ее. Многіе евреи кричали: «смерть редактору! смерть газетѣ!» Евреи, однако, не привели въ исполненіе своего намѣренія, такъ какъ нѣкоторое время спустя ихъ разогнала полиція; но часть толпы въ 10 часовъ вечера, въ то время, когда я писалъ статью, подошла къ редакціи и съ криками: «смерть редактору! смерть газетѣ!» пыталась ворваться въ мою квартиру, причемъ всѣ стекла въ окнахъ, выходящихъ на улицу, были разбиты. Чѣмъ окончился бы погромъ, ворвались ли бы евреи черезъ окна въ мою квартиру, не знаю, но они скрылись едва прибѣжали служащіе моею типографіи, вызванные по телефону. Въ это же время мною были получены письма съ угрозою убить меня, а вмѣстѣ съ тѣмъ письмо отъ неизвѣстнаго мнѣ лица, случайно услышавшаго въ саду разговоръ между двумя субъектами о томъ, что меня собираются убить. Позже я получилъ еще нѣсколько писемъ съ просьбами, чтобъ я берегъ себя, такъ какъ евреи рѣшили убить меня. Къ концу прошлаго года, благодаря, можетъ быть, моему отсутствію, евреи поунылись на время. Но въ нынѣшнемъ году вражда эта вновь разгорѣлась, особенно послѣ появленія моихъ писемъ по еврейскому вопросу и постановки въ апрѣлѣ «Контрабандистовъ». Представленіе «Контрабандистовъ», благодаря мѣрамъ, своевременно принятымъ администраціей, прошло благополучно въ театрѣ. Но я,

только щадя евреевъ, умолчалъ о томъ, что огромная толпа поджидала моего проѣзда въ театръ, собираясь бросать въ меня бутылками и избить меня. А въ то же время у редакціи были задержаны евреи, бросавшіе камнями въ окна и также поджидавшіе меня. Двухъ изъ нихъ городовые задержали даже въ два часа ночи. Одновременно съ этимъ я продолжаю получать письма съ угрозами убить меня, облить сѣрной кислотой и т. п. Наконецъ, есть еще данныя, которыхъ я не могу привести здѣсь, въ силу обѣщанія, но которыя убѣждаютъ меня, что я дѣйствительно приговоренъ къ смертной казни. Какъ осуществятъ ее—не знаю, но, вѣроятно, не открыто, а изъ-за угла».

Тутъ все великолѣпно...

Одна большая газета уже не первый годъ добываетъ вліяніе, время отъ времени преподнося читателямъ трофеи своихъ мнимыхъ побѣдъ на почвѣ рѣшенія вопросовъ внѣшней или внутренней политики, подчеркивая въ громаднхъ статьяхъ свою роль въ созданіи именно такого, а не иного рѣшенія... Начинаются такіа самовосхваленія обыкновенно словами: «нельзя отъ всей души не привѣтствовать прекрасной мысли законодателя (или такого-то лица), такъ блестяще осуществленной въ только-что опубликованномъ положеніи (циркуляръ и т. п.)». Затѣмъ идетъ изложеніе самаго положенія, а въ концѣ:—«наши читатели помнятъ, какъ долго мы настаивали именно на подобномъ рѣшеніи вопроса, доказывали его безусловную и при томъ исключительную справедливость. Намъ тогда возражали, съ нами не соглашались, спорили, насъ даже гнали и заушали, но теперь, полагаемъ, читателямъ ясно, кто былъ правъ. Въ недавней бесѣдѣ нашей съ однимъ очень виднымъ административнымъ дѣятелемъ (онъ, разумѣется, почти никогда не называется М. І.) намъ было сказано, что обсужденіе вопроса началось и закончилось обсужденіемъ преимущественно нашего предположительнаго рѣшенія» и т. д., и т. д. Обыкновенный русскій читатель, отличающійся поразительнымъ безпамятствомъ читаннаго полгода, годъ назадъ, дѣйствительно вѣритъ этой кокофоніи и проникается уваженіемъ къ силѣ «своей» газеты... Если же встрѣчаетъ гдѣ-нибудь указанія на мерзость такой выходки

«приватъ-звонаря храма славы», то почти всегда думаетъ: «завидно?!»

Помню, почти при самомъ вступленіи своемъ на поприще присяжнаго журналиста, когда приходилось начинать основательное знакомство съ русской прессой, я былъ пораженъ изворотливостью нѣкоторыхъ газетъ въ имитациі «собственныхъ» авторовъ и корреспондентовъ. Фабрикація ихъ очень несложна — ножницы и нахальство. Бываетъ, конечно, и тутъ на старуху проруха, но не часто. Не скоро, на примѣръ, изгладится изъ памяти «собственный» коронаціонный корреспондентъ одной довольно распространенной газеты, написавшій громадную статью о томъ, какъ торжественный въѣздъ въ Москву государя привѣтствовался несмолкаемой канонадой съ... Триумфальныхъ воротъ и колокольни Ивана Великаго!... Не знающіе Бѣлокаменную столицу поймутъ, что это за нелѣпость, если ее сравнить съ сообщеніемъ о томъ, какъ лошадь пробѣжала по телеграфной проволоцѣ...

А «самостоятельная» беллетристика и переводы!.. Въ этой области очень характерна фигура одного довольно извѣстнаго широкой публикѣ журналиста. Хотя «дѣло» его очень шумѣло года два назадъ, но я и здѣсь не считаю нужнымъ выставлять имена дѣйствующихъ лицъ: не лица намъ нужны, а типичные факты.

Прижатый къ стѣнѣ массою собравшихся какъ-то сразу противъ него уликъ, господинъ мародеръ написалъ, наконецъ, покаянное письмо, никѣмъ изъ затронутыхъ въ немъ лицъ основательно не опровергнутое.

«Въ 1893 мой редакторъ предложилъ мнѣ передѣлать романъ г. К., изданный въ 1832 г., для фельетоновъ его газеты, рекомендовавъ для этой компиляціи и романъ Нестора Кукольника «Іоаннъ III». Находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, я согласился, и такимъ образомъ появился новый романъ. Я хотѣлъ въ примѣчаніи подъ первымъ же фельетономъ оговорить происхожденіе романа, но редакторъ воспротивился этому и выкинулъ примѣчаніе, которое появилось уже, по моему упорному настоянію, послѣ двухъ десятковъ фельетоновъ, въ

нѣсколько, все-таки, измѣненной редакціи. Я точно предчувствовалъ бѣду и дѣйствительно, покойный Д. печатно разоблачилъ эту фальсификацію. Какъ тогда поступилъ редакторъ? Онъ, какъ и теперь, отказался отъ того, что онъ не только зналъ все это, но самъ поручилъ мнѣ эту работу. Къ моему счастью, у меня были свидѣтели: онъ былъ уличенъ, и поднятый было имъ вопросъ объ отказѣ мнѣ отъ сотрудничества въ газетѣ отпалъ самъ собой. Я остался сотрудникомъ, но моя литературная репутація подорвана, благодаря редактору, который и теперь не имѣлъ мужества защитить своего сотрудника. Онъ утѣшалъ меня, однако, тѣмъ, что я на всю жизнь обеспеченъ работой въ его газетѣ, сулилъ мнѣ дать пай въ будущемъ издательскомъ товариществѣ, всюду и всегда называлъ меня своимъ другомъ, рекламировалъ въ газетѣ мое имя. Въ теченіе семи лѣтъ я одинъ составлялъ номера газеты, улучшилъ ее, а четыре года редактировалъ безъ участія редактора, который былъ занятъ въ то время городскими дѣлами, подготовленіемъ своего избранія въ городскіе головы, политическими поѣздками, славянскимъ обществомъ, подготовленіемъ выбора своего въ предсѣдатели, своимъ домомъ, гончарнымъ заводомъ, всѣмъ, чѣмъ угодно, только не газетою. Подписка, несмотря на конкуренцію, не упала. Редакторъ отплатилъ мнѣ за это такимъ отношеніемъ, что я принужденъ былъ недавно отказаться совершенно отъ сотрудничества въ изданіи, съ которымъ я сроднился и которому отдалъ свои лучшіе силы и годы. Онъ видимо, хотѣлъ къ своимъ всевозможнымъ тогамъ прибавить тогу охранителя литературной этики, бѣднаго издателя, обманутаго своимъ сотрудникомъ. Я же съ своей стороны, не драпировался ни въ какую тогу, а тѣмъ менѣе въ тогу литератора: я былъ только усерднымъ и аккуратнымъ газетнымъ работникомъ и, напротивъ, всегда говорилъ и даже подчеркивалъ, что я—не литераторъ, а писатель по ремеслу—это могутъ подтвердить всѣ меня знающіе».

.....

Наконецъ, прямое взяточничество и вымогательство. Кое-что читатели, вѣроятно, помнятъ и изъ судебной хроники.

Корреспондентъ очень большой газеты явился въ крупный торговый домъ и предложилъ немедленно уплатить 5.000 руб., грозя въ противномъ случаѣ поднять такой скандалъ, отъ котораго «небу станетъ жарко». Не дали. Онъ сдержалъ свое слово, и фирма очень сожалѣла, что поупрямилась. Мало того, въ самый разгаръ скандала къ ней явился редакторъ-издатель другой большой газеты и откровенно предложилъ немедленно приняться за реабилитацію, если фирма вступитъ въ его издаііе крупнымъ пайщикомъ.

Не хуже отличилась другая большая газета. Какъ и всякая, она въ значительной мѣрѣ строитъ свой бюджетъ на объявленіяхъ. Заказывалъ тамъ, между прочимъ, постоянный анонсъ извѣстный въ городѣ шато-кабатчикъ. И вотъ въ теченіе двухъ лѣтъ на столбцахъ этой газеты всюду пестрили самые лучшіе отзывы о «просвѣтительной» дѣятельности шатокабатчика... Словомъ, все шло по хорошему. Вдругъ объявленіи не присылаютъ, мотивируя дороговизной. Просили 250 рублей ежемѣсячно, шато-кабатчикъ давалъ 100. Спустя нѣкоторое время, къ нему является управляющій газетной конторой и начинаетъ всячески умасливать. Тщетно. Тогда конторщикъ грозитъ сильной «прохваткой». Дѣйствительно, одинъ изъ сотрудниковъ каждый день начинаетъ издѣваться надъ шатокабакомъ и его содержателемъ. Дѣла падали... Но въ «конкурентѣ» появляется письмо кабатчика, изъ котораго оказывается, что г. журналистъ неоднократно былъ выводимъ изъ его «заведенія» мѣрами полиціи, а по счетамъ за сѣденное и выпитое не платилъ въ продолженіе полугода, несмотря на категорическія требованія хозяина....

Въ одномъ изъ торговыхъ городовъ, имѣющемъ свою ярмарку, во время послѣдней постоянно выпускается ежедневная газета, посвященная интересамъ и нуждамъ ярмарки. Мало того, что редакторъ этого оргѡнчика на постоянномъ жалованіи у прославляемыхъ имъ «брюхановъ», но онъ даже изобличенъ въ составленіи прошенія Китъ Китычей о возвращеніи въ ярмарочные кабаки изгнанныхъ оттуда администраціей арфистокъ. Больше — онъ писалъ громадныя статьи на тему

свободы торговли и вытекавшей, де, изъ нея свободы развлеченій. Еще больше—онъ преподносилъ въ газетѣ портреты наиболѣе популярныхъ среди купечества «дѣвицъ» съ краткими біографіями. Во всемъ этомъ г. литераторъ былъ уличенъ потомъ на судѣ и, все-таки, и до сихъ поръ сотрудничаетъ въ большой газетѣ, мнящей себя «порядочною»...

Очевидно, эти господа уже на опытъ знаютъ громадную силу печати. Послѣдняя, дѣйствительно, колоссальна. Это такая страшная по своимъ размѣрамъ сила, что мало-мальская оплошность — человѣкъ уже заклеванъ, сравненъ съ грязью. Ничто не даетъ газетѣ такого успѣха у толпы, какъ сногшибательный пасквиль, направленный противъ человѣка, мало-мальски выдающагося въ ея собственныхъ глазахъ, «Вотъ прохватили, такъ прохватили!»... гогочетъ улица и быстро разбираетъ номера. «Читали про Ивана Ивановича?» спрашиваетъ каждый встрѣчный, и успѣхъ Подхалимова растетъ, какъ снѣжный комъ. Эта сторона «уловленія» заслуживаетъ того, чтобы сказать о ней нѣсколько словъ особо—она наиболѣе ярко обнаруживаетъ талантъ Подхалимова и его удивительную виртуозность въ выборѣ формъ.

По общепринятому мнѣнію, находящему подтвержденіе и въ энциклопедическихъ словаряхъ, пасквилемъ называется письменное сочиненіе или символическое изображеніе, содержащее въ себѣ ложныя, оскорбительныя для кого-либо свѣдѣнія, распространяемыя въ печати или инымъ путемъ. Прежде подъ пасквилемъ понимали больше язвительную насмѣшку, чѣмъ злостную обиду, потомъ онъ сталъ аналогироваться съ ложнымъ доносомъ, а въ новѣйшихъ уголовныхъ законодательствахъ пасквиль уже особо не упоминается, а рассматривается по общимъ правиламъ о клеветѣ. Итакъ, главный и единственный признакъ пасквиля—ложь, клевета. Нѣкоторые толкуютъ это понятіе шире: по ихъ мнѣнію, пасквиль — все то, что составляетъ портретъ именно даннаго лица или группы лицъ. Но мнѣ кажется, нѣтъ основаній лишать это слово общеупотребительнаго значенія. Теперь, конечно, ясно, кого можно назвать пасквилянтомъ.

Очевидно, это прежде всего лжецъ, клеветникъ; во-вторыхъ,—человѣкъ, имѣющій совершенно опредѣленный отрицательный моральный удѣльный вѣсъ, въ-третьихъ, человѣкъ въ общественномъ смыслѣ негодный, потому что пользуется той жилкой неразборчивыхъ людей, которая всегда все дурное, особенно, когда оно выставлено въ смѣшномъ видѣ, побуждаетъ принимать уже за истину, а пасквилянта—записать въ разрядъ «бичей гнусности и неправды». Для пасквилянта, какъ человѣка совершенно безчестнаго, вѣтъ необходимости входить, хоть на моментъ, въ разборъ качествъ намѣченной жертвы. Наоборотъ, чѣмъ она порядочнѣе, развитѣе, гуманнѣе, чѣмъ больше она пользуется заслуженнымъ уваженіемъ лучшей части общества, тѣмъ большій соблазнъ добратся до нея пасквилянту. Вѣдь, это по натурѣ человѣкъ, не могущій терпѣть около себя людей сколько-нибудь порядочныхъ. Такіе люди, являясь зеркаломъ, отражаютъ умственное и нравственное убожество пасквилянта; это его бѣситъ, онъ хватается зеркало и безжалостно разбиваетъ его въ дребезги...

Вотъ, собственно, психологія непосредственнаго пасквиля. Но есть и другіе источники его возникновенія. Пасквилянтъ можетъ руководствоваться посторонними указаніями, просьбами, приказаніями, наконецъ, подачкой. Въ ежедневной прессѣ пасквиль особенно бываетъ въ ходу среди людей, желающихъ играть на интересъ къ изданію въ мало развитой массѣ. Достаточно прикрасить пасквиль гражданской скорбью объ обиженномъ меньшомъ братѣ, чтобъ на нѣкоторое время имѣть успѣхъ. Есть изданія—конечно, ихъ очень немного—сумѣвшія основать на пасквилѣ свое матеріальное благосостояніе; есть пасквилянты, живущіе своимъ промысломъ и при томъ съ тѣмъ или инымъ комфортомъ, въ зависимости отъ талантливости и умѣнья попасть во-время и въ цѣль. Они кричатъ: «бойтесь насъ!» и ихъ, дѣйствительно, надо бояться, потому что никто не гарантированъ, что, прочтя сегодня пасквиль о своемъ сосѣдѣ, завтра не прочтетъ о себѣ. Ну, а масса не настолько еще развита въ общественномъ смыслѣ, чтобы умѣть убѣдить себя въ томъ, что пасквиль не можетъ быть оскорбителемъ именно

въ виду своей принадлежности пасквилянту. Да и надо ли скорбѣть о такомъ неразвитіи? Вѣдь, если не обидно потому, что клеветаетъ клеветникъ, то можетъ быть обидно потому, что страдаетъ правда и благодаря кому же!... Но и тутъ еще не все. Чтобы написать совершенно открытый пасквиль, назвавъ и героя и себя, пасквилянта, полной фамиліей—нужно обладать, все-таки, нѣкоторымъ мужествомъ, т.-е. тѣмъ, что даже и послѣдняго негодяя, хоть на волосъ, поднимаетъ въ нашихъ глазахъ. Мужествомъ отличаются вообще не очень многіе, а пасквилянты—и еще рѣже. Обычная манера ихъ другая: и герой и онъ самъ скрыты за вымышленными именами. Но и этого мало. Называя героя всегда довольно прозрачно, пасквилянтъ именуется себя такъ, что вы никогда не догадаетесь, кто онъ. Такимъ образомъ, клеветнику создается крайне выгодное положеніе: онъ можетъ очернить и оболгать всѣхъ и вся, никогда не рискуя судебной отвѣтственностью. Правда, бываетъ еще отвѣтственность «натуральная», но, во-первыхъ, пасквилянтъ всегда остерегается каждаго, у кого кулакъ не въ достаточной выдержкѣ, а во-вторыхъ, онъ всегда сумѣетъ его избѣжать, совершивъ какую-нибудь новую подлость.

XIII.

— За что вы насъ губите? Вѣдь мы же съ голоду умремъ, если не бросимся въ развратъ и шулерство, которое почему-то считается родственнымъ актерской профессіи!

— Да кто же васъ губить?! Что плохо, то плохо.

— Г. редакторъ, я повторяю вамъ, кажется, ясно, что ни одного представленія, даже до середины, вашъ рецензентъ не высидѣлъ! Ну, провѣрьте мои слова, спросивъ своихъ знакомыхъ...

— Я не могу не вѣрить своему сотруднику... Вообще, повторяю, я ни въ какіе разговоры по этому поводу не хочу

вступать. Оцѣнка сдѣлана; пусть съ нею не соглашаются, но это еще не значитъ, что она несправедлива...

— Вы должны вникать въ ея важность для насъ и для публики...

— Ну, что я долженъ—я самъ знаю хорошо и, еще разъ повторяю, что продолжать нашъ разговоръ не намѣренъ.

— И такъ, приговоръ ясенъ: «дохните, чортъ съ вами, а мой сотрудникъ—воплощеніе истины»... Спасибо! До свиданія... А ему передайте отъ имени моего и труппы мерзавца! До свиданія!..

Такой разговоръ происходилъ въ кабинетѣ редактора съ антрепренеромъ хорошей мѣстной драматической труппы, которую очень почему-то не взлюбилъ рецензентъ единственной въ городѣ газеты Труппа погибала, благодаря пустому театру; публика не ходила, благодаря довѣрію къ рецензенту. Кончилось дѣло тѣмъ, что нѣсколько завсегдатаевъ - театраловъ, видя гнусную несправедливость, обратились въ сосѣднюю газету съ пространнмъ «письмомъ», гдѣ и выяснили мотивы неудовольствія рецензента. Оказалось, что онъ ждалъ особаго кресла для своей матери и жены, антрепренеръ нашель это видомъ взятки и категорически отказалъ...

Въ большомъ южномъ городѣ общество было взволновано рѣдкимъ инцидентомъ: опереточныя артистки побили рецензента. Вотъ какъ онъ самъ повѣдалъ о томъ въ газетѣ:

«Ко мнѣ подошли три пѣвицы и въ вѣжливой формѣ сказали:

— Позвольте съ вами познакомиться?!

— Очень пріятно,—сказалъ я въ недоумѣніи.

— Пойдемте съ нами въ кабинетъ, мы тамъ угостимъ васъ.

«Отъ этого предложенія я отказался.

— Пойдемте же, намъ съ вами нужно кой о чемъ поговорить.

— Если вы хотите что-либо мнѣ сказать—замѣтилъ я—то говорите сейчасъ или пожалуйста къ моему столу, гдѣ я сижу съ своей компаніей. Тамъ объяснимся.

«Убѣдившись въ бесплодности и бесполезности своихъ предложеній, пѣвицы разомъ вдругъ перемѣнили тонъ и выругали меня нецензурной бравью. Отъ такого неожиданнаго реприманда я оторопѣлъ и хотѣлъ-было удалиться. Не тутъ-то было. Ко мнѣ подошли еще штукъ 15 пѣвицъ и нѣсколько человѣкъ изъ ихъ поклонниковъ. Толпа образовалась человѣкъ въ 30—36, которые стали всячески оскорблять меня и подносить къ моему носу кулаки...»

Редакторъ вынужденъ былъ разстаться съ этимъ сотрудникомъ...

Знаю три-четыре случая, когда антрепренерамъ былъ поставленъ ультиматумъ: ни слова о театрѣ, пока газета не получить ежедневныхъ проспектакльныхъ объявленій.

Въ одной большой газетѣ до тѣхъ поръ не было пощады любителямъ пѣнія, пока они ни пригласили въ «руководительницы» жену рецензента, всячески имъ афишированную... Рецензентъ другой газеты начинаетъ свое знакомство съ каждой оперной труппой любезнымъ предложеніемъ поставить его собственную оперу. Послѣ должныхъ размышленій даже лучшія труппы соглашаются на добровольный позоръ... Нѣкоторыя однако, рѣшали крѣпиться и зато потомъ горько оплакивали свое упорство: сборы были ниже всякаго предполагаемаго минимума.

Одна очень распространенная газета не печатала до тѣхъ поръ справедливыхъ рецензій о прекрасной игрѣ выдающейся труппы, пока не былъ снятъ съ репертуара имѣвшій большой успѣхъ водевиль, принадлежащій фельетонисту конкурирующей газеты.

На судъ предстало дѣло, содержаніе котораго въ краткихъ словахъ таково: рецензентъ жилъ съ премьершей труппы; послѣдняя интриговала весь женскій персоналъ, о которомъ не писалось поэтому ни слова. Въ одинъ прекрасный день сожители разсорились, публика узнала изъ газеты, что свѣтъ въ окошкахъ и не только премьерши, а послѣдняя, не долго думая, опубликовала письмо своего измѣнника-обожателя слѣдующаго содержанія: «Безцѣнная N, итакъ сегодняшнее

счастье я покупаю запрошенной цѣной: съ завтрашняго дня ни слова ни объ одной женщинѣ безъ твоего особаго указанія. Ура! Лечу и вечеромъ буду въ Альказарѣ, гдѣ обниму свою пташечку!» Лѣтъ шесть тому назадъ процессъ этотъ заинтересовалъ весь городъ...

Главы эти не могу не закончить разговоромъ Сицилистова съ Подхалимовымъ, когда первый въ отчаяніи воскликнулъ:

— Однако, какіе ужасные нравы!

— У насъ нынче насчетъ нравовъ даже очень просторно—отвѣчалъ Подхалимовъ.—Только размѣры «куша» и стѣсняютъ. Кому—знатный размѣръ приличествуетъ; кому—средній; кому—малый. Но все-таки вездѣ на первомъ планѣ—«кушъ». Недавно, доложу вамъ, у одного «репортера» маменька скончалась—ну, онъ и пошелъ съ похороннымъ счетомъ по коммерсантамъ, да черезъ три-четыре часа всѣ расходы покрылъ, а лишки къ Палкину снесъ.

— А что ежели коммерсантъ-то соберется съ духомъ, да въ шею попрашайку?

— Нельзя стало-быть.

«Подхалимовъ остановился на минуту, иронически взглянулъ мнѣ въ глаза и съ разстановкой произнесъ:

— Печать-то вѣдь сила! Такъ ли, отче? ²⁰⁾»

XIV.

Особое мѣсто занимаютъ въ моихъ наблюденіяхъ женщины, отдавшіяся кипучей газетной работѣ.

Врядъ-ли теперь найдется редакція газеты, въ которой бы не сотрудничала хоть одна женщина. Онѣ занимаютъ самыя разнообразныя амплуа, въ большинствѣ случаевъ это—пере-

²⁰⁾ Idem., 394 - 395.

водчицы иностранныхъ извѣстій и беллетристики, рѣже— авторы статей и фельетонисты. По адресу ихъ нельзя не сказать, что въ массѣ это—самыя добросовѣстныя работницы, если иногда, по недостатку общаго развитія, и неудовлетворяющія очень требовательныхъ редакторовъ, то ужъ почти никогда не могущія быть соприсчисленными къ лику гг. Скомороховыхъ, Подхалимовыхъ, Крошечкиныхъ и К°. На нихъ можно валить всякія обвиненія, но ни въ подлости, ни въ низости, ни въ опоганеніи журналистики. Нужда заставляетъ иногда женщинъ использовать свое все еще безобразное прошлое воспитаніе и образованіе въ редакціяхъ не совсѣмъ-то приличныхъ и порядочныхъ, но кому-кому, а женщинѣ съ семьей, оставленной умершимъ мужемъ, человѣку, который неспособенъ больше ни къ какой другой работѣ, кромѣ переводной и легкокомпилятивной—это можетъ быть (я не говорю: должно) прощено. Русская женщина никогда не стояла во главѣ общественной и политической мысли и жизни, всѣмъ строемъ послѣдней она была удаляема отъ массы явленій, въ которыхъ мы всѣ, мужчины, привыкли чувствовать себя, какъ рыба въ водѣ—ей простительно многое, за что насъ, надо карать всей силой общественнаго негодованія. Вотъ если она—человѣкъ вполне интеллигентный или и неинтеллигентный, но могущій просуществовать инымъ трудомъ—а, тогда предъявляйте и къ ней общія требованія, тогда всякая снисходительность должна ее оскорблять!

Не такъ смотрятъ на этотъ вопросъ нѣкоторые ихъ коллеги изъ мужчинъ. «Она конкурентъ!» кричитъ одинъ. «Она сбиваетъ нашъ заработокъ!» оретъ другой. «Это своего рода *made in Germany!*» вопить третій... И травятъ «ее», какъ зайца. Вотъ откровенная исповѣдь одного изъ такихъ господъ, напечатанная послѣ смерти скромной труженицы.

«Я никогда не видѣлъ ее. Я не зналъ, была она молода или стара, интересна или неинтересна въ бесѣдѣ. Я не зналъ даже, какъ ее зовутъ. Сегодня я въ первый разъ узналъ, какъ ее звали. А я всегда былъ увѣренъ, что ее зовутъ иначе. Это смѣшное имя выдумали ей мы, фельетонисты, выдумали нарочно, чтобы сдѣлать ее еще болѣе забавной, смѣшной въ

глазахъ публики. Мы травили ее, травили изъ года въ годъ. Мы изощрялись надъ этой «многописательницей». Мы рассказывали про нее всевозможныя забавныя вещи. Говорили, что она вяжетъ свои романы. Что она работаетъ ихъ на швейной машинѣ. Мы потѣшались, что романы идутъ дѣточкамъ на фартучки. Героиня измѣняетъ герою,—вотъ пантолончики для Юрочки! Мы создали такой забавный образъ, что публика безъ улыбки не могла слушать ея имени. Затравленная нами, она пряталась отъ насъ за псевдонимъ, чтобы высказывать свои мысли, часто интересныя, всегда добрыя, всегда гуманныя. Кто сталъ бы читать статью по общественному вопросу, подписанную ея именемъ? Ужасно интересно знать, что она думаетъ! Чтобы читали ея мысли, она прикрывалась мужскимъ псевдонимомъ... Мы, литераторы, говоримъ: довольно насъ переколѣло подъ заборомъ! Довольно переколѣло по больницамъ! Довольно мы строили конюшенъ и домовъ для другихъ! Мы сами хотимъ жить въ тѣхъ домахъ, которые строили, и сами ѣздить на тѣхъ лошадяхъ, которыхъ зарабатываемъ! И вы, женщины, намъ мѣшаете въ нашей работѣ, мѣшаете вывести литераторовъ хоть изъ того гнетущаго экономическаго рабства, въ которомъ они находятся. Женщины приходятъ съ самыми скромными, съ самыми маленькими, съ самыми женскими требованіями. На этотъ рынокъ рукописей—я говорю о рынкѣ рукописей, а не идей—успокойтесь,—вы, женщины, приходите съ самымъ ужаснымъ, съ самымъ предательскимъ оружіемъ: вы невозможно сбиваете цѣны. Вы обрекаете работниковъ на голодъ. А съ голодомъ вы много талантовъ обрекаете на гибель. Есть область литературы, куда женщины, входя, прямо несутъ смерть. Это — переводы. Въ каждую редакцію каждый день обращается по нѣскольку женщинъ: переводовъ!! И какъ существовать хорошему, добросовѣстному, талантливому переводчику, когда онѣ просятъ: копейку за строчку, полкопейки! Согласны взять даже четверть копейки. Поторговаться — возьмутъ и восьмую копейки...»

Больно, читатель, но, вѣдь, къ этому надо было быть готовымъ! Еще хорошо, что хоть откровенно...

Иначе, правда, относятся къ женскому труду Иваны Непомнящіе и родственные имъ по нутру другіе издателя. Дешевый работникъ, женщина, всегда находятъ у нихъ занятіе. А кого можно и эксплоатировать, какъ ни ее же первую!

Въ заключеніе этой небольшой главы я опять-таки скажу, что весь имѣющійся въ моемъ распоряженіи громадный матеріалъ не даетъ права бросить женщинѣ-журналисту тяжелое обвиненіе въ опошленіи нашего дорогого дѣла. Она не стоитъ часто на стражѣ его интересовъ, какъ хорошо вооруженный и смѣлый боецъ, но свой уголъ всегда оберегаетъ!

XV.

Къ великому счастью и гордости русскаго общества, не могу сказать, что обрисованныя выше черты дѣятельности *нѣкоторыхъ* журналистовъ суть специфическіе признаки и проявленія жизни русской журналистики en masse.

Тотъ истинный журналистъ, the right man in the right place—настоящій человекъ на настоящемъ мѣстѣ, котораго нарисовалъ Салтыковъ, не только живъ, а и могущественъ силою своего нравственнаго вліянія на общество! Онъ составляетъ ряды *истинной* журналистики, онъ даетъ русскому обществу истинную литературу. И теперь, какъ тогда, во времена свѣтлой зари русской литературы и общественности,— «этотъ человекъ живетъ одною жизнью съ русской литературой, не знаетъ никакихъ интересовъ, кромѣ интересовъ литературы, не вкушаетъ ни одной радости, которая не имѣла бы источникомъ литературу. Онъ съ жадностью слѣдитъ за всѣми подробностями литературнаго движенія, за всякой литературной полемикой; онъ ничего не знаетъ, ни съ чѣмъ не хочетъ имѣть общенія, кромѣ литературы». А послѣднюю онъ не замыкаетъ въ спиртовую банку отъ клокочущей и бьющей по мозгу и нервамъ жизни; нѣтъ, онъ сосредоточиваетъ въ литературѣ всю жизнь.

всю мысль, всю глубину человѣческаго служенія. Если онъ не замѣтенъ часто, этотъ настоящій журналистъ, то не потому, что его нѣтъ совсѣмъ или онъ недостаточно многочисленъ. Не онъ спрятался въ свою раковину, а его заставили спрятаться, грозя въ противномъ случаѣ немедленной и вѣрной смертью. И для него этотъ конецъ страшнѣе, чѣмъ для многихъ другихъ.

Нѣмое общество не словами, такъ знаками показываетъ такому журналисту, насколько необходимо ему всячески бороться за существованіе, чтобы, дождавшись снова свѣтлой зари, выйти изъ темницы-раковины и стать въ переднихъ рядахъ активныхъ участниковъ общественнаго прогресса. Русское общество пережило уже однажды аналогичный моментъ. Газетъ тогда не существовало, по крайней мѣрѣ, ихъ было очень немного, но зато въ журналахъ, казалось, воцарился гадъ, шакаль. Свистъ и ревъ оглушали пробуждающееся общественное сознание, оно подавлено было литературной опричниной... Вотъ скачетъ Малюта Скуратовъ. За нимъ несутся приспѣшники. Дымъ столбомъ, опасность надвигается... Вотъ-вотъ грозитъ полное уничтоженіе и смерть... Но, нѣтъ, маленькій кружокъ раньше рискнувшихъ вылѣзти изъ раковины чудодѣйственно отражаетъ нападеніе, является помощь, и гады съ шакалами поворачиваютъ вспять!... Моментъ историческій, необыкновенный, но не сверхъестественный. Такъ *должно* было случиться!.. Потомъ темныя силы одержали, все-таки, побѣду, но развѣ она рѣшила все?! Развѣ маленькій московскій кружокъ не раскинулъ своего колоссальнаго вліянія на всю русскую интеллигенцію, развѣ ряды ея не растутъ съ каждымъ днемъ, развѣ она не есть оплотъ для нанесенія новаго пораженія?!

И вотъ именно, будучи убѣжденъ въ исторической необходимости и полной неизбежности новой зари, я всегда съ особенной горечью относился къ каждому факту, доказывающему наше разъединеніе. Я не хочу этимъ констатировать полное отсутствіе связи, да и не могу, иначе пришлось бы лгать или признать свои глаза закрытыми; но недостаточность единенія для меня, по крайней мѣрѣ, ясна. Вопросъ этотъ не такъ простъ

разумѣтся, чтобы его уврачевать нѣсколькими рецептами, но разъ онъ налицо, о немъ нельзя уже молчать.

Прежде всего нужно стремиться, чтобы ни одна форма сближенія истинныхъ журналистовъ не представляла разрывовъ для входа въ нее ловко пропалзывающихъ всюду Подхалимовыхъ, Скомороховыхъ, Шантажниковыхъ и К°. Нужно поставить въ основаніе ту замкнутость, которая, по справедливому утвержденію Салтыкова, охраняетъ литературный декорумъ и кладетъ начало литературнымъ преданіямъ. Насколько мнѣ кажется, прежнія наши формы не удовлетворяли такому примитивному требованію.

Создали мы, на примѣръ, одной рукой «Союзъ» писателей, а другой ихъ разъединили. Развѣ тамъ не были разнородные элементы? Развѣ не приходилось потомъ раскаиваться въ индифферентизмѣ при выборахъ? Развѣ это было вполне сплоченное цѣлое?

Я не иначе, какъ съ чувствомъ почти благоговѣнія вспоминаю нѣкоторыя наши собранія, когда ощущалось: «вотъ товарищи!», когда легче становилось наболѣвшей душѣ.

Но оглянешься иной разъ . . . и пропало одушевленіе: около васъ стоитъ человекъ, съ которымъ вы никакъ не думали здѣсь встрѣтиться . . . и присутствіе такихъ господъ до болѣзненности чувствовалось лишнимъ. . .

Поражаетъ и рознь одномыслящихъ изданій. Не говоря уже о томъ, что общіе имъ взгляды и убѣжденія должны были бы создать нѣкоторую связь, единеніе, хотя бы только ради успѣха въ проведеніи ихъ въ жизнь; на самомъ же дѣлѣ, въ провинціи, на примѣръ, вы видите рядомъ два города, на разстояніи какихъ-нибудь 200—300 верстъ, совершенно однородныя по личному составу редакцій, а общности, даже шапочнаго знакомства—никакихъ. Далѣе. Замѣчали-ли вы когда-нибудь, чтобы одно изданіе вó-время и широко поддержало другое въ выдвинутомъ вопросѣ о насущной нуждѣ даннаго момента или района? Нѣтъ. Развѣ мы умѣемъ открывать огонь сразу по всей боевой линіи, предварительно столковавшись другъ съ другомъ? Развѣ мы считаемъ своимъ долгомъ под-

крѣпить имѣющимися у насъ фактами положенія, выдвинутыя другой газетой? Нѣтъ, вѣтъ и нѣтъ. Скажутъ: а «стороннія» обстоятельства? Да я говорю о случаяхъ внѣ предѣловъ власти этихъ обстоятельствъ... А, вѣдь, можно сблизиться и изданиямъ, и это не такъ трудно. Что можетъ быть проще, ну, хотя бы совѣщаній редакторовъ и членовъ редакцій даннаго района въ одномъ изъ его городовъ? Нужно и страницы изданія отводить подъ обсужденіе своихъ литературныхъ нуждъ и интересовъ—читатель будетъ радъ этому, потому что понимаетъ законность и необходимость такого обсужденія. Жизнь журналистики его всегда интересуется, иногда волнуетъ.

Особенно горько чувствуется наша разбитость, когда она является причиной фактовъ, далеко, къ счастью, неодобрительно принимающихся обществомъ. Взять хотя-бы недавній юбилей «великаго писателя земли русской». При всемъ желаніи объяснить ту роль, которую заняла въ немъ печать, независящими отъ нея обстоятельствами, все-таки, нельзя не сказать, что мы были далеко не на высотѣ своего положенія и какъ члены общества, и какъ образованные люди, и какъ товарищи по общему дѣлу съ великимъ юбиляромъ. Что мы сдѣлали, какъ корпорація?! А могли, вѣдь, сдѣлать!...

И вотъ въ такіе-то моменты горько чувствуется въ глубинѣ наболѣвшаго нутра недостатокъ связи и общности, конечно, въ предѣлахъ однородности элементовъ, безъ всякой примѣси шакаловъ, львовъ и леопардовъ...

XVI.

Если читатель помнитъ, главными причинами наличности тѣхъ органовъ и журналистовъ, которые прошли передъ нимъ въ предыдущихъ главахъ, и тѣхъ условій, которыя создаютъ нѣкоторыя ненормальности въ жизни періодической печати—я

считаю современное юридическое положеніе послѣдней и хозяйничаніе коммерсанта-издателя.

Что касается первой причины, то, становясь на точку зрѣнія практическую, я совершенно отказываюсь ожидать — мечтать можно, пока это никому не возбраняется — какихъ бы то ни было серьезныхъ и, главное, болѣе или менѣе скорыхъ измѣненій къ лучшему въ нашемъ правовомъ укладѣ. Во всякомъ случаѣ, устраненіе этой причины въ нашей компетенціи. Намъ предоставляется только принять то, что будетъ дано.

Гораздо, по моему, легче борьба съ Иваномъ Непомнящимъ и его присными, борьба съ людьми, стремящимся стать твердой ногой въ журналистикѣ и внести въ нее дезорганизацію, возможно полное порабощеніе ея работниковъ, преимущественно подавляя ихъ матеріально.

Изъ всего того, что мнѣ удалось вынести изъ наблюденій и частью изъ собственнаго опыта, я съ увѣренностью скажу, что борьба съ коммерсантомъ-издателемъ и необходима, и возможна. Насколько я знаю, это убѣжденіе раздѣляется почти всѣми газетными работниками, перенесшими на своей спинѣ тяжесть современнаго положенія вещей.

Прежде всего журналисты должны проикнуться твердымъ убѣжденіемъ, что и они — хозяева изданій, что послѣднія дѣло преимущественно ихъ рукъ, а потомъ уже издателей. Если издатель даетъ средства на изданіе, т.-е., предоставляетъ извѣстной группѣ лицъ возможность посильно послужить обществу, то, несомнѣнно, обѣ стороны — хозяева дѣла, его создатели. Каждый журналистъ вкладываетъ въ изданіе нѣчто такое, что, не считываясь въ графахъ бухгалтерской книги, создаетъ, однако, самое дѣло. Хорошо поставленное изданіе немислимо именно безъ данныхъ сотрудниковъ, а они-то, такъ сказать, и есть самое изданіе, если на него не смотрѣть какъ только на листъ бумаги. Все это, по-моему, даетъ право, больше — *обязываетъ* журналистовъ сплотиться и урегулировать, оформить самую обстановку своей работы.

Для этого нуженъ точный письменный договоръ, который бы исключалъ самую возможность современной неопредѣлен-

ности и неустойчивости положенія обѣихъ сторонъ. И журналисты, и издатели, особенно первые, только тогда почувствуютъ себя тверже, когда будутъ гарантированы отъ массы случайностей, коренящихся въ волѣ противоположной стороны. Дайте журналисту литературную отъ издателя свободу, дайте увѣренность не только въ завтрашнемъ днѣ, но и въ матеріальныхъ средствахъ ближайшаго будущаго, обезпечьте его на случай болѣзни, гарантируйте вакаціонный отдыхъ, сдѣлайте еще кое-что-и тогда, несомнѣнно, тѣ, которые работаютъ сейчасъ, будутъ чувствовать себя въ дѣлѣ увѣреннѣе и бодрѣй; тѣ же, которые не вошли въ ряды присяжныхъ журналистовъ только благодаря современному неустойчивому ихъ положенію, частью войдутъ. Говорю «частью» потому, что, разумѣется, самое отсутствіе свободы печати создаетъ громадную неустойчивость, случайность, висящую надъ всѣми остальными. Съ другой стороны — гарантируйте издателю прочность изданія въ смыслѣ литературно-общественномъ, рациональность дѣлаемыхъ имъ расходовъ, добросовѣстное отношеніе къ дѣлу и т. д.—поставленный въ необходимость оформить свои отношенія къ журналистамъ, онъ, можетъ быть, сначала и станетъ избѣгать договора, но, видя сплоченность нужныхъ ему людей—удовлетворитъ ихъ справедливыя требованія.

Издатель-интеллигентъ и теперь часто готовъ оформить свои болѣе или менѣе нормальныя обязательства къ редакціямъ и если не дѣлаетъ этого, то просто потому, что не «заведено». Издатель неинтеллигентный, но и не Иванъ Непомнящій, готовъ будетъ пойти на подписаніе договора, если увидитъ, что журналисты своимъ единеніемъ не грозятъ его капиталамъ. Культурный коммерсантъ пойметъ и самъ, что договоръ ничѣмъ ему не грозитъ. Что же касается Ивановъ Непомнящихъ, то урегулированіе ихъ взаимныхъ отношеній съ Подхалимовыми не входитъ, по-моему, въ задачу лучшей части журналистики. Въ клоакѣ и отношенія всегда будутъ соответствующія. Тутъ нужно нѣчто другое.

Только что сказанное нуждается въ поясненіяхъ. Я уже предвижу возраженія по существу. «Зачѣмъ, скажутъ, договоръ

съ издателемъ-интеллигентомъ, хорошо понимающимъ свои отношенія къ сотрудникамъ и всегда ихъ выполняющимъ? Если вы не надѣетесь на выполненіе издателемъ какихъ бы то ни было его словесныхъ обязательствъ, то, очевидно, это — человекъ, съ которымъ журналисту дѣлать нечего»...

По-моему, въ основѣ этихъ и подобныхъ взглядовъ лежитъ прежде всего некультурное отношеніе къ самому юридическому понятію договора. Между лицами, вступающими въ тѣ или иныя правоотношенія, немислимо предполагать то, что не предполагается въ человекѣ вообще: абсолютную неспособность нарушать свои обязательства, частично ихъ не выполнять или злоупотреблять своими правами. Все это не можетъ не происходить въ обыкновенной жизни. Далѣе, отношенія редактора и сотрудниковъ къ издателю требуютъ, по-моему, такой детальной регламентаціи, что нѣтъ никакой физической возможности устно изложить всѣ пункты договора точно и полно и затѣмъ помнитъ ихъ въ той именно формѣ обѣимъ сторонамъ. Каждый понимаетъ, что это — чужь. Ну, а разъ договору будетъ дана письменная форма, нѣтъ никакого основанія не имѣть ея обѣимъ сторонамъ съ подписью противоположной. Я уже не говорю о тѣхъ случаяхъ, когда, казалось бы, вполне интеллигентные издатели поражали сотрудниковъ нѣкоторыми выходками, заставлявшими сожалѣть о ихъ щепетильности. На письменный договоръ слѣдуетъ смотрѣть самыми обыкновенными глазами, не дѣлая изъ него какого-то жупела. Дѣло, которое стоитъ въ центрѣ договора журналиста съ издателемъ, настолько велико и значительно, что не можетъ не требовать весьма бережнаго къ себѣ отношенія.

Исходя именно изъ такого толкованія и пониманія взаимоотношенія людей, связанныхъ тѣми или другими обязательствами, я и считаю, что письменный договоръ необходимъ со всѣми издателями. Издатель-интеллигентъ не можетъ служить исключеніемъ. Если я имѣю даже полное основаніе предполагать, что онъ, какъ отдѣльное лицо, будетъ всегда точно выполнять свои обязательства, а у него есть подобное же убѣжденіе относительно меня, то и это не устраняетъ необходимости имѣть письменный договоръ. Большая точность и опредѣлен-

ность въ отношеніяхъ людей, никогда не можетъ быть лишнею, а наоборотъ, всегда желательна.

Что касается издателя неинтеллигентнаго, то съ нимъ договоръ, конечно, еще болѣе необходимъ, уже прямо, какъ сдержка хозяйскаго «ндрава». Говорятъ, съ такими людьми не надо и работать. Да развѣ хорошій журналистъ съ ними *работаетъ*? Развѣ онъ договоромъ какъ разъ не уничтожаетъ всякую совмѣстную работу? Съ такимъ издателемъ можно стоять только въ чисто денежныхъ отношеніяхъ.

«Ты хочешь имѣть хорошую прибыль съ газеты — предпріятія? Изволь. Чѣмъ лучше ты оплатишь трудъ сотрудниковъ и ихъ обеспечишь, тѣмъ лучше они будутъ работать — конечно, безъ всякаго твоего вмѣшательства — и тѣмъ большій ты будешь имѣть доходъ. Намъ нужно нутро дѣла; договоромъ мы беремъ его у тебя, а доходы получи, они намъ ненужны, если оплаченъ нашъ трудъ».

Вотъ простая форма отношеній, въ которой ни абсолютно, ни тѣмъ менѣе относительно нѣтъ ничего компрометирующаго честнаго журналиста. Надо же понять, что капитализація журналистики, какъ отрасли промышленности, неизбежна. А разъ это такъ, все больше и больше будетъ расти процентъ людей, финансирующихъ отдѣльные органы ради полученія съ нихъ прибыли. Тутъ только, благодаря воздѣйствию честныхъ журналистовъ, общество получаетъ, такъ сказать, громадныя проценты съ капитала, а послѣдній — одно изъ самыхъ свѣтлыхъ примѣненій: онъ непосредственно вырабатываетъ культурность общества.

Не могу не вспомнить здѣсь еще разъ словъ Шелгунова въ цитированной уже статьѣ «о литературныхъ рабочихъ».

«Если какая-нибудь газета есть выраженіе мнѣній извѣстнаго слоя общества, или извѣстной кучки людей; если она должна служить проводникомъ въ массу понятій и убѣжденій извѣстнаго порядка, то отчего же литераторамъ этого круга не составить литературной ассоціаціи, не сжаться плотно въ

литературное товарищество, вмѣсто того, чтобы подчиняться и работать на одного редактора или издателя? Пусть подписи подъ статьями такихъ ассоціаціонныхъ изданій исчезнутъ, пусть всякая статья идетъ отъ журнала не какъ личное мнѣніе одного лица, а какъ мнѣніе людей извѣстнаго порядка. Ужъ это одно,—и особенно, если статьи будутъ проходить черезъ критику всей редакціи,—придастъ такую силу единства газетъ или журналу, какая дѣйствительно нужна, чтобы журналъ достигалъ своей цѣли, и чего въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, за исключеніемъ развѣ одного-двухъ, рѣшительно не существуетъ» ²¹⁾).

Не со всѣмъ здѣсь можно согласиться, но нѣкоторыя мысли безусловно справедливы и по теперешнему вполне цѣлесообразны.

Рекомендовать излѣченіе недуговъ, внесенныхъ въ журналистику коммерсантами-издателями, путемъ литературныхъ ассоціацій конечно, ни приходится. Врядъ-ли ни поэтому покойный Николай Васильевичъ и не включилъ цитируемую статью въ собраніе своихъ сочиненій. Проживъ послѣ того 30 лѣтъ, онъ конечно, и самъ понималъ, что ассоціація голодныхъ людей ничего ровно не даетъ, кромѣ развѣ суммарнаго голода. Большинство современныхъ журналистовъ живетъ изо-дня въ день тѣмъ, что въ него зарабатываетъ. Основывать же товарищество только на трудѣ нѣтъ нынѣ возможности, какъ потому, что нечѣмъ будетъ жить работникамъ-товарищамъ въ первое время, такъ и потому, что для основанія прочнаго изданія безусловно необходимы и притомъ наличныя деньги.

Но за всѣмъ тѣмъ, въ приведенной цитатѣ есть одна совершенно неустарѣвшая мысль,—мысль, которую приходится часто слагать каждому честному журналисту въ минуты серьезнаго анализа окружающаго. Это—коллективная спайка работниковъ въ редакціи. Пока, какъ я уже и говорилъ, ее у насъ почти нѣтъ, а вѣдь, она обѣщаетъ очень многое. Дѣйствительно, редакція органа, предназначеннаго быть истиннымъ культурнымъ центромъ, истиннымъ выраженіемъ обществен-

²¹⁾ «Современникъ». 1861 г., X, 210.

наго мнѣнія, должна походить на химическое, а не физическое, механическое соединеніе. Это и только это даетъ силу журналистикѣ, а, слѣдовательно, и обществу.

Прежде, чѣмъ привести самые договоры, замѣчу, что, какъ не специалистъ-юристъ, я не обратилъ особеннаго вниманія на ихъ кодификацію. Моя цѣль—набросать лишь тѣ пункты, которые, въ той или иной формѣ, должны войти въ обработанные договоры, чтобъ они дѣйствительно были болѣе или менѣе полны. Повторяю, я и не рассчитываю, что они въ точно такомъ видѣ будутъ подписываться обѣими сторонами. Я только намѣчаю необходимое, по моему мнѣнію; изъ изложенія нѣкоторыхъ пунктовъ это особенно ясно. Несомнѣнно, къ представляемымъ ниже договорамъ нужно приложить руку опытныхъ цивилистовъ, хорошо знакомыхъ съ основными условіями жизни журналистики, нужно детально обсудить ихъ и въ литературѣ.

Насколько можно было, я постарался ознакомиться съ существующими въ различныхъ редакціяхъ договорами, но всѣ они гораздо менѣе полны и, главное, литературны: сплошь и рядомъ это лишь условіе о срокѣ, жалованьѣ и гонорарѣ. Въ «Союзѣ» писателей была избрана особая коммиссія для выработки нормальнаго договора журналистовъ съ издателями, но, къ сожалѣнію, ея первые шаги совпали съ послѣдними днями «Союза», и, какъ я узналъ, этой работой совершенно нельзя воспользоваться для моей цѣли,—такъ она незначительна.

Наконецъ, не могу не сказать и того, что, конечно, въ сущности, въ виду несоотвѣтствія формы моихъ проектовъ узаконенной формѣ договора, они должны бы быть названы какъ-нибудь иначе, но, я думаю, слово «договоръ» довольно полно выражаетъ ихъ содержаніе и потому не составляетъ большой ошибки.

Говорю все это, чтобы не быть обвиненнымъ въ плохой кодификаціи. Моя цѣль—намѣтить вопросы съ *литературной* точки зрѣнія, разумѣется, при условіи соотвѣтствія ея точкѣ зрѣнія юридической.

Договоръ фактическаго издателя съ фактическимъ редакторомъ.

1. Срокъ настоящаго договора долженъ быть не менѣе двухъ лѣтъ, кончаясь въ періодъ времени съ 1 августа по 1 октября какого-либо года.

2. Редакторъ обязанъ: точно выполнять программу изданія, стараясь каждый его отдѣлъ поставить на надлежащую высоту; тщательно редактировать все содержаніе изданія еже-номерно; точно соблюдать всѣ требованія закона и главнаго управленія по дѣламъ печати, предъявляемыя къ издателю; не выходить въ теченіе смѣтнаго года изъ предѣловъ смѣты безъ разрѣшенія издателя; выпускать номера въ опредѣленный часъ, если этому не будутъ препятствовать экстраординарныя обстоятельства; выпускать номера нормальнаго типа (см. § 13 настоящаго договора) во всѣ дни года, за исключеніемъ *такихъ-то*; доводить до свѣдѣнія издателя о своей болѣзни и отлучкахъ изъ города, когда редактированіе изданія будетъ поручаться замѣстителю; доводить до свѣдѣнія издателя о распоряженіяхъ администраціи по дѣламъ изданія.

3. Денежная по суду отвѣтственность издателя за нарушение устава о цензурѣ и печати и ст. ст. 1024, 1028, 1029, 1030, 1033 и 1035 уложенія о наказ. фактически падаетъ на редактора, если для доказательства своей невинности онъ не представитъ коллегіи редакціи ²²⁾ письменнаго согласія обвиненнаго на сдѣланное имъ нарушеніе.

4. Въ случаѣ собственнаго желанія редактора оставить изданіе раньше истеченія договорнаго срока, основательно, по мнѣнію коллегіи, мотивированнаго, онъ обязанъ предупредить объ этомъ издателя не менѣе, чѣмъ за 4 мѣсяца до дня выхода: въ противномъ случаѣ, уплачиваетъ издателю неустойку въ размѣрѣ полугодоваго своего жалованья.

²²⁾ Что я разумѣю подъ «коллегіей редакціи», читатель увидитъ изъ главы XVII.

5. Издатель не имѣетъ права непосредственнаго вмѣшательства въ дѣятельность редактора и сотрудниковъ изданія.

6. Удаленіе и приглашеніе сотрудниковъ вообще не зависитъ отъ издателя.

7. Безъ согласія коллегіи издатель не можетъ ходатайствовать объ утвержденіи его редакторомъ-издателемъ и объ утвержденіи официальныхъ редактора или издателя.

8. Приглашеніе официальнаго редактора не можетъ быть сдѣлано издателемъ безъ согласія коллегіи; въ случаѣ требованія послѣдней удалить официальнаго редактора, издатель долженъ немедленно подать прошеніе объ утвержденіи въ этомъ званіи другого (см. § 30 коллегіальнаго договора въ главѣ XVII).

9. Договоры издателя съ официальными редакторомъ и издателемъ должны быть извѣстны коллегіи, а проекты новыхъ — безъ ея согласія не могутъ считаться утвержденными.

10. Въ договорахъ издателя съ членами редакціи всякія отступленія могутъ быть дѣлаемы только съ согласія коллегіи.

11. Всякія сокращенія и перемѣщенія въ дѣйствующей смѣтѣ въ теченіе смѣтнаго же года производятся издателемъ только съ согласія коллегіи, а вступаютъ въ силу не раньше, какъ черезъ 4 мѣсяца со дня своего утвержденія.

12. Перемѣны издателемъ: сорта и величины газетной бумаги, цвѣта типографской краски, шрифтовъ литературнаго текста, ширины столбцовъ, гонорарной таксы, цѣны, программы и названія изданія и редакціоннаго помѣщенія могутъ дѣлаться издателемъ только съ согласія коллегіи.

13. Каждый полный номеръ изданія долженъ содержать не менѣе строкъ литературнаго текста по буквъ корпуса. Поэтому требованія редактора о выдачѣ въ типографію дополнительнаго до нормы количества бумаги издателемъ должно быть удовлетворено.

14. Въ случаѣ необходимости, по мнѣнію редактора, выпустить номеръ бѣльшаго по количеству текста размѣра, окончательное рѣшеніе этого вопроса предоставляется издателю.

15. Издатель обязанъ сообщать редактору о содержаніи всѣхъ своихъ бесѣдъ съ администраціей и цензурой, когда во

время ихъ были выслушаны какія-либо замѣчанія или приказанія по поводу содержанія изданія.

16. Лицу, завѣдующему конторой редакціи, издатель обязанъ дать писаную инструкцію: о точномъ выполненіи всѣхъ приказаній редактора или его замѣстителя по внутреннему распорядку конторы, касающемся редакціи, о подачѣ редактору или его замѣстителю ежедневныхъ рапортчекъ съ указаніемъ полного и подробнаго прихода и расхода денежныхъ суммъ и номеровъ изданія, и т. п.

17. Корректора работаютъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ редактора или его замѣстителя, безъ всякаго вмѣшательства издателя. Приглашеніе и удаленіе ихъ зависитъ отъ редактора.

18. Трудъ всѣхъ служащихъ въ типографіи и конторѣ редакціи издатель долженъ оплачивать не ниже, чѣмъ въ другихъ аналогичныхъ предпріятіяхъ, находящихся въ томъ же городѣ.

19. Издатель обязанъ немедленно исполнить требованіе редактора о перемѣнѣ редакціонной прислуги.

20. Въ случаѣ выхода всей редакціи, благодаря воздѣйствію издателя (см. §§ 32 и 33 коллегіальнаго договора), издатель обязанъ помѣстить въ непосредственно слѣдующемъ за этимъ номерѣ заявленіе вышедшихъ, не дѣлая въ немъ никакихъ поправокъ, сокращеній или измѣненій; исключеніе — явное нарушеніе заявленіемъ законовъ о печати.

21. Вся корреспонденція на имя «редактора» или «редакціи» поступаетъ непосредственно въ редакцію и вскрывается только редакторомъ или его замѣстителемъ.

22. Когда редактора замѣщаетъ одинъ изъ членовъ редакціи, издатель обязанъ и передъ нимъ выполнять точно свои обязательства, указанные въ §§ 5, 13, 15, 17, 19, 21, 27.

23. Редактору издатель платитъ ежемѣсячно жалованье въ размѣрѣ рублей, а за самостоятельные фельетоны, статьи и замѣтки—построчный гонораръ не ниже копеекъ за строку, но не выше въ общей сложности ежемѣсячно рублей.

24. Жалованье редактору и сотрудникам издатель долженъ выдавать не рѣже раза въ мѣсяцъ и при томъ не позже . . . числа каждаго мѣсяца. Гонораръ имъ онъ уплачиваетъ не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ и при томъ не позже чиселъ. Въ случаѣ невозможности для издателя произвести уплату денегъ въ положенный срокъ, онъ долженъ предупредить объ этомъ редактора не позже, какъ за 3 дня до срока очередного платежа, и одновременно назначить другой срокъ не позже пяти дней послѣ пропускаемаго дня.

25. Выдачу гонорара иногороднимъ сотрудникамъ и корреспондентамъ издатель долженъ производить въ заранѣе определенныя числа, не рѣже раза въ мѣсяцъ. О невозможности произвести уплату въ срокъ издатель обязанъ сообщить авторамъ съ такимъ расчетомъ, чтобы сообщеніе было получено ими не позже, какъ за три дня до срока отмѣняемаго платежа. Въ сообщеніи долженъ быть указанъ точный срокъ отсрочки.

26. Въ теченіе года редакторъ имѣетъ право на полное освобожденіе отъ работы съ сохраненіемъ жалованья въ продолженіе полуторыхъ мѣсяцевъ, но при условіи замѣщенія себя членомъ редакціи безъ доплаты послѣднему со стороны издателя.

27. Въ случаѣ требованія редактора себѣ или сотруднику аванса, издатель обязанъ удовлетворить его, если: а) общая сумма выданныхъ уже авансовъ за текущее полугодіе не превышаетъ рублей и б) непогашенный авансъ каждаго въ отдѣльности, вмѣстѣ съ вновь просимымъ, не превышаетъ $\frac{0}{100}\%$ получаемаго имъ годового жалованья.

28. Въ случаѣ желанія издателя продать изданіе или сдать его въ аренду, онъ обязанъ предложить сначала то и другое коллегіи, при отказѣ же всѣхъ ея членовъ—предупредить редактора до совершенія этихъ сдѣлокъ не менѣе, чѣмъ за 4 мѣсяца. Невыполненіе этихъ требованій влечетъ за собой уплату издателемъ неустойки въ размѣрѣ полугодового жалованья редактора.

29. Въ случаѣ прекращенія или пріостановки изданія по

собственному желанію издателя, онъ обязанъ уплатить редактору неустойку въ размѣрѣ полугодового его жалованья.

30. Въ случаѣ прекращенія изданія постановленіемъ суда или распоряженіемъ администраціи, издатель уплачиваетъ редактору неустойку въ размѣрѣ мѣсячнаго его содержанія, если получить на это согласіе коллегіи.

31. Въ случаѣ пріостановки изданія на срокъ не свыше 2 мѣсяцевъ, стороны не могутъ считать ее основаніемъ для нарушенія договора.

32. Въ случаѣ пріостановки изданія на срокъ свыше 2 мѣсяцевъ, издатель можетъ выразить редактору желаніе прекратить съ нимъ договорныя обязательства совершенно или до возобновленія изданія. Въ первомъ случаѣ, если коллегія будетъ согласна на полученіе редакторомъ вознагражденія, издатель уплачиваетъ ему единовременно двухмѣсячное жалованье; во второмъ—издатель уплачиваетъ редактору ежемѣсячно, впредь до возобновленія изданія, половинное жалованье.

33. Постановленіе коллегіи объ удовлетвореніи подписчиковъ, въ случаѣ прекращенія или пріостановки изданія, обязательно для издателя.

34. Въ случаѣ смерти редактора, наслѣдникамъ его или кому онъ раньше укажетъ издатель уплачиваетъ: двухмѣсячное жалованье, считая со дня смерти, если покойный работалъ въ изданіи въ качествѣ редактора въ общей сложности не менѣе года, четырехмѣсячное—двухъ лѣтъ, шестимѣсячное—трехъ лѣтъ и т. д.

35. Въ случаѣ серьезной болѣзни редактора, продолжающейся не свыше 4 мѣсяцевъ и препятствующей работѣ, издатель уплачиваетъ ему жалованье безостановочно, а къ жалованію его замѣстителя приплачиваетъ 50% жалованья редактора. Въ теченіе полугода со дня прекращенія редакторомъ работы благодаря болѣзни, издатель обязанъ считать свой договоръ въ полной силѣ.

36. Въ случаѣ категорическаго требованія издателя, чтобы редакторъ оставилъ изданіе раньше истеченія договорнаго срока.

онъ уплачиваетъ редактору неустойку въ размѣрѣ полугодового его жалованья.

37. О нежеланіи заключить снова договоръ непосредственно по истеченіи срока настоящаго, стороны обязаны предупредить другъ друга не менѣе, чѣмъ за 4 мѣсяца до его окончанія, въ противномъ случаѣ отказавшаяся впоследствии сторона уплачиваетъ другой неустойку въ размѣрѣ полугодового жалованья редактора.

38. Если общественное поведеніе издателя или редактора будетъ признано коллегіей несовмѣстимымъ съ достоинствомъ изданія, договоръ нарушается съ единовременной уплатой правой сторонѣ неустойки въ размѣрѣ полугодового жалованья редактора.

39. Въ случаѣ необходимости для одной изъ сторонъ, благодаря распоряженію администраціи, оставить городъ, гдѣ издается газета, на срокъ свыше 6 мѣсяцевъ, а для издателя— и прекратить, въ виду этого, изданіе—договоръ нарушается обѣими сторонами безъ неустойки.

40. Всѣ неустойки, взыскиваемые какою-либо изъ сторонъ при условіи оставленія въ силѣ самаго договора, поступаютъ въ пользу: $\frac{1}{3}$ «Литературнаго Фонда», $\frac{1}{3}$ кассы взаимопомощи литераторовъ и $\frac{1}{3}$ —служащихъ въ типографіи, печатающей изданіе, пропорціонально получаемому ими содержанію.

41. Всѣ получаемыя редакціей періодическія изданія поступаютъ въ собственность издателя: ежедневныя черезъ два мѣсяца со дня полученія, еженедѣльные черезъ годъ, ежемѣсячныя и другія—черезъ два года. По требованію редактора и сотрудниковъ издатель обязанъ выдать ихъ для временнаго пользованія. Всѣ изданія, присылаемыя для отзыва, поступаютъ въ собственность рецензентовъ.

42. Если издатель получитъ полномочіе коллегіи явиться куда-нибудь въ качествѣ официальнаго представителя изданія, онъ обязанъ точно слѣдовать данной ему на этотъ счетъ инструкціи.

43. Редакторъ или его замѣститель въ правѣ снять каждое

объявленіе, по явному своему смыслу несовмѣстимое съ достоинствомъ изданія.

44. Минимальной цифрой годового бюджета изданія на весь срокъ настоящаго договора считается та, которая войдетъ въ смѣту перваго года работы новаго редактора. Смѣта заключается ежегодно съ 1 февраля одного года по 31 января слѣдующаго. А) Если издатель не найдетъ возможнымъ повысить указанную выше цифру на предстоящій смѣтный годъ, то сообщаетъ объ этомъ редактору не позже 5 января предсмѣтнаго года. Коллегія, на основаніи опыта предыдущихъ лѣтъ, дѣлаетъ въ старой смѣтѣ необходимыя перечисленія и перемѣщенія и къ 15 января представляетъ свой проектъ издателю. Послѣдній или утверждаетъ его къ 20 января или передаетъ къ этому сроку для вторичнаго пересмотра, указавъ точно основанія своего несогласія. Принимая ихъ во вниманіе, коллегія вновь представляетъ ему проектъ смѣты, который издатель долженъ утвердить къ 23 января, въ противномъ случаѣ редакторъ въ правѣ нарушить договоръ, считая этотъ случай аналогичнымъ указанному въ § 36. Б) Если издатель найдетъ возможнымъ повысить въ предстоящемъ смѣтномъ году договорную цифру бюджета, то сообщаетъ объ этомъ редактору не позже 5 января, указывая и тѣ статьи расхода, которыя, по его мнѣнію, слѣдовало бы ввести или увеличить. Коллегія разсмариваетъ предложеніе издателя съ проектомъ редактора и къ 10 января вручаетъ издателю своей проектъ смѣты. 15 января издатель или утверждаетъ смѣту, или возвращаетъ ее коллегіи съ своими замѣчаніями. Во второмъ случаѣ послѣднія принимаются во вниманіе, проектъ пересматривается и въ окончательномъ видѣ возвращается издателю къ 20 января. Черезъ три дня издатель долженъ: или утвердить проектъ полностью или оговорить на немъ свое безусловное несогласіе съ нѣкоторыми предположеніями коллегіи. При такомъ частичномъ утвержденіи послѣднія вычеркиваются изъ смѣты, если не были въ дѣйствующей смѣтѣ, или сравниваются съ прошлогодними. В) Если издатель найдетъ необходимымъ уменьшить минимальную, договорную, смѣту, то предупреждаетъ объ этомъ ре-

дактора не позже 1 января и, въ случаѣ несогласія коллегіи на проектируемое имъ уменьшеніе и выхода по этому редактора изъ изданія, поступаетъ какъ указано въ § 36.

45. Причиной нарушенія договора со стороны издателя можетъ служить перемѣна общественно-литературно-политическаго направленія изданія сравнительно съ тѣмъ, которое ясно выразилось въ первые же три мѣсяца работы редактора. Констатировать предполагаемую издателемъ перемѣну предоставляется третейскому суду, изъ лицъ не причастныхъ къ изданію, но обязательно причастныхъ къ журналистикѣ. Составленный, на основаніи указаній § 29 коллегіальнаго договора, судъ чести сообщаетъ свое рѣшеніе коллегіи, редактору и издателю. Въ случаѣ, если оно неблагоприятно для редактора, то, оставляя, по требованію издателя, газету, онъ не получаетъ отъ него никакого вознагражденія. Если же подозрѣнія издателя будутъ не только опровергнуты третейскимъ судомъ, но и признаны недобросовѣстными, редакторъ въ правѣ получить отъ издателя полугодовое свое жалованье и: или остаться въ изданіи, или выйти изъ него—то и другое обсуждаетъ и рѣшаетъ коллегія.

46. Несоблюденіе издателемъ своихъ обязательствъ, указанныхъ въ §§ 5—13, 15—25, 27, 33, 35, 40, 41 и 42, даетъ право редактору: или считать и себя свободнымъ отъ договора, или, оставаясь въ изданіи, взыскать съ издателя неустойку въ размѣрѣ своего четырехмѣсячнаго жалованья.

47. Несоблюденіе редакторомъ своихъ обязательствъ, указанныхъ въ §§ 2, 3, 13 и 41, даетъ право издателю: или считать и себя свободнымъ отъ договора или, не прерывая послѣдняго, взыскать съ редактора неустойку въ размѣрѣ его четырехмѣсячнаго жалованья.

Договоръ фактическаго издателя съ членомъ редакціи.

1. Срокъ настоящаго договора долженъ быть не менѣе года, кончаясь въ періодъ времени съ 1 августа по 1 октября ка-кого-либо года.

2. Родъ работы члена редакціи съ точнымъ указаніемъ всѣхъ ея деталей по срокамъ, размѣрамъ и т. п.

4. Въ случаѣ собственнаго желанія члена редакціи оставить изданіе раньше истеченія договорнаго срока, основательно, по мнѣнію коллегіи, мотивированнаго, онъ обязанъ предупредить объ этомъ издателя не менѣе, чѣмъ за мѣсяць, до дня выхода, въ противномъ случаѣ, уплачиваетъ издателю неустойку въ размѣрѣ четырехмѣсячнаго своего жалованія.

5. Издатель не имѣетъ права непосредственнаго вмѣшательства въ дѣятельность члена редакціи.

6. Издатель не имѣетъ права удалить члена редакціи изъ изданія.

20. Въ случаѣ выхода изъ изданія члена редакціи на основаніи §§ 32 и 33 коллегіальнаго договора, издатель обязанъ помѣстить въ непосредственно слѣдующемъ за этимъ номерѣ заявленіе вышедшаго, не дѣлая въ немъ никакихъ поправокъ, сокращеній или измѣненій; исключеніе—явное нарушеніе заявленіемъ законовъ о печати.

22. Членъ редакціи, замѣщая редактора, обязанъ точно выполнять его обязательства передъ издателемъ, указанные въ §§ 2, 13 и 41.

23. Члену редакціи издатель платитъ ежемѣсячное жалованье въ размѣрѣ рублей, а за самостоятельные фельетоны, статьи и замѣтки—построчный гонораръ не ниже коп. за строку и руб. въ общей сложности ежемѣсячно, если членъ редакціи выработалъ эту норму.

24. Жалованье члену редакціи издатель долженъ выдавать не рѣже раза въ мѣсяць и при томъ не позже числа каждаго мѣсяца. Гонораръ ему онъ уплачиваетъ не рѣже двухъ

разъ въ мѣсяцъ и при томъ не позже чиселъ. Въ случаѣ невозможности для издателя произвести уплату денегъ въ положенный срокъ, онъ долженъ предупредить объ этомъ члена редакціи не позже, какъ за три дня до срока очередного платежа, и одновременно назначить другой срокъ не позже пяти дней послѣ пропускаемаго дня.

26. Въ теченіе года членъ редакціи имѣетъ право на полное освобожденіе отъ работы съ сохраненіемъ жалованья въ продолженіе полуторныхъ мѣсяцевъ, но при условіи передачи своей работы другому лицу безъ доплаты послѣднему со стороны издателя.

28. Въ случаѣ желанія издателя продать изданіе или сдать его аренду, онъ обязанъ предложить сначала то и другое коллегіи, а въ случаѣ отказа всѣхъ ея членовъ — предупредить члена редакціи до совершенія этихъ сдѣлокъ не менѣе, чѣмъ за два мѣсяца. Невыполненіе этихъ требованій влечетъ за собой уплату издателемъ члену редакціи неустойки въ размѣрѣ трехмѣсячнаго его жалованья.

29. Въ случаѣ прекращенія или пріостановки изданія по собственному желанію издателя, онъ обязанъ уплатить члену редакціи единовременно мѣсячное жалованье, если получитъ на это согласіе коллегіи.

31. Въ случаѣ пріостановки изданія на срокъ не свѣше 2 мѣсяцевъ, стороны не могутъ считать ее основаніемъ для нарушенія договора.

32. Въ случаѣ пріостановки изданія постановленіемъ суда или распоряженіемъ администраціи на срокъ свѣше 2 мѣсяцевъ, издатель можетъ выразить члену редакціи желаніе прекратить съ нимъ договорныя обязательства совершенно или до возобновленія изданія. Въ первомъ случаѣ, если коллегія будетъ согласна на полученіе членомъ редакціи вознагражденія, издатель уплачиваетъ ему единовременно двухмѣсячное жалованье. Во-второмъ — издатель уплачиваетъ члену редакціи ежемѣсячно, впредь до возобновленія изданія, половинное жалованіе.

34. Въ случаѣ смерти члена редакціи, наслѣдникамъ его или кому онъ раньше укажетъ, издатель уплачиваетъ: мѣсяч-

ное жалованье, считая со дня смерти, если покойный работалъ въ изданіи въ общей сложности не менѣе года, двухмѣсячное — двухъ лѣтъ, трехмѣсячное — трехъ лѣтъ и т. д.

35. Въ случаѣ серьезной болѣзни члена редакціи, продолжающейся не свыше 2 мѣсяцевъ и препятствующей работѣ, издатель уплачиваетъ ему жалованіе безостановочно, а къ жалованью его замѣстителя приплачиваетъ 50% жалованья больного. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ со дня прекращенія членомъ редакціи работы, благодаря болѣзни, издатель обязанъ считать настоящій договоръ въ силѣ.

36. Въ случаѣ выхода члена редакціи на основаніи §§ 32 и 33 коллегіального договора, издатель обязанъ уплатить ему единовременно трехмѣсячное содержаніе.

37. О нежеланіи заключить снова договоръ непосредственно по истеченіи срока настоящаго, стороны обязаны предупредить другъ друга не менѣе, чѣмъ за 2 мѣсяца до его окончанія, въ противномъ случаѣ отказавшаяся впоследствии сторона уплачиваетъ другой уступку въ размѣрѣ трехмѣсячнаго жалованья члена редакціи.

38. Если общественное поведеніе издателя или члена редакціи будетъ признано коллегіей несомѣстимымъ съ достоинствомъ изданія, договоръ нарушается съ единовременной уплатой правой стороной неустойки въ размѣрѣ трехмѣсячнаго жалованья члена редакціи.

39. Въ случаѣ необходимости для одной изъ сторонъ, благодаря распоряженію администраціи оставить городъ, гдѣ издается газета, на срокъ свыше 6 мѣсяцевъ, а для издателя — и прекратить, въ виду этого, изданіе, договоръ нарушается обѣими сторонами безъ неустойки.

40. Всѣ неустойки, взыскиваемыя какою-либо изъ сторонъ при условіи оставленія въ силѣ самаго договора, поступаютъ въ пользу: $\frac{1}{3}$ «Литературнаго Фонда», $\frac{1}{3}$ кассы взаимопомощи литераторовъ и $\frac{1}{3}$ — служащихъ въ типографіи, печатающей изданіе, пропорціонально получаемому ими содержанію.

45. Въ случаѣ выхода изъ изданія члена редакціи на основаніи 2-й части § 45, издатель уплачиваетъ ему неустойку въ размѣрѣ его трехмѣсячнаго жалованья.

46. Несоблюденіе издателемъ своихъ обязательствъ передъ членомъ редакціи, указанныхъ въ §§ 5, 20, 23, 24 и 40 даетъ право члену редакціи: или считать и себя свободнымъ отъ договора, или, оставаясь въ редакціи, взыскать съ издателя неустойку въ размѣрѣ своего двухмѣсячнаго жалованья.

47. Несоблюденіе членомъ редакціи своихъ обязательствъ, указанныхъ въ §§ 2 и 22, даетъ право издателю или считать и себя свободнымъ отъ договора, или, не порывая послѣдняго, взыскать съ члена редакціи неустойку въ размѣрѣ двухмѣсячнаго его жалованья.

48. Несоблюденіе издателемъ своихъ обязательствъ передъ коллегіей, указанныхъ въ § 15 коллегіальнаго договора и §§ 7, 8, 9, 10, 11, 12, 33, 42 и 44 влечетъ за собой уплату каждому изъ членовъ редакціи неустойки въ размѣрѣ его трехмѣсячнаго жалованья.

Теперь нѣкоторыя поясненія.

Къ § 1. Такой періодъ истеченія срока договора взятъ потому, что всякія перемѣны въ газетахъ въ большинствѣ случаевъ происходятъ съ осени, что бы къ началу будущаго года успѣть выяснить читателю свое новое направленіе, сдѣланныя существенныя улучшенія и т. д., поэтому, понятно, преимущественно въ это же время происходитъ и переходъ сотрудниковъ изъ одного изданія въ другое. Минимальная продолжительность договора основана на томъ соображеніи, что сплошь и рядомъ за годъ редакторъ не успѣваетъ осуществить все то, что считаетъ безусловно необходимымъ для приданія газетѣ извѣстныхъ качествъ. Отнимать энергію его работы неувѣренностью за будущій годъ, конечно, не въ видахъ журналистики.

3. Спросятъ, почему письменное? Да просто потому, что въ денежныхъ отношеніяхъ—а взысканія, по закону, доходятъ до 500 руб.—необходима документальность, избавляющая отъ ошибокъ памяти.

4. Основательной мотивировкой можетъ быть признано желаніе оставить дѣло по болѣзни, благодаря необходимости, по

семейнымъ и другимъ обстоятельствамъ, перемѣнить мѣсто жительства и т. п. Только коллегія можетъ быть здѣсь судьей между уходящимъ и издателемъ, потому что, какъ первый, она понимаетъ его внутреннія побужденія, какъ второй—охраняетъ интересы газеты.

5. Подъ устраненіемъ непосредственнаго вмѣшательства подразумѣвается гарантія редактора и сотрудниковъ отъ какихъ бы то ни было препятствій къ помѣщенію тѣхъ или другихъ статей и замѣтокъ, постановки «своего» матеріала и пр. Все это издатель можетъ провести только черезъ коллегію, какъ видно будетъ изъ главы XVII, а не единоличными приказаніями. Что касается упоминовенія именно здѣсь и дальше обязанностей издателя передъ сотрудниками, то дѣлается это для того, чтобы дать право редактору порвать договоръ при неисполненіи издателемъ своихъ обязательствъ передъ его товарищами.

9. Это важно, чтобъ знать, какъ оградить редакцію отъ послѣдствій неполнаго или неудовлетворительнаго соглашенія, могущаго породить всевозможныя случайности. Я не касаюсь нигдѣ подробно сущности этихъ договоровъ, потому что, съ одной стороны, они ясны сами по себѣ, съ другой—юридически нѣтъ никакой возможности вполне гарантировать изданіе отъ произвола официальнаго редактора и издателя.

11. Разъ группа лицъ пошла работать при условіи извѣстной ширины постановки дѣла, то, очевидно, ставить ее неожиданно въ другія, суженныя рамки дѣятельности и при томъ безъ ея на то согласія, несправедливо. Но и при согласіи нужно дать такой срокъ, который бы позволилъ сдѣлать переходъ на уменьшенные расходы болѣе или менѣе послѣдовательно.

12. Сортъ бумаги, цвѣтъ краски и форма шрифта—эти сравнительныя мелочи, все-таки, нуждаются въ извѣстной нормировкѣ, потому что читатель въ правѣ требовать, чтобы и то, и другое, и третье удовлетворяли нормамъ гигиены. Вѣдь, есть же газеты, печатающіяся чуть-ли ни на папирсной бумагѣ, синей краской, фигурными или избитыми шрифтами. Определенный размѣръ послѣдняго и ширина столбцовъ, кромѣ стороны гигиенической, важны еще и для справедливой оплаты

работы сотрудников. Ширина столбцовъ русскихъ газетъ крайне разнообразна, колеблясь отъ 22 до 46 буквъ, а между тѣмъ вездѣ «строчка», а не число въ ней очковъ, служитъ единицею измѣренія литературнаго заработка. Злоупотребленіямъ на этой почвѣ со стороны издателей пока полный просторъ. Программа изданія—очень существенный элементъ газеты, чтобы перемѣну ее можно было довѣрить всецѣло одному издателю. Цѣна и отчасти названіе газеты тоже — непоследніе факторы въ успѣхѣ ея распространенія и, слѣдовательно, проведенія извѣстныхъ идей въ массу, чтобы перемѣну ихъ производить безъ согласія редакціи, только и занятой именно этимъ проведеніемъ. Что же касается редакціоннаго помѣщенія, то эту мелочь важно оговорить потому, что довольно часто при выборѣ редакціонной квартиры издатели обращаютъ преимущественное вниманіе на бойкость пункта, часто совершенно забывая, что работа сотрудниковъ требуетъ извѣстныхъ санитарно-гигіеническихъ нормъ. Духота, копотъ, смрадъ табачнаго дыма— вотъ часто атрибуты редакціонныхъ комнатъ.

13. По большей части издатели очень рады уменьшенію литературнаго текста, благодаря наплыву объявленій, и если и выпускаютъ иногда добавочные листы, то совершенно не образуются съ тѣмъ минимумомъ чтенія, который ежедневно *долженъ* быть предоставленъ читателю. Не говорю уже о томъ что срочное объявленіе почти всегда и вездѣ предпочитается срочной статьѣ... Этотъ «порядокъ», разумѣется, крайне ненормаленъ и съ нимъ давно пора распрощаться, поставивъ дѣдѣло вполнѣ добросовѣстно.

16. Инструкція избавляетъ редакцію отъ столкновеній съ конторой, очень частыхъ особенно тогда, когда послѣдняя слишкомъ ревностно «блюдетъ» хозяйскіе интересы.

18. Этотъ пунктъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Я знаю много случаевъ, когда редакціи не имѣли нравственнаго права написать двухъ словъ въ защиту какихъ бы то ни было эксплуатируемыхъ рабочихъ только потому, что понимали, что рабочіе ихъ издателя, эксплуатировавшіеся не меньше, если еще ни больше, всегда будутъ живымъ укоромъ плача о меньшомъ

братъ. Это же среди типографскихъ и другихъ рабочихъ порождаетъ иногда осужденіе по адресу журналистовъ, которые не могутъ добиться справедливаго къ нимъ отношенія издателей.

20. Обыкновенно господа издатели стараются замолчать перемѣну редакціи, чтобы показать, что у нихъ все идетъ благополучно. Между тѣмъ, надо-ли говорить, что люди, бывшіе душою дѣла, имѣютъ не только безусловное право сообщить своимъ бывшимъ читателямъ о собственномъ выходѣ изъ изданія, но и—обязанность оградить ихъ отъ молчаливаго обмана по поводу ихъ сотрудничества. Всевозможныя «сглаживанія» заявленій сотрудниковъ кончаются тѣмъ, что читатели совершенно не понимаютъ истинныхъ причинъ выхода. А, вѣдь, это ихъ очень и очень касается: литературное дѣло—дѣло чисто общественное.

21. Борьба съ любопытствомъ издателей, доходящихъ иногда до распоряженія почтою по своему усмотрѣнію.

23. Въ этой области предстоитъ прежде всего вообще поднять уровень жалованья, а затѣмъ надо начать борьбу съ тенденціей многихъ издателей понижать его, чтобы побудить сотрудника давать побольше «строчки» и, слѣдовательно, заполнять изданіе тоже недорого, во всякомъ случаѣ, дешевле, чѣмъ силами людей постороннихъ. Но еще болѣе необходимо надѣть узду на тѣхъ издателей, которые обязываютъ сотрудниковъ за опредѣленное жалованье давать, кромѣ редакціонной работы, извѣстное минимальное количество строкъ; при небольшихъ, все-таки, окладахъ послѣднія оплачиваются по тарифу вдвое, а то и втрое меньшему принятаго въ томъ же изданіи. Получается наглѣйшая эксплуатація... Кстати, пора уничтожить еще сохранившійся кое-гдѣ порядокъ уплаты сотрудникамъ части жалованья «натурой» въ видѣ квартиры, стола и т. п.. Редакторамъ приходится обусловить maximum построчнаго заработка въ виду случаевъ злоупотребленія ими своей властью и заполнения чуть ли ни каждаго номера. Сотруднику, наоборотъ, необходимо гарантировать minimum—это, полагаю, понятно. Я бы сказалъ даже больше: при недостаточно высокомъ жалованьи издатель обязанъ оплатить гонораромъ

этотъ условленный minimum, если въ теченіе мѣсяца онъ былъ дѣйствительно выполненъ, считая съ матеріаломъ, вычеркнутымъ цензурой. Построчный гонораръ въ Россіи поразительно разнообразенъ: на примѣръ, за среднюю строку (35—37 буквъ) передовой статьи платится отъ 1½ до 15 копеекъ, за переводы отъ ¼ до 5 коп., за беллетристику отъ 1 до 40 коп., за статьи подъ заглавіемъ отъ 1 до 15 коп. и т. д. Надо, наконецъ, установить minimum платы и ниже его уже не идти никому. Нельзя, разумѣется, усчитать, во что обходится строка самому журналисту: трудъ его связанъ съ массою неучитывающихся условій, но я по опыту могу сказать, что минимальный гонораръ за самостоятельныя работы не долженъ быть меньше 3 коп.— всѣ русскіе издатели вынесутъ его свободно, хотя и не безъ крокодиловыхъ иногда слезъ.

30. Въ виду крайне разнообразныхъ поводовъ къ карѣ, безусловно необходимо прежде всего коллегіально установить нравственную возможность для полученія отъ издателя единовременнаго вознагражденія за потерю работы.

38. Прошу запомнить, что именно «общественное» поведеніе; личная, семейная жизнь, пока она не на грани соприкосновенія съ общественной, конечно, не даетъ повода порицать человѣка, какъ члена общества, а, слѣдовательно, не можить служить причиной порыванія съ нимъ и общественныхъ отношеній. Но разъ редакторъ, сотрудникъ или издатель, именно какъ члены общества, нарушилъ справедливыя этическія требованія послѣдняго, съ ними дѣлать больше нечего. Журналисту не пристало вести органъ общественнаго мнѣнія на деньги человѣка, поставившаго себя внѣ общества, издателю—тѣмъ менѣе давать общественное мнѣніе въ руки необщественнаго человѣка.

40. Это, конечно, дѣлается для того, чтобы никто не могъ сказать, что именно данные журналисты вызываютъ издателя на невыполненіе его обязательствъ и затѣмъ живутъ на неустойки. Послѣднія безусловно необходимы, какъ кара, но поступать должны въ пользу людей и учрежденій особенно близкихъ журналистикѣ.

43. За послѣднее время въ области объявленій появился такой разнузданный американизмъ, который совершенно не долженъ имѣть мѣсто въ чистоплотныхъ изданіяхъ. Издатели, вѣрнѣе—конторы часто не обращаютъ на это соотвѣтствующаго вниманія, нужно, чтобъ обратили редакціи.

45. Говоря о направленіяхъ, я разумѣю, конечно, не только «лѣвое» и «правое», но и всѣ ихъ отвѣтвленія, которыя, какъ я уже указывалъ раньше, мы перестаемъ иногда различать. А если не страдать такимъ дальтонизмомъ, то, вѣроятно, читатели вспомнятъ за меня тѣ изданія, которыя вдругъ при томъ же редакторѣ, если не мѣняли фронтъ на тылъ, то такъ или иначе его поворачивали. Несомнѣнно, издатель въ правѣ возстать противъ такихъ маневровъ, потому что, приглашая даннаго редактора, имѣлъ въ виду и вполнѣ опредѣленное направленіе. Злоупотреблять этимъ правомъ, конечно, не будутъ: оно обставлено, слишкомъ серьезными послѣдствіями. Наконецъ, коллегія, а не редакторъ, рѣшаетъ, можно-ли ему оставаться, потому, что, во-первыхъ, само обвиненіе реедктора есть, собственно, обвиненіе коллегіи, а, во-вторыхъ, ей виднѣе интересы изданія, чѣмъ одному редактору.

Другіе постоянные сотрудники, не члены редакціи, тоже должны быть обезпечены договоромъ, но послѣдняго я не намѣчаю, полагая, что онъ будетъ довольно простъ сравнительно съ предыдущими.

XVII.

Но заключеніе такихъ письменныхъ договоровъ, по-моему, только половина дѣла, которое намъ необходимо предпринять для ограниченія произвола издателей. Остается другая, едва-ли менѣе значительная. Она же должна помочь единенію журна-

листовъ, а съ другой стороны— до нѣкоторой степени урегулировать кое-какія стороны разнообразной газетной дѣятельности.

Для выработки необходимаго единенія, слѣдовательно, и мощи, единственной пригодной ячейкой мнѣ представляется редація повременнаго изданія, какъ первое звено журналистовъ. Связь въ этихъ звеньяхъ кое-гдѣ уже существуетъ, но или въ недостаточно развитой формѣ, или съ уродливыми иногда проявленіями. Для этого редація должна быть организована на строго коллегіальныхъ началахъ, чтобы каждый членъ ея чувствовалъ себя *органомъ*, а не *придаткомъ*, какъ теперь это часто бываетъ; чувствовалъ свою нравственную отвѣтственность за поведеніе изданія, свою нравственную обязанность передъ товарищами, свои, наконецъ, права въ изданіи по отношенію редактора и товарищей. Редакціонная коллегія это—общій для всѣхъ работниковъ совѣтчикъ, общій же и судья. Только такое начало выработаетъ въ журналистахъ прочную и тѣсную связь другъ съ другомъ, только оно и дастъ возможность широкой постановки дорогого дѣла, подниметъ печать въ глазахъ общества, отгнѣнитъ погрязшія низины, сблизитъ читателя съ литературой, съ живой мыслью и словомъ.

Что я называю коллегіальностью, какія рамки отвожу руководителю изданія, редактору, и многое другое—все это будетъ довольно ясно видно ниже.

Кое-что похожее на коллегіальность есть въ нѣкоторыхъ газетахъ и теперь, но, во-первыхъ, не доведенное до логическаго конца, во-вторыхъ, недостаточно выработанное, именно опять-таки благодаря устности своего существованія. Кромѣ того, сейчасъ примѣняемая кое-гдѣ коллегіальность существуетъ только лишь въ случаѣ желанія редактора, съ его, такъ сказать, дозволенія...

Насколько коллегіальное начало рационально и необходимо, указываетъ, между прочимъ, и исторія журналистики. Мы знаемъ, напримѣръ, что въ «Голосѣ» отъ 8 октября 1865 года, помѣщено было слѣдующее объявленіе:

«Отъ редакціи «Русскаго Слова».

«Во имя общественной пользы, экономической правды и до-

стоинства самой журналистики, которая должна быть не только свободной, но и честной, объявляется: 1) издатель не считаетъ подписной суммы своей собственностью; 2) подписная сумма не должна расходоваться произвольно; 3) издатель, какъ повѣренный подписчиковъ, есть главноуправляющій конторою журнала; онъ обязанъ давать въ извѣстные сроки полный отчетъ во всѣхъ расходахъ по изданію; 4) отчеты эти должны печататься въ самомъ журналѣ за подписью издателя. На этихъ началахъ, которыя мы признаемъ справедливыми и полезными, будетъ издаваться «Русское Слово».

Г. Благосвѣтловъ, Н. Благовѣщенскій, В. Зайцевъ, Н. Соколовъ».

По этому поводу Зайцевъ писалъ Шелгунову: «нынче я, Соколовъ, и Д. И. (Писаревъ) заключили между собой тайный оборонительный союзъ, условія котораго состоятъ въ томъ, что управляющій конторою (Благосвѣтловъ) не можетъ исключить или удалить противъ воли никого изъ постоянныхъ сотрудниковъ, какими мы считаемъ себя, васъ и Благовѣщенскаго. Удаленіе одного влечетъ за собой немедленный выходъ остальныхъ (т.-е. изъ насъ троихъ пока)».

Въ виду дальнѣйшаго изложенія самаго существа коллегіальности, можетъ быть, бесполезно привести и слова по этому поводу изъ письма Шелгунова къ женѣ: «Я тоже вступлю въ этотъ союзъ, но только не понимаю, зачѣмъ онъ тайный: въ чистыхъ дѣлахъ незачѣмъ секреты; тѣмъ болѣе, что договоръ идетъ противъ Благосвѣтлова, то онъ, разумѣется, и долженъ знать о его содержаніи»²³⁾.

Въ иномъ видѣ коллегіальность была установлена въ «Московскомъ Вѣстникѣ», основанномъ по инициативѣ Пушкина. Первый пунктъ договора, подписаннаго Погодинымъ (1824 г.) гласилъ: «обязуюсь помѣщать статьи съ одобренія главныхъ сотрудниковъ: Шевырева, Титова, Веневитинова, Рожалина, Мальцова и Соболевскаго по большинству голосовъ»²⁴⁾.

Другихъ примѣровъ приводить не буду.

²³⁾ Л. Шелгунова, «Изъ далекаго прошлаго».

²⁴⁾ Н. Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. II.

Прежде чѣмъ познакомить съ той коллегіальностью, которая, по-моему, въ *своихъ основныхъ положеніяхъ* будетъ вполнѣ отвѣчать какъ нуждамъ, такъ и бытовымъ особенностямъ журналистики и ея отдѣльныхъ представителей—скажу нѣсколько словъ.

Если выше, рекомендуя договоры, я старался убѣдить читателя, что не вижу въ нихъ обязательной неприкосновенной формы, а лишь набрасываю необходимыя условія и требованія, то въ отношеніи коллегіальнаго договора это должно быть тѣмъ болѣе. Въ коллегіальномъ договорѣ участвуютъ, прежде всего, люди профессионально однородные, не разъединенные какою бы то ни было классовою борьбой. Во-вторыхъ, при маломальски вдумчивомъ подборѣ членовъ редакціи, сразу отпадаетъ много обстоятельствъ, при иномъ порядкѣ побуждающихъ установить такъ или иначе ихъ нормальныя взаимоотношенія въ предѣлахъ, конечно, совмѣстной работы въ одномъ органѣ.

Но эти два соображенія могутъ стимулировать лишь къ меньшей регламентации, но отнюдь не уничтожаютъ ея необходимость, потому что, съ одной стороны, врядъ-ли можно въ дѣйствительности подобрать редакцію изъ людей, которые бы никогда не столкнулись впоследствии на томъ или другомъ вопросѣ обыденной внутренней редакціонной жизни, гдѣ часто выступаетъ журналистъ, не какъ таковой, а какъ просто человѣкъ; съ другой—то, что я рекомендую, вовсе не обязательно отъ точки до точки, какъ непрекаемая форма. Если для извѣстнымъ образомъ подобранной редакціи одна часть условій коллегіальнаго договора будетъ прочно усвоенной азбукой, не требующей никакихъ новыхъ подтвержденій, а другая часть, по той же причинѣ, окажется совершенно излишней,—то это еще не будетъ значить, что непригодны *основныя начала* коллегіальности. Я ничего не ввожу въ качествѣ буквы и формы. Я выражаю только въ болѣе подробной формѣ параграфовъ все то, чѣмъ должны быть скованы взаимоотношенія людей, стоящихъ при такомъ сложномъ дѣлѣ, какъ журнальное, въ особенности—газетное. Но такъ какъ это же самое дѣло несетъ въ себѣ еще

и элементъ живости, то, разумѣется, послѣдняя не можетъ быть сведена къ мертвой формѣ.

Я настаиваю лишь на сути, а не на формѣ. И насколько я успѣлъ ознакомиться со взглядами газетныхъ работниковъ, вижу, что необходимость разработки коллегіального начала сознается вполне. Въ мелочи пришлось вдаваться только для того, чтобы детальнѣе обусловить серьезность рекомендуемой мною коллегіальности. Никакого, на самомъ дѣлѣ, окончательнаго договора я не намѣчаю. Могу лишь утвердительно сказать, что въ зависимости отъ личнаго состава каждой редакціи въ отдѣльности будетъ зависѣть сохраненіе той или иной степени рекомендуемыхъ мною подробностей.

Коллегіальный договоръ именно въ той формѣ, въ которой онъ приводится ниже, рассчитанъ на редакцію, составленную изъ людей хотя и вполне однородныхъ по направленію и кореннымъ убѣжденіямъ, но мало знакомыхъ другъ съ другомъ. Поэтому понятно, что при большемъ знакомствѣ степень необходимости подробностей и деталей будетъ значительно убывать.

Еще одно замѣчаніе: въ коллегіальный договоръ вошли нѣкоторыя существенныя мелочи редакціонной техники. Сдѣлалъ я это для того, чтобы отгнать сознаніе ихъ необходимости среди товарищей.

1. Фактическій редакторъ и отвѣтственные сотрудники, такъ называемые «члены редакціи», составляя редакціонную коллегію, суть ея постоянные члены съ правомъ одинаковаго голоса. Во вновь возникающемъ изданіи или въ случаѣ выхода предшествующей редакціи изъ издававшейся газеты, коллегія составляется или приглашеннымъ сначала редакторомъ или издателемъ; въ послѣднемъ случаѣ она сама, согласно § 30, избираетъ редактора.

2. Въ коллегію не входятъ: секретарь редакціи, если онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не завѣдуетъ какимъ-нибудь постояннымъ самостоятельнымъ отдѣломъ, хроникеры, театральные и музы-

кальные рецензенты, иногородніе сотрудники и корреспонденты, репортеры и т. п.

3. Официальные редакторъ и издатель и фактический издатель, если они не принимаютъ ближайшаго литературнаго участія въ изданіи въ качествѣ членовъ послѣдней, приглашаются въ совѣщанія коллегіи съ правомъ голоса при обсужденіи ею вопросовъ, указанныхъ въ п.п. а, б, в, д, ж, з, и, й, к, р, ф, х, ц, ы, § 12, §§ 14, 15, 19, 2-й ч. § 31.

4. Предсѣдателемъ совѣщаній коллегіи является фактический редакторъ или его замѣститель.

5. Членъ коллегіи (не исключая редактора), дѣйствія котораго обсуждаются въ совѣщаніи, не можетъ въ немъ предсѣдательствовать.

6. Замѣстительство редактора членами редакціи слѣдуетъ въ такомъ порядкѣ (по постановленію коллегіи, впредь до перемѣнъ въ ея личномъ составѣ).

7. Членъ редакціи, замѣщающій отсутствующаго почему-либо редактора, обязанъ точно выполнять его обязательства передъ официальнымъ и фактическимъ издателями, официальнымъ редакторомъ и коллегіей, указанные въ §§ 2 и 41 договора редактора и въ §§ 34, 35, 38, 39, 41, 42.

8. Не члены коллегіи на совѣщаніе допускаются по усмотрѣнію коллегіи (см. § 3).

9. Совѣщаніе созывается редакторомъ или по его собственному желанію, или по заявленію члена коллегіи (см. § 3); на него же обязанности лежатъ и оповѣщеніе членовъ.

10. Совѣщаніе не можетъ быть открыто, если заранѣе о немъ не освѣдомлены всѣ члены, находящіеся въ это время въ предѣлахъ города (см. § 3).

11. Въ извѣщеніи о совѣщаніи точно указываются: §§ стоящаго договора, служащіе мотивомъ для собранія, мѣсто и время.

12. Обсужденію коллегіи, кромѣ особо указаннаго ниже, подлежатъ: а) всѣ серьезные, по чьему-либо мнѣнію, моменты въ жизни изданія; б) приглашеніе и удаленіе членовъ коллегіи, секретаря редакціи, официальныхъ редактора и изда-

теля; *в*) желательность утверждения фактического издателя редактором - издателемъ; *г*) принятіе въ составъ коллегіи членовъ, раньше въ нее не входившихъ; *д*) проекты договора фактического издателя съ официальными редакторомъ и издателемъ; *е*) мнѣнія членовъ о неудовлетворительности работы своихъ товарищей по изданію; *ж*) перемѣна сорта и величины газетной бумаги, цвѣта типографской краски, шрифтовъ литературнаго текста и ширины столбцовъ; *з*) перемѣна названія, программы и цѣны газеты; *и*) литературное и общественное поведеніе ея членовъ, всѣхъ остальныхъ сотрудниковъ, официальныхъ редактора и издателя и фактического издателя, если первое не соотвѣтствуетъ строгимъ требованіямъ литературной этики, а второе—несовмѣстимо съ достоинствомъ изданія; *і*) всѣ, исключая чисто личныхъ, недоразумѣнія и конфликты редактора съ членами и послѣднихъ между собой; *к*) всѣ вопросы, касающіеся отношеній коллегіи или ея членовъ къ фактическому издателю; *л*) всѣ статьи, замѣтки, заявленія и объявленія редакціоннаго характера, *м*) формы «циркулярныхъ» писемъ отъ имени редакціи различнымъ редакціямъ, учрежденіямъ и лицамъ; *н*) привѣтственные отъ имени редакціи адреса, письма и телеграммы; *о*) привѣтственныя юбилейныя статьи и замѣтки; *п*) статьи и замѣтки о нуждахъ, интересахъ и злобахъ дня литературной корпораціи; *р*) статьи и замѣтки о свободѣ печати и состояніи цензуры; *с*) командировки сотрудниковъ по дѣламъ редакціи; *т*) всѣ измѣненія въ разѣ принятомъ порядкѣ редакціонной работы вообще и каждаго изъ членовъ въ частности; *у*) программы для корреспондентовъ внутреннихъ и заграничныхъ; *ф*) программы собраній внутреннихъ корреспондентовъ; *х*) прошенія и жалобы въ главное управленіе по дѣламъ печати, прочія высшія административныя инстанціи и судъ; *ц*) сокращенія дѣйствующей уже смѣты и ея опредѣленіе; *ч*) нравственная возможность полученія членами съ фактического издателя вознагражденія, въ случаѣ прекращенія или пріостановки изданія; *ш*) выборъ необходимыхъ для редакціи періодическихъ изданій, всевозможныхъ книгъ и пособій; *щ*) распредѣленіе времени отдыха на осно-

ваніи § 26 договора редактора и сотрудниковъ съ издателемъ; *и*) расписание пріемныхъ въ редакціи часовъ; *з*) новая постоянная или временная рубрика въ содержаніи изданія и *ы*) измѣненія или дополненія настоящаго договора.

13. Для фактическаго издателя необязательны постановленія коллегіи по вопросамъ, указаннымъ въ п.п. *ж*, *з*, *х* § 12, если они сдѣланы ею по собственной инициативѣ или въ его отсутствіе на основаніи § 19.

14. Коллегія утверждаетъ проекты договоровъ фактическаго издателя съ вновь вступающими сотрудниками, если они отличаются отъ формъ, приведенныхъ въ главѣ XVI. Измѣненія или дополненія ранѣе заключенныхъ членами редакціи договоровъ не могутъ быть сдѣланы безъ ея согласія.

15. Въ случаѣ прекращенія или пріостановки изданія, коллегія рѣшаетъ окончательный способъ справедливаго для обѣихъ сторонъ удовлетворенія подписчиковъ и публикаторовъ.

16. Если, въ случаѣ пріостановки изданія, издатель предложитъ всему составу редакціи перейти въ другое изданіе, имъ купленное или заарендованное (ст. 146 устава о цензурѣ и печати), предложеніе это предварительно обсуждается коллегіей.

17. Членъ редакціи не только можетъ, но ради пользы общаго для всѣхъ дѣла *обязанъ* заявлять коллегіи о каждомъ своемъ мнѣніи по поводу неудовлетворительности работы товарищей, не исключая и редактора.

18. Необходимость официальнаго представительства изданія кѣмъ-либо изъ членовъ коллегіи, официальными редакторомъ или издателемъ или фактическимъ издателемъ, каждый разъ особо обсуждается коллегіей. Если послѣдняя признаетъ нужнымъ дать уполномоченному особую инструкцію, онъ *обязанъ* выполнить ее точно.

19. Официальные редакторъ и издатель и фактическій издатель могутъ просить коллегію, черезъ ея предсѣдателя, разсмотрѣть тѣ или другіе вопросы, касающіеся изданія. Предсѣдатель доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія коллегіи, отъ рѣшенія которой и зависитъ удовлетвореніе такихъ просьбъ. Сдѣланныя въ подобныхъ случаяхъ постановленія обязательны

для каждаго обратившагося въ коллегію, если они не выходятъ за предѣлы компетенціи коллегіи, выясненные въ настоящемъ договорѣ.

20. Редакторъ или его замѣститель обязанъ немедленно сообщать коллегіи о содержаніи всѣхъ своихъ бесѣдъ съ администраціей и цензорами. Замѣститель вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно извѣщаетъ о томъ же и редактора.

21. Обсужденію совѣщанія подлежатъ только тѣ вопросы, которые были указаны въ извѣщеніи. Исключеніе—совѣщанія при наличности полного состава коллегіи (см. § 3).

22. При обсужденіи вопросовъ, указанныхъ въ § 6, пп. б, в, г, д, з, и, т, у, х, ц, ы § 12, § 14, 16, 30, 31, 44 и 45, постоянные члены коллегіи должны присутствовать въ полномъ своемъ составѣ. При обсужденіи вопросовъ, указанныхъ въ пп. а, ж, і, й, с, ч, ш, щ § 12, § 15, мнѣніе отсутствующихъ по болѣзни или за выѣздомъ изъ города (единственные уважительныя причины отсутствія въ совѣщаніяхъ вообще) должно быть подано предсѣдателю письменно. При обсужденіи вопросовъ, указанныхъ въ пп. е, к, л, м, н, о, п, р, ф, ь § 12, § 18, 19, 37 и 39, достаточно наличнаго состава присутствующихъ.

23. Когда коллегія приступаетъ къ баллотировкѣ постановленія, послѣ обсужденія недоразумѣній и конфликтовъ членовъ ея между собой, заинтересованныя стороны оставляютъ совѣщаніе, а если въ ихъ число входитъ и предсѣдательствующій, то онъ передаетъ предсѣдательствованіе согласно § 6. Исключеніе — конфликтъ всѣхъ членовъ съ редакторомъ; въ этомъ случаѣ совѣщаніе оставляетъ только послѣдній.

24. Приглашеніе въ составъ въ коллегіи новаго члена не можетъ быть поставлено на баллотировку, если онъ неизвѣстенъ большинству членовъ.

25. Всѣ баллотировки въ совѣщаніяхъ происходятъ открытою подачей голосовъ, кончая предсѣдателемъ.

26. Обыкновенно постановленія коллегіи дѣйствительны при простомъ большинствѣ голосовъ. При равенствѣ послѣднихъ голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Постановленія по вопросамъ, указаннымъ въ пп. ж, і, к, р, с, ш § 12, § 15 и 18, дѣй-

ствительны при двухъ третяхъ голосовъ, а въ § 6, пп. б, в, г, д, з, и, х, ц, ы § 12 § 14, 16, 30, 31, 37, 44 и 45—при трехъ четвертяхъ голосовъ — въ обоихъ случаяхъ примѣнительно къ § 22.

27. Въ отсутствіе редактора въ совѣщаніи, коллегія не можетъ дѣлать постановленій по вопросамъ, указаннымъ въ § 6, пп. б, в, г, д, ж, и, к, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ы § 12, § 14, 15, 16, 31, 44 и 45. Въ этихъ случаяхъ, въ виду безусловной экстренности и необходимости, вызывается редакторъ, который и обязанъ прибыть безъ замедленій гдѣ бы онъ ни находился, въ случаѣ же болѣзни, при возможности, подать свой голосъ письменно. Чтобы вызвать редактора изъ отпуска или командировки, необходимо постановленіе $\frac{3}{4}$ присутствовавшихъ въ совѣщаніи. Въ отсутствіе фактическаго издателя изъ города или въ случаѣ его болѣзни, препятствующей прибытію въ совѣщаніе, вопросы, указанные въ пп. а, б, д, ж, з, и, й, ы § 12, § 14, 15 и 2-й части § 31, не рѣшаются окончательно.

28. Всякое постановленіе коллегіи, сдѣланное въ отсутствіе редактора изъ города, немедленно доводится до его свѣдѣнія и безъ полученія его согласія не вступаетъ въ силу. Въ случаѣ несогласія, редакторъ обязанъ не позже двухъ недѣль со дня полученія имъ увѣдомленія назначить вторичное по тому же вопросу совѣщаніе уже въ своемъ присутствіи.

29. Каждый членъ коллегіи, не исключая редактора, обязанъ подчиниться ея рѣшенію въ двухнедѣльный срокъ, если существо постановленія не требуетъ экстренности. Третьейскому суду товарищей по литературѣ, но не по изданію, могутъ быть обжалованы только постановленія о недовольствѣ членовъ редакторомъ или объ удаленіи его или кого-либо изъ членовъ изъ изданія. Въ такомъ случаѣ, не позже двухъ недѣль со дня постановленія, каждая изъ сторонъ намѣчаетъ, безъ права отвода противоположной стороной, двухъ литераторовъ; послѣдніе вмѣстѣ выбираютъ по взаимному соглашенію, но съ правомъ отвода сторонами, председателя; судъ даетъ письменно свое рѣшеніе о справедливости постановленія коллегіи. Рѣше-

ніе суда чести, разумѣется, не подлежитъ обжалованію и должно быть обязательно для обѣихъ сторонъ.

30. Какъ только выходъ редактора, по какимъ бы то ни было причинамъ, кромѣ указанной въ § 32, станетъ извѣстнымъ коллегіи, она немедленно рѣшаетъ вопросъ о его постоянномъ замѣстителѣ и своихъ кандидатовъ представляетъ издателю. Въ случаѣ несогласія его на приглашеніе представляемыхъ коллегіею кандидатовъ и категорическаго рѣшенія поручить редактированіе газеты лицу, на вступленіе котораго съ свою среду коллегія не выразитъ согласія, она въ полномъ составѣ оставляетъ изданіе.

31. Рѣшенія коллегіи: а) объ удаленіи изъ редакціи не членовъ редакціи, корреспондентовъ, официальныхъ редактора и издателя или б) объ оставленіи своемъ фактическаго издателя на основаніи п. и § 12—могутъ быть обжалованы третейскому суду (см. § 29).

32. Въ случаѣ выхода редактора, благодаря воздѣйствію издателя, недовольнаго его дѣятельностью или отдѣльными шагами, одобренными въ свое время коллегіей, послѣдняя въ полномъ составѣ немедленно и одновременно оставляетъ изданіе.

33. Если, на основаніи § 45 договора редактора, послѣдній будетъ вынужденъ оставить изданіе, вся коллегія выходитъ вслѣдъ за нимъ въ полномъ составѣ, одновременно и тоже безъ всякаго вознагражденія со стороны издателя. Если же подозрѣнія издателя, указанные въ § 45, не только будутъ опровергнуты судомъ чести, но и признаны недобросовѣстными, члены коллегіи въ правѣ оставить изданіе съ полученіемъ отъ издателя единовременно четырехмѣсячнаго своего жалованія. Право на полученіе послѣдняго они не теряютъ и въ случаѣ рѣшенія коллегіи остаться въ изданіи.

34. Въ случаѣ выхода изъ редакціи члена, редакторъ или его замѣститель обязанъ помѣстить въ непосредственно слѣдующемъ за этимъ номерѣ: а) письмо выходящаго съ извѣщеніемъ о самомъ фактѣ выхода—если послѣдній дѣлается по собственному желанію, безъ воздѣйствія коллегіи; б) журналъ

совѣщанія коллегіи въ точной коніи (по особому постановленію)—если выходъ есть слѣдствіе ея постановленія.

35. Редакторъ печатаетъ о выходѣ каждаго не члена редакціи, объявляя, по постановленію коллегіи, и причины выхода. Исключеніе—авторы и корреспонденты, работавшіе всегда подъ псевдонимомъ, въ виду нѣкоторыхъ условій своей нелитературной дѣятельности. Въ такомъ случаѣ вездѣ объявляется псевдонимъ.

36. Приглашеніе въ изданіе не членомъ редакціи зависитъ отъ редактора и завѣдующаго соотвѣтственнымъ отдѣломъ.

37. Оставляя временно свою работу, редакторъ сообщаетъ объ этомъ коллегіи и на совѣщаніи послѣдней передаетъ своему замѣстителю наиболѣе важныя дѣла. Замѣститель не можетъ передать редактированіе изданія другому безъ крайней необходимости и согласія коллегіи, а она должна, въ свою очередь, имѣть мнѣніе по этому поводу редактора.

38. Редакторъ не можетъ поставить что-либо въ номеръ помимо члена редакціи, завѣдующаго соотвѣтственнымъ отдѣломъ; работу члена редакціи редакторъ можетъ признать непригодной или требующей измѣненій.

39. Всякія измѣненія, поправки, сокращенія и дополненія въ работѣ членомъ редакціи дѣлаются редакторомъ съ ихъ согласія.

40. Въ случаѣ невозможности созвать экстренное совѣщаніе коллегіи (въ половинномъ составѣ), недоразумѣніе указанное въ §§ 38 и 39, рѣшается редакторомъ съ тѣмъ, чтобы не позже слѣдующаго дня оно было рассмотрѣно коллегіей.

41. Всякій матеріаль, сдаваемый въ наборъ редакторомъ и не относящійся къ какому-либо изъ выдѣленныхъ отъ него отдѣловъ, просматривается однимъ изъ членомъ редакціи, но не постоянно однимъ и тѣмъ же.

42. Весь матеріаль, поступившій къ редактору и относящійся къ отдѣламъ членомъ редакціи, передается имъ для просмотра и перваго редактированія. Редакторъ не можетъ брать эту работу на себя безъ особаго каждый разъ согласія завѣдующихъ отдѣлами.

43. Какъ только принятіе или непринятіе какого-либо матеріала, принадлежащаго непосредственно членамъ редакціи, окончательно опредѣлилось, редакторъ или его замѣститель сообщаютъ объ этомъ секретарю редакціи для немедленнаго извѣщенія автора, если послѣдній просилъ отвѣта. Въ изданіяхъ подцензурныхъ о недовolenіи печатать автору сообщается во всякомъ случаѣ.

44. Въ случаѣ собственнаго желанія редактора оставить изданіе раньше истеченія договорнаго срока, онъ обязанъ заявить объ этомъ коллегіи не менѣе чѣмъ за 4 мѣсяца до дня выхода. Коллегія обсуждаетъ основательность мотивировки такого желанія и, если признаетъ ее недостаточно серьезной, постановляетъ: предложить редактору выполнить свои обязательства до конца договорнаго съ издателемъ срока.

45. Въ случаѣ собственнаго желанія члена редакціи оставить изданіе раньше истеченія договорнаго срока, онъ обязанъ предупредить объ этомъ коллегію не позже чѣмъ за мѣсяць до дня выхода. Дальше см. предыдущій параграфъ.

46. Члены редакціи должны сдавать весь срочный литературный матеріалъ по своему отдѣлу въ часы и дни, указанные, съ одобренія коллегіи, редакторомъ.

47. Завѣдующіе отдѣлами обязаны сообщать редактору свое окончательное заключеніе о пригодности или непригодности переданнаго имъ матеріала: беллетристики—не позже недѣли со дня полученія отъ редактора, фельетоновъ, статей и замѣтокъ всякаго рода—четырехъ дней, корреспонденцій—двухъ дней. Матеріалъ, помѣченный редакторомъ «срочно», долженъ быть возвращенъ въ окончательно просмотрѣнномъ видѣ не позже: статьи и фельетоны—слѣдующаго дня, замѣтки и корреспонденціи—того же дня.

48. Редакція не можетъ дѣлать поправки, сокращенія, измененія или дополненія въ текстъ матеріала, если авторъ указываетъ на полную его неприкосновенность, какъ на непремѣнное условіе помѣщенія.

49. Членъ редакціи имѣетъ непосредственное наблюденіе и

руководство работой своихъ помощниковъ и представляетъ ее редактору всегда въ тщательно просмотрѣнномъ видѣ.

50. Каждый членъ редакціи, которому стало извѣстнымъ поведеніе не-члена, не совмѣстимое съ достоинствомъ изданія, немедленно доводитъ о томъ до свѣдѣнія редактора и соотвѣтствующаго члена редакціи.

51. Дежурство на выпускѣ номера входитъ въ обязанности членовъ редакціи по заранѣе установленной ими очереди.

52. Выпускающій номеръ долженъ строго и точно придерживаться требованій закона и циркуляровъ главнаго управленія по дѣламъ печати, предусматривающихъ случаи отвѣтственности редактора, издателя и владѣльца типографіи.

53. Въ случаѣ сверстки номера съ объявленіями, несовмѣстимыми съ достоинствомъ изданія, выпускающій номеръ обязанъ немедленно сообщить объ этомъ редактору или его замѣстителю.

54. При сверсткѣ номера выпускающій долженъ точно придерживаться того содержанія, которое спроектировано редакторомъ, и о невозможности поставить весь матеріаль, помѣченный имъ, какъ обязательный, немедленно сообщаетъ редактору или его замѣстителю.

55. На обязанности выпускающаго номеръ лежитъ выпускъ послѣдняго въ заранѣе опредѣленный срокъ, если къ этому не встрѣтятся какихъ-либо экстраординарныхъ препятствій, о которыхъ выпускающій немедленно сообщаетъ редактору или его замѣстителю.

56. Выпускающій номеръ подцензурнаго изданія не можетъ ставить туда статьи и пр., сокращенныя цензоромъ съ явнымъ, существеннымъ умаленіемъ ихъ содержательности. Въ такомъ случаѣ матеріаль, по назначенію редактора необязательный, откладывается до слѣдующаго дня, а обязательный ставится только съ согласія редактора и: или автора, или завѣдующаго соотвѣтственнымъ отдѣломъ, если оно можетъ быть получено своевременно.

57. Выпускающій номеръ подцензурнаго изданія передаетъ редактору всѣ неразрѣшенныя цензоромъ, полностью или ча-

стично, гранки. Редакторъ долженъ показать ихъ членамъ редакціи, каждому по принадлежности.

58. Въ случаѣ полученія просьбъ: *а)* издателя относительно содержанія номера или редакціонныхъ объявленій и *б)* сотрудника относительно просмотрѣннаго уже редакторомъ матеріала—выпускающей не приводитъ ихъ въ исполненіе, не получивъ на то согласія редактора или его замѣстителя.

59. Каждый изъ членовъ редакціи можетъ дѣлать указанія секретарю редакціи, не выходя, однако, изъ предѣловъ своего отдѣла.

60. Ежегодно весной, лѣтомъ или осенью устраиваются періодическія собранія внутреннихъ корреспондентовъ, общія или порайонныя. Въ отсутствіе редактора или завѣдующаго областнымъ (провинціальнымъ) отдѣломъ собранія не созываются. Члены редакціи присутствуютъ на этихъ собраніяхъ съ правомъ рѣшающаго голоса, всѣ остальные—совѣщательнаго.

61. Точные и своевременно исправляемые адреса всѣхъ сотрудниковъ изданія должны быть всегда у секретаря редакціи, а въ часы выпуска номера—и у выпускающаго.

Какъ видитъ читатель, издатель и здѣсь поставленъ въ строго опредѣленныя и при томъ сравнительно не широкія рамки. Сдѣлано это потому, что большинство издателей именно нуждается въ ограниченіи теперешнихъ его правъ. Но я первый же буду рекомендовать расширить поставленные выше предѣлы, имѣя дѣло съ человекомъ интеллигентнымъ, хорошо извѣстнымъ съ точки зрѣнія корректнаго отношенія къ журналистамъ-сотрудникамъ. Что же касается редактора, то врядъ ли можно говорить о томъ, что умалена его собственная инициатива. Наоборотъ, въ широкомъ общеніи съ товарищами она, по-моему, только выигрываетъ; проходя черезъ фильтръ коллегіальности, она очищается отъ самоуправства. Компетенція редактора поставлена въ такія условія, что, зная сущность газетной работы, никакъ нельзя сожалѣть, что онъ лишенъ самодержавія и поставленъ въ необходимость на личномъ при-

мѣрѣ испытывать громадное значеніе пословицы о преимуществѣ двухъ умовъ. Коллегіальность не исключаетъ редакторскаго руководительства, его вліянія на газету: она только не даетъ редактору власти все и вся рѣшать исключительно по своему собственному усмотрѣнію, совершенно не справляясь съ мнѣніями и желаніями тѣхъ людей, которые въ созданіи органа принимаютъ очень и очень близкое, чисто органическое участіе. Я самъ редактировалъ газеты и, все-таки, всецѣло поддерживаю всѣ сдѣланныя выше предложенія.

Сдѣлаю необходимые комментаріи.

Къ § 2. Подъ «секретаремъ редакціи» я подразумѣваю не то «вьючное животное», которое у насъ пока въ массѣ изданій изображаетъ несчастнѣйшій изъ несчастнѣйшихъ смертныхъ, называемый секретаремъ, а собственно письмоводителя, лицо, на обязанности котораго должны лежать: писаніе писемъ, пріемъ и регистрація почты и т. п. При маломальски сносной организаціи дѣла въ такомъ только секретарѣ и есть необходимость.

12. п. б. Надо ли говорить, что редакторъ единовластно не можетъ распоряжаться личнымъ составомъ редакціи, разъ члены послѣдней не придатки, а органы. Такое самодержавіе царить у насъ въ массѣ изданій и съ нимъ слѣдуетъ серьезно бороться. Секретарь редакціи человѣкъ слишкомъ хорошо знакомый со всѣми дѣлами, чтобы его тоже мѣнять по капризу господина самодержца.

пп. к, л, м, н. Опять-таки и здѣсь сплошь и рядомъ единовластвуетъ редакторъ, а подписываются-то все—«редакція». И какихъ только нѣкоторые редакторы ни выкидывали штукъ, благодаря лишь отсутствію въ подобныхъ случаяхъ коллегіальности...

17. Пожалуй, скажутъ, что это и такъ само собой разумѣется. Я же настаиваю на этомъ пунктѣ именно въ виду скрупулезной откровенности журналистовъ при личной устной оцѣнкѣ работы другъ друга. Всегдашняя «политичность» и «тонкая деликатность», господствующія въ этой области, просто возмутительны, особенно, когда это люди одного изданія.

18. Этотъ параграфъ введенъ въ виду многихъ случаевъ,

когда уполномоченные издатели перехватывали через край въ угодливости и расшаркиваніи и тѣмъ компрометировали изданія.

28. Въ жизни изданія нѣтъ вопроса или явленія, которые не были бы извѣстны редактору; поэтому, понятно, постановленіе, сдѣланное безъ него, не можетъ часто быть правильнымъ и войти въ силу; это — интересы самой коллегіи.

32. Коллективный выходъ — прекрасный пріемъ, практикуемый лучшими земскими статистиками. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть проще и яснѣе, если редакція жила до конфликта коллегіально. Вѣдь, послѣднее обстоятельство говоритъ совершенно ясно: всѣ болѣе или менѣе серьезные шаги предпринимались всѣми вмѣстѣ, а не однимъ редакторомъ, слѣдовательно, если издатель недоволенъ ими и хочетъ разстаться съ редакторомъ, то и никто изъ сотрудниковъ не можетъ остаться, иначе это значило бы отказаться отъ своихъ прежнихъ мнѣній и рѣшеній и стать вдругъ на сторону издателя. Не горю уже о томъ, что коллективный выходъ есть такая серьезная сдержка издательскаго «ндрава», которая ни разъ заставитъ одуматься теперешнихъ самодуровъ. Я знаю нѣсколько случаевъ, когда при выходѣ редактора подъ давленіемъ издателя и при томъ благодаря шагамъ, какъ разъ своевременно одобреннымъ товарищами, изъ среды послѣднихъ выдѣлялись вдругъ перебѣжчики, прежде всего спасавшіе собственную шкуру отъ грозящей безработицы. Впрочемъ, одни изъ нихъ преспокойно заявляли, что, вѣдь, ими издатель доволенъ, другіе хлопотали о «бѣдныхъ наборщикахъ и рабочихъ, рисковавшихъ остаться на нѣкоторое время безъ куска хлѣба», третьи... третьи просто молчали... И такихъ случаевъ, обнаруживавшихъ, какъ мало у насъ товарищества, сравнительно много.

43. При существующей въ современныхъ редакціяхъ безалаберщинѣ и крайней небрежности въ отношеніяхъ къ чужому труду это, пожалуй, цѣлая революція.

47. Пожалуй, и это революція. Скажутъ: да когда же успѣтъ все это сдѣлать. Во-первыхъ, я же говорилъ объ увеличеніи личного состава редакцій; во-вторыхъ, не будемте, господа, кривить душой: мы ужасно тянемъ съ рукописями, просто по

манерѣ не торопиться; «подождетъ» — вотъ наше отношеніе къ авторамъ, а иногда — нечего и здѣсь грѣха таить — по нежеланію показать имъ, что ихъ трудъ стоитъ вниманія: «пусть, де, помнитъ, что у насъ и безъ него найдется, не заважничаетъ»... Кто посылалъ въ редакціи срочный матеріалъ, тотъ знаетъ, когда послѣдній появлялся сплошь и рядомъ въ газетѣ... Подумать же о волнующемся авторѣ, это — сентиментализмъ, отъ котораго очень далека большая часть редакціонныхъ работниковъ... Говоря все это, я, разумѣется, понимаю, что въ нѣкоторыхъ редакціяхъ медленность обусловливается недостаткомъ рабочихъ силъ, массою рукописей и т. п., но я говорю не о нихъ.

48. Дѣлаютъ, дѣлаютъ и дѣлаютъ, несмотря на усиленные просьбы не дѣлать

51. Пора водворить этотъ порядокъ вездѣ и освободить другихъ выючныхъ животныхъ, называемыхъ «помощниками редакторовъ», отъ ихъ египетскаго труда. Это не дѣйствительные помощники редакторовъ, не ихъ замѣстители, а что-то въ родѣ старшаго корректора (корректора они плохіе), люди часто съ крайне ограниченной литературной подготовкой. А, между тѣмъ, имъ ввѣряется такая серьезная работа, какъ окончательное составленіе номеровъ. Немудрено, что послѣдніе часто совершенно не удовлетворяютъ редакцію. Дежурство на выпускѣ номера только и можетъ нестись какъ слѣдуетъ членами редакціи, только тогда газета можетъ имѣть болѣе или менѣе соображенный планъ.

61. Это одна изъ тѣхъ мелочей, которыя, пожалуй, могли бы и не быть въ проектѣ редакціонной коллегіальности, но я рѣшилъ привести ее именно потому, чтобы подчеркнуть ненормальность современнаго положенія, когда въ редакціяхъ часто нѣтъ точныхъ адресовъ сотрудниковъ. А, вѣдь, принимая во вниманіе § 56, это неряшество иногда можетъ испортить не одинъ номеръ.

Вотъ, собственно, все, что я нашель нужнымъ сказать въ поясненіе коллегіальности, ясной, кажется, самой по себѣ. Я знаю, нѣкоторые будутъ не удовлетворены ею, не встрѣтивъ, напри- мѣръ, того, о чемъ упоминалось въ приведенномъ выше объявленіи благосвѣтловскаго «Русскаго Слова»—опубликованія мате- ріальныхъ дѣлъ изданія. При коллегіальномъ началѣ, конечно, не могли бы имѣть мѣсто дутыя цифры, только рекламирующія изданіе; но, если читатели помнятъ, я все время стараюсь стоять на почвѣ *практической*, а ставить теперь же опубликованіе бюд- жета, тиража и проч., по-моему, именно непрактично: надо сна- чала пріучить издателей къ тому, что, все-таки, полегче, а вѣдь это было бы серьезной революціей. Сейчасъ такое опубликованіе непременно встрѣтило бы почти полное ихъ несочувствіе и только еще больше отшатнуло бы отъ оглобель, въ которыя имъ пред- стоить стать при маломальской настойчивости и энергіи жур- налистовъ. Пусть пройдетъ немного времени и тогда, конечно, въ не новый уже укладъ газетной жизни можно и должно бу- деть ввести широкое начало гласности по отношенію къ тѣмъ средствамъ, которыя общество даетъ для веденія органа об- щественнаго мнѣнія. На томъ же основаніи я умолчалъ и о другомъ «революціонномъ» началѣ—участіи журналистовъ въ прибыляхъ съ изданія.

Этому всему время придетъ.

XVIII.

Теперь мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ сторонахъ внутренней редакціонной организаціи, о нѣкоторыхъ въ ней ненормальностяхъ, приносящихъ и журналистикѣ и дѣ- лу, которому она служитъ, немалый вредъ.

Кто читалъ «Жизнь и труды М. П. Погодина», составлен- ные г. Барсуковымъ, тотъ, можетъ быть, помнитъ что писалъ Погодину енисейскій губернаторъ Степановъ, (отецъ извѣстнаго

карикатуриста Н. А. Степанова) прикосновенный къ издававшемуся тогда «Московскому Вѣстнику». «Хотя мнѣ извѣстно—писалъ онъ еще въ 1827 г., что гг. журналисты поставили себѣ за правило не отвѣчать»... etc.

Теперь 1902 годъ, а мнѣ и очень многимъ, разумѣется, другимъ не менѣе извѣстно, что гг. журналисты не измѣнили своего правила, наоборотъ, допускаютъ исключенія изъ него еще рѣже. Казалось бы, это мелочь, но если принять во вниманіе бытовыя условія русской жизни вообще и условія литературной дѣятельности въ частности, то эта «мелочь» принимаетъ видъ существеннаго неудобства. Сношенія редакцій съ сотрудниками у насъ вообще очень и очень далеки отъ желательныхъ. Кто хоть разъ обращался съ чѣмъ-нибудь въ обыкновенную (не исключительную) редакцію газеты, тотъ хорошо знаетъ наши «порядки». Мало того, что вамъ совершенно не отвѣчаютъ; что ваши письма бросаются въ корзину полупрочитанными; что рукописи безслѣдно исчезаютъ; что ваши условія относительно сокращеній и измѣненій не ставятся часто ни въ грошъ, — но даже марки, которыя вы можете присылать безъ конца, не заставляютъ иногда хоть плюнуть на десятокъ вашихъ просьбъ дать какой-нибудь отвѣтъ. И, вѣдь, рѣдко кто требуетъ подробныхъ писемъ, просятъ обыкновенно только нѣсколькихъ словъ. Некогда возиться съ такимъ даже письмомъ,—сообщи печатно въ «отвѣтахъ редакціи». Но послѣдніе почему-то мало гдѣ заведены ради настоящей своей цѣли.

Я знаю случай, когда, прежде чѣмъ получить отвѣтъ редакціи большой богатой газеты, обставленной достаточнымъ числомъ рабочихъ рукъ, пришлось послать шесть писемъ, приложить на полтора рубля марокъ и дать двѣ телеграммы. Знаю другой, когда авторъ черезъ полтора года получилъ свою статью обратно, а въ ней трактовалось срочное событіе. Знаю нѣсколько случаевъ молчанія на телеграммы съ оплаченными отвѣтами. Знаю не мало другихъ, вполне подтверждающихъ сдѣланныя выше обобщенія.

На это обыкновенно говорятъ: некогда, народу мало, поне-

волѣ отвѣты откладываются. Не мнѣ спорить противъ недостаточности редакціонныхъ силъ, когда я самъ предлагалъ значительно ихъ увеличить, но, все-таки, изъ своей практики могу утвердительно сказать, что дать отвѣтъ въ теченіе недѣли всегда можно, если работа распределена рационально. Недостаточность силъ тутъ-то и чувствуется, потому что, по существу газетнаго дѣла, на всю корреспонденцію отвѣтъ, по-моему, долженъ слѣдовать въ теченіе трехъ сутокъ: тогда только газета пріобрѣтетъ срочность и отзывчивость со стороны сотрудниковъ и корреспондентовъ. Нѣтъ, тутъ просто извѣстная доля невоспитанности, неуваженіе къ чужой мысли и чужому времени. Этимъ грѣшенъ русскій человѣкъ вообще, не безгрѣшенъ и русскій журналистъ. И что оригинально, что всѣ сознаютъ неудобство такихъ «порядковъ», но преимущественно тогда, когда сами въ числѣ страдающихъ отъ него...

Никогда не забуду своего разговора съ «секретаремъ» только что принятой мною редакціи.

— Пожалуйста, говорю ему, не задерживайте отвѣтовъ по корреспонденціи, прочитанной мною или членами редакціи. Позднѣйшій срокъ съ момента поступленія ихъ къ вамъ—сутки...

— Какъ сутки!—ужаснулся онъ.—Нельзя же всѣмъ отвѣчать такъ. Ну, я понимаю, напримѣръ, N—онъ назвалъ фамилію одного извѣстнаго публициста—это, конечно, такъ, но какому-нибудь корреспонденту или неизвѣстному автору «письма въ редакцію» нельзя же... Сейчасъ подумаютъ, что мы придаемъ особенное значеніе ихъ работѣ, и заважничаютъ...

Мнѣ не оставалось ничего больше, какъ искренно расхохотаться такому департаментскому канцеляризму... И потомъ, помню, долго онъ, все-таки, иногда старался «поддерживать престижъ редакціи», пока самъ не напишешь отвѣтъ и ни попросишь его отправить...

Другой вопросъ гораздо большей важности.

Очень многія газеты, будь то столичныя или провинціальныя, не придаютъ громаднаго значенія освѣщенію фактовъ

русской жизни обслуживаемаго ими района. Отсюда крайне ненормальныя отношенія къ корреспонденту, пополняющему «провинціальныя» или «областные» отдѣлы. Между тѣмъ, эта сторона именно русской газетной работы врядъ-ли ни самая существенная: она даетъ матеріаль для хорошихъ, глубокихъ, жизненно поставленныхъ теоретическихъ статей по всевозможнымъ сторонамъ общественной и государственной жизни. Я себѣ совершенно не представляю возможности работать въ редакціи, не разбросавшей широкой сѣти корреспондентовъ. Эти маленькіе въ литературномъ смыслѣ люди необходимы газетѣ, особенно провинціальной, какъ вода и воздухъ. Безъ нихъ газета не имѣетъ почвы. Не то мы видимъ, повторяю, во многихъ органахъ, гдѣ или корреспондентовъ очень мало, или отношенія къ нимъ такія, которыя совершенно отбиваютъ всякую охоту корреспондировать.

Не отвѣчать совершенно на всѣ ихъ мольбы и просьбы, не высылать по полгода гонорара, не принимать ихъ лично самому редактору или завѣдующему провинціальнымъ (областнымъ) отдѣломъ—все это порядки многихъ газетъ.

Показать корреспонденту вниманіе, поставить его въ положеніе равноправнаго сотрудника, дать ему почувствовать свою близость къ дѣлу, которое онъ часто любитъ всей душой, быть аккуратнымъ въ перепискѣ—все это пока исключенія.

Конечно, результатъ отношеній большинства ясенъ: корреспондентъ не чувствуетъ себя въ дѣлѣ хоть какой-нибудь спицей, просто-напросто ремесленничаетъ, матеріаль присылаетъ безъ всякой объединяющей его идеи, пишетъ о пустякахъ, гонитъ строчку, чтобъ было изъ чего сокращать... Провинціальныя и областныя отдѣлы большинства газетъ лишены какихъ бы то ни было достоинствъ, не говоря уже о чисто литературныхъ. Это—альманахи, куплеты съ открытой сцены, все, что хотите, но не бытовая жизнь, не характерная ея хроника. Между тѣмъ, мнѣ изъ собственнаго опыта извѣстно, что достаточно поставить корреспондента въ исполнѣ нормальное

положеніе и дать ему въ лицѣ редакціи руководителя—онъ быстро вырастаетъ, преобразается, его не узнаешь.

Думаю, что для нѣкоторыхъ товарищей не безынтересно будетъ ознакомиться съ тѣми двумя простыми средствами, которыя, я утверждаю, непосредственно должны слѣдовать за чисто интеллигентнымъ отношеніемъ къ корреспонденту, какъ къ личности вообще.

Первое изъ нихъ, это—печатныя *программы*. Я примѣнялъ ихъ нѣсколько лѣтъ и нахожу, что результаты получаются поразительные. Все дѣло—только въ умѣнны выработать самыя детальныя программы по всеѣмъ вопросамъ земской, муниципальной, общественной, сельской, желѣзнодорожной, фабричной и др. жизни, точно указавъ время, когда интересно и необходимо получать тѣ или иныя свѣдѣнія и въ какой степени обработки. Примѣняя такія программы, вы сразу видите, какъ облегчается трудъ корреспондента; какъ каждый просто отъ природы не глупый человѣкъ быстро ориентированъ въ вашихъ требованіяхъ; какъ сначала малограмотный деревенскій корреспондентъ дѣлается полезнымъ звеномъ въ цѣпи газетныхъ работниковъ; какъ, наконецъ, твердо и дѣловито ставится областной (провинціальный) отдѣлъ, какой вѣсь онъ пріобрѣтаетъ въ глазахъ читателя. Я ужъ не говорю о томъ, что при такомъ порядкѣ редакція освобождается отъ массы теперешней черновой работы, сводящейся часто къ громадной правкѣ случайныхъ по темѣ корреспонденцій, а корреспонденты — отъ бесполезнаго труда на сообщенія, редакцію не интересующія, или совершенно, или въ данный моментъ. Къ программамъ нужно также прилагать печатное изложеніе нѣкоторыхъ общихъ, для насъ азбучныхъ, свѣдѣній въ родѣ того, что писать слѣдуетъ на одной сторонѣ листа, подписывать всегда мѣсяць и число и т. п. Это важно ради массы корреспондентовъ, плохо знакомыхъ съ редакціонно-организационной стороною своей дѣятельности, а между тѣмъ, свѣдѣнія изъ этой области ей очень необходимы и сейчасъ даются лишь горькимъ опытомъ...

Въ иномъ положеніи иностранные корреспонденты. Отно-

шенія къ нимъ общія—т. е. если не совсѣмъ нормальныя, то и не совсѣмъ ненормальныя. Но руководства, планомерности въ работѣ тоже немного. Почти вездѣ заграничныя корреспонденты очень мелочны и... политически плохо развиты. Подступая къ сложной жизни съ русскими масштабами и привычками, они незамѣтно втягиваютъ читателей въ полосу часто совершенно неумѣстной «критики». Хорошее не отгвѣняется; плохое не понимается. Иностранные отдѣлы теряютъ свое настоящее значеніе. Въ большинствѣ изданій заграничныя корреспонденціи нуждаются прежде всего въ томъ же объединяющемъ началѣ и руководящей мысли, которыя ярко пока отсутствуютъ. Теперь это—описаніе чисто фактической стороны, преимущественно политическихъ инцидентовъ или вообще отдѣльных болѣе или менѣе значительныхъ событій. Культурная и при томъ общественная жизнь Запада входитъ очень незначительнымъ элементомъ. Параллели этой самой интересной жизни съ русской еле замѣтны, редакціи ими не дорожатъ, не понимаютъ ихъ громаднаго значенія для читателя. Отсутствіе планировки содержанія номера, внутренней въ немъ связи довольно остро чувствуется именно иногда благодаря заграничнымъ корреспонденціямъ. Несомнѣнно, ихъ трудно ввести, пока не будутъ введены программы и для заграничныхъ корреспондентовъ, пока трудъ ихъ не будетъ поставленъ въ рамки сознательнаго, и при томъ строго послѣдовательнаго проведенія цѣлымъ изданіемъ извѣстныхъ идей и взглядовъ.

Второе средство — *періодическія собранія корреспондентовъ*. Цѣль—ознакомить ихъ съ взглядами редакціи на важные вопросы и явленія жизни, такъ или иначе соприкасающіеся съ дѣятельностью корреспондентовъ, и сближеніе послѣднихъ. Опять-таки изъ опыта я вынесъ твердое убѣжденіе, что маломальски толково ведущіяся собранія необыкновенно, прежде всего, поднимаютъ самочувствіе корреспондента, живущаго сплошь и рядомъ въ тинѣ топкаго болота глухого провинціальнаго угла; вырабатываютъ въ немъ чувство связи и общности съ журналистикой, что не можетъ не быть полезно; совершенно ясно подчеркиваютъ его не послѣднюю роль въ

жизни газеты; даютъ ему массу знаній, выносимыхъ изъ живого обмѣна мыслями съ товарищами; объединяють областной (провинціальній) отдѣлъ одной общей идеей, вытекающей изъ главныхъ задачъ даннаго изданія.

Не говорю уже о томъ, что собранія людей съ мѣста, которымъ занята редакція, даютъ послѣдней массу коррективовъ къ ея, все-таки, теоретическимъ иногда взглядамъ—массу фактического матеріала. Отъ собранія до собранія живетъ корреспондентъ тѣми свѣжими впечатлѣніями, которыя онъ получаетъ въ общеніи съ другими рядовыми этой громадной арміи. Работа его идетъ успѣшнѣе: вопросы азбучные сдаются въ архивъ; взгляды редакціи перестаютъ быть terra incognita для неособенно интеллигентнаго корреспондента; вопросы текущіе разрабатываются шире и глубже; голосъ газеты по любому вопросу всегда поддерживается массою фактовъ; получается, наконецъ, та внутренняя, органическая связь различныхъ отдѣловъ, отсутствіемъ которой такъ блещетъ большинство газетъ.

Кромѣ того, только при живомъ общеніи съ корреспондентомъ—этими глазами и ушами редакціи повсюду—читателя можно дѣйствительно убѣдить въ справедливости своего взгляда. Появляется полная возможность, прежде чѣмъ ставить, на примѣръ, серію статей по извѣстному вопросу, дать читателю яркую картину постановки его на практикѣ, а послѣ статей— иллюстрировать каждую основную мысль ихъ автора опять-таки жизнью. Читатель видитъ, что статья или фельетонъ ставятся не безъ умысла и идеи, что въ-время они будутъ пояснены въ связи съ отголосками съ мѣста. Не то теперь. Передовики пописываютъ, корреспонденты пострачиваютъ, а внутренней связи въ изданіи-то и нѣтъ. Почему эта статья стоитъ именно сегодня, а не черезъ мѣсяць,—читатель не понимаетъ. Далѣе, отъ кого, какъ ни отъ корреспондента, редакція можетъ выслушать мнѣніе своего массоваго средняго читателя о недостаткахъ и пробѣлахъ своей работы, запросы даннаго района, города, мѣстечка, уѣзда, волости?

Трудно исчерпать всѣ громадныя послѣдствія успѣшнаго веденія періодическихъ собраній корреспондентовъ, несоставляю-

щихъ никакого особеннаго труда редакціямъ провинціальныхъ газетъ. Одно могу сказать: кто ихъ не устраивалъ, тотъ и представить даже не можетъ, чѣмъ являются эти собранія въ жизни изданія. Разумѣется, повторяю, они должны идти вслѣдъ за реформой современныхъ массовыхъ отношеній къ корреспонденту вообще и планомѣрной работой съ программами въ рукахъ.

Не могу не привести одно изъ писемъ, полученныхъ мною послѣ устройства перваго и для меня собранія. Вотъ что писалъ мнѣ одинъ земскій фельдшеръ:

«Сейчасъ, когда внутри перебродило все, все уже передумалось, многое стало яснымъ, и когда, я знаю, вы имѣете времени больше, чтобъ меня выслушать, чѣмъ на собраніи, гдѣ надо было въ перерывы побесѣдовать съ каждымъ,—а насъ-то было до сорока человѣкъ,—вотъ сейчасъ я и спѣшу подѣлиться тѣми впечатлѣніями, которыя я вынесъ изъ нашего совѣщанія. Это было поистинѣ отрадное явленіе въ области мысли: этотъ день, мнѣ кажется, для многихъ насъ, корреспондентовъ, оставитъ неизгладимый слѣдъ. Я понялъ, что есть кружки людей, связанныхъ одними общими идеями и стремленіями не исключительно матеріальными, а носящими въ себѣ принципъ служенія обществу. Мнѣ и по сіе время такъ и звучитъ вступительная рѣчь... Сколько въ ней было благородныхъ, сердечныхъ порывовъ и знанія жизни и вообще стремленія дать прочное успѣшное существованіе нашему общему дѣлу! Да не сочтется это за комплиментъ—право сказалось, что чувствовалось. Да и вообще можно сказать, что совѣщаніе было весьма и весьма оживленно, небезыдейно. Замѣтно, что всѣ присутствовавшіе и принимавшіе участіе въ дебатахъ были весьма воодушевлены. Вѣдь, многое, многое выяснилось, что до сего времени было темновато. Знакомство и единеніе людей, служащихъ одному общему дѣлу— стимуль для его прочности, совершенствованія. Будемъ надѣяться и просить васъ, чтобы совѣщаніе не было послѣднимъ, а повторялось, какъ вы и обѣщали, хоть разъ въ годъ. Слѣдующія совѣщанія, нужно предполагать, будутъ болѣе продуктивны, ибо при массѣ вопросовъ прошлаго, конечно, было мало

возможности для болѣе всесторонняго обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ. Изъ послѣднихъ нѣкоторые, даже очень важные, за недостаткомъ времени были просмотрѣны мелькомъ. Въ заключеніе свидѣтельствую какъ вамъ лично, такъ и всѣмъ членамъ редакціи свое глубокое уваженіе и спасибо за предоставленіе близкаго единенія работниковъ мысли разныхъ уголковъ и, надѣюсь, какъ я, ждуть многіе, что это будетъ не послѣднее, а суть начало цѣлаго ряда связываемыхъ звеньевъ»...

Мнѣ кажется, это письмо, а аналогичныхъ у меня есть еще нѣсколько, въ достаточной степени ясно подчеркиваетъ справедливость моего утвержденія о пользѣ собраній. Впрочемъ, врядъ-ли эта простая мысль можетъ нуждаться въ особенныхъ доказательствахъ. Она ясна, какъ день.

Говоря о программахъ и, слѣдовательно, о планомѣрности работы, не могу здѣсь же не коснуться, кстати, вообще господствующей въ газетномъ дѣлѣ рутины. Взять хоть тотъ заскоружный укладъ жизни, который далъ намъ существующихъ еще кое-гдѣ «передовиковъ». Это такое нелѣпое явленіе, что безъ смѣха о немъ врядъ-ли можно говорить. Есть, оказывается, такіе люди, которые пишутъ передовую статью на любую тему и всегда срочно. Каковы же должны быть ихъ энциклопедическія головы! Вѣдь, на любую тему!... Конечно, это—не передовыя статьи, а общественно-научныя прописи, хорошо извѣстныя каждому понатершемуся репортеру. Читатель - простецъ проникается къ нимъ уваженіемъ, читатель-интеллигентъ, съ которымъ только и можно идти впередъ,—смѣется и всегда пропускаетъ такую азбучную «руководящую» статью. «Передовики» мыслимы, разумѣется, только въ тѣхъ редакціяхъ, гдѣ, кромѣ нихъ, никого, за исключеніемъ репортеровъ, нѣтъ. При иныхъ порядкахъ это—какой-то удивительный nonsens. Впрочемъ самый терминъ «передовица» понимается журналистами двояко. Одни говорятъ, что это передняя статья болѣе или менѣе общаго характера, другіе—что, руководя общественной

мыслью и настроеніемъ, она должна звать или толкать впередъ. Съ точки зрѣнія «переда» премьеръ - «передовикъ» не нуженъ, потому что громадный процентъ статей можетъ быть лишенъ своихъ заглавій и подъ названіемъ города и датой поставленъ на первое мѣсто; съ точки зрѣнія второй—nonsens ясенъ особенно. Пора привить въ этомъ отношеніи другой обычай: передовыя статьи пишутся членами редакціи по ихъ компетентности въ тѣхъ или другихъ вопросахъ. Съ этимъ, кстати, исчезнетъ и другая нелѣпость—въ каждомъ номерѣ дать передовую. Эта нелѣпость, по-моему, еще большая. Не говоря уже о томъ, что при условіи нашей цензуры, не можетъ быть такъ великъ циклъ вопросовъ, чтобы каждый день преподносить читателю новое «впередъ», но и самое понукательство имѣетъ всегда видъ разогрѣтаго жаркого. Дайте читателю три-четыре руководящихъ статьи въ недѣлю, но такихъ, которыя бы дѣйствительно заставили его подумать—и онъ будетъ «передовицы» читать, а не пробѣгать. Не могу также не замѣтить, что первый, кто смѣется надъ серьезнымъ видомъ жреца-передовика, хранящаго печать раздумья на челѣ и прилагающаго всѣ усилія, чтобы не написать живо и остроумно, а высказать все мертвено-величаво, это—читатель. Бойкихъ, популярныхъ и вмѣстѣ именно передовыхъ «передовицъ» у насъ очень мало. Больше—египетскія таинства. Скажутъ: «а стороннія» обстоятельства? Я ихъ конечно, все время имѣю въ виду. Развѣ они забываются!?

А «передовицы» по политикѣ европейскихъ державъ! Какъ часто искренно смѣешься надъ серьезнымъ учительскимъ тономъ «политика», совѣтующаго, а то и просто поучающаго, какъ нужно поступить Вильгельму или Сагастѣ! Есть даже предсказыватели будущаго для Европы; Европы, которая законно не хочетъ читать кастрированную русскую политическую печать, когда та касается не будничныхъ явленій своей собственной страны...

Чтобы не отвлекаться отъ нити изложенія, я не стану подробнѣе иллюстрировать царящую у насъ рутину, а скажу только, что общая ея причина въ сравнительно небольшомъ

процентъ журналистовъ, *всѣмъ* нутромъ живущихъ съ газетой. Мало въ Россіи и условій для этого...

XIX.

Я увѣренъ, что однимъ изъ первыхъ результатовъ нашего сближенія на почвѣ коллегіальности должно быть созданіе еще такого учрежденія, которое бы заканчивало гласное обсужденіе общественно-литературнаго поведенія журналистовъ вообще въ наивозможно широкомъ видѣ. Я совершенно согласенъ съ мыслью Н. К. Михайловскаго, высказанною имъ по поводу почти никому и до сихъ поръ неизвѣстнаго «Литературнаго общества». Онъ замѣчаетъ: «Дѣло самой литературы поставить неблагопристойности предѣлъ»... «Общее литературное дѣло, за удовлетвореніемъ матеріальныхъ интересовъ, которыми, худо-ли, хорошо-ли заняты литературный фондъ и касса взаимопомощи, только и можетъ состоять въ поддержаніи достоинства литературы, какъ таковой, независимо отъ какихъ бы то ни было кружковъ и партій»²⁵⁾. У покойнаго «Союза» въ числѣ цѣлей его существованія была одна, между прочимъ, громадная цѣль: «охраненіе добрыхъ нравовъ среди дѣятелей печати». Да простятъ мнѣ глубокоуважаемые руководители этого славнаго учрежденія, если я пожалѣю, что именно въ этомъ направленіи «Союзомъ» ничего почти сдѣлано не было. Его коллоссальный, въ смыслѣ нравственнаго авторитета, голосъ ни разу, насколько я знаю, не раздавался *публично* для оцѣнки литературныхъ негодяевъ. Это, конечно, не упрекъ въ бездѣятельности, это только указаніе на неразвитіе главной своей функціи.

Скажутъ—о, я знаю, что такихъ голосовъ будетъ достаточно!—«что за непрошенное центральное судилище!» Но если

²⁵⁾ «Рус. Бог.»; 1894 г., VIII.

это скажетъ порядочный журналистъ, то, очевидно, онъ не любитъ своего дѣла, онъ не живетъ имъ, не живетъ такъ, какъ жилъ Бѣлинскій и какъ всѣ мы *должны* жить! Припомните, что писалъ этотъ великій журналистъ въ 1840 году: «Умру на журналѣ и въ гробъ велю положить подъ голову книжку «Отечественныхъ Записокъ». Я литераторъ—говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и гордымъ убѣжденіемъ. Литературѣ расейской моя жизнь и моя кровь» ²⁶)...

Вотъ такая любовь, да, именно такая, безраздѣльная и безпредѣльная, подскажетъ въ 1902 году, что нужно, наконецъ, взяться всѣми нашими силами за спасеніе высокаго по существу понятія «литераторъ» отъ покушеній на него Подхалимовыхъ! Если же отрицать «судилище» станетъ негодяй, то развѣ его голосъ можно принимать иначе, какъ за страхъ передъ осужденіемъ на глазахъ всего общества!?

Но, можетъ быть, вы считаете, что судъ долженъ твориться въ мрачномъ подземельѣ безгласности и таинственности отъ общества, что все это—наши собственныя домашнія дѣла? Да, я знаю, нѣкоторые высоко цѣнятъ изстари укоренившуюся замашку, которая всякое «высшее служеніе — по прекрасному выраженію Е. И. Конради—превращаетъ въ элевзинское таинство и ревниво оберегая авторитетъ его жрецовъ, опускаетъ между ними и непосвященною толпой завѣсу непроницаемой тайны!» У журналиста нѣтъ домашнихъ дѣлъ, разъ они касаются не исключительно его собственнаго дома, не его собственной семьи! Вся жизнь его, какъ литературно-общественнаго дѣятеля, должна проходить на глазахъ общества, подъ его постояннымъ контролемъ и наблюденіемъ! Представители гласности только и могутъ жить при условіи широкаго ея размаха. Если для общества важно, чтобы у него была литература, вполнѣ достойная этого великаго имени, то оно имѣетъ полное право требовать отъ насъ откровеннаго разсказа обо всемъ, что мѣшаетъ осуществленію этого идеала. Мы должны вынести

²⁶) А. Пупинъ, «Бѣлинскій», II, 31.

на судъ общества все, что благодаря замалчиванію можетъ быть приписано свойствамъ цѣлой корпораціи!

XX.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о читателѣ вообще.

Полвѣка тому назадъ, одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ русскихъ журналистовъ, нашихъ учителей, сказалъ: «недостаетъ нашей публикѣ только одного: сознанія своего вліянія на литературу. Потому литература зависитъ отъ каприза случайностей» ²⁷⁾. Прошло 46 лѣтъ, а историкъ русской литературы все-таки можетъ начать и теперь свой трудъ словами, которыми кончилъ Чернышевскій. Но вы, виновный читатель, заслуживаете безусловнаго снисхожденія. Смягчающихъ вашу вину обстоятельствъ нѣсколько.

Прежде всего, вы очень остро чувствуете современное юридическое положеніе нашей дѣятельности. Это—неисключительная привилегія журналистовъ. Во-вторыхъ, мы сами не идемъ сколько-нибудь энергично на сближеніе съ вами. Въ-третьихъ, мы иногда не считаемъ васъ въ правѣ предъявлять къ намъ тѣ или другія требованія, валя ихъ всѣ, безъ разбора, въ кучу «угожденія публикѣ». А, вѣдь, это сплошь и рядомъ ваши учителя... Наконецъ, ваши ряды не особенно многочисленны и плохо еще сомкнуты. Правда, они пополняются каждый день, особенно за послѣднія четыре-пять лѣтъ, они смыкаются и густѣютъ; небывалый раньше ростъ интеллигенціи радуется каждому, кто имѣетъ возможность присутствовать при этихъ трудныхъ родахъ и повивать колоссальнаго въ будущемъ русскаго интеллигента... Но все это именно по русскимъ масштабамъ, по тому, что намъ нужно, пока незначительно.

²⁷⁾ «Очерки гоголевскаго періода».

Старый провинціальный журналистъ С. С. Гусевъ, болѣе извѣстный по своему псевдомину *Слово Глаголь*, выпустилъ недавно книжку подъ очень широкимъ заглавіемъ «Наши общественныя дѣла и бездѣлье».

Въ ней есть деталь, по-моему, сразу опредѣляющая и автора и книгу. Деталь, особенно меня интересующая, широкаго общественнаго значенія и изъ того десятка вопросовъ, которые, по-моему, сейчасъ наиболѣе интересны.

Тридцать лѣтъ работы въ провинціи—въ этомъ колоссальномъ котлѣ общественной мысли и жизни—привели г. Гусева къ заключеніямъ очень неблагопріятнымъ для читателя. Мало того, авторъ положительно утверждаетъ, что его «свидѣтельства о подробностяхъ этой жизни (жизни сорока «хорошо» знакомыхъ ему изданій) должны имѣть свою цѣну».

Прежде всего, ни въ грошъ не ставя деревенскаго читателя, г. Гусевъ и въ городѣ не нашелъ отрады. «Кто читаетъ газеты въ городахъ?»—спрашиваетъ онъ и, не задумываясь, отвѣчаетъ: «чиновники, грамотное купечество—и только. Масса свободна отъ этого предразсудка цивилизаціи». Какъ мало словъ и какъ много сказано. . . неправды!

Очевидно, мои наблюденія производились не на территоріи работы г. Гусева,—они діаметрально противоположны только что высказанному. Я знаю совершенно другое. Я знаю, что въ деревню газета идетъ необычайно широко; что деревенскій читатель интересуется не только «китайцемъ» или «новой машинкой для сѣченія»; что онъ буквально протираетъ ее до дыръ.

Не въ «китайцѣ» и «машинкѣ» центръ тяжести его стремленія прочесть газету, хотя, интересуясь „китайцемъ“, насколько мнѣ извѣстно, крестьянинъ всегда интересовался, главнымъ образомъ, судьбою своего отправленнаго на войну Ванюхи, твердо увѣренный, что если его убили, то газета объ этомъ сообщитъ непременно. Интересъ, кажется, вполне понятный. Не менѣе понятенъ интересъ и къ «машинкѣ», разъ она будетъ демонстрироваться на собственной спинѣ... Я видѣлъ сотни примѣровъ, когда деревня, особенно фабричнаго района, упивалась чтеніемъ лучшаго въ номерахъ газеты, а фелье-

тоны—правда, не зубоскально-абзацные—прочитывала по нѣскольку разъ. Я знаю примѣры, и ихъ не мало, когда крестьяне, вѣря редакціи газеты, ходили туда просто побесѣдовать, потолковать; когда они несли туда всѣ свои бѣды и злключенія. Здѣсь замѣчу только еще одно обстоятельство, упускаемое всегда изъ вида издателями, но очень близкое сердцу журналистовъ: смѣло можно сказать, что каждый номеръ газеты, попавшій въ деревенскую хату, прочитывается, по крайней мѣрѣ, полдеревней. Это уже одно надо бы было помнить г. Гусеву—онъ не можетъ не знать...—но мало-ли, что онъ забылъ?

Забылъ же онъ читателя—ученаго, адвоката, врача, студента, фельдшера, учителя, рабочаго, старшаго класса гимназиста и реалиста,—и мало ли еще кого изъ тѣхъ, кто живетъ въ городахъ, кромѣ чиновника и купца. Короче—забылъ вообще интеллигента. Интеллигентъ у г. Гусева совершенно забытъ; очевидно, онъ не занимаетъ въ его дѣятельности первенствующаго мѣста. Въ этомъ главная Ахиллесова пята всей книжки. Впрочемъ, это специфическая ошибка не только г. Гусева, а и многихъ газетныхъ работниковъ.

Теперь о характеристикѣ читателя.

Ничего положительнаго съ этой стороны г. Гусевъ не далъ. Онъ далъ только отрицательное и то въ формѣ фельетоннаго глумленія. Оно такъ характерно въ устахъ писателя, тридцать лѣтъ стоящаго, казалось-бы, локоть къ локтю съ публикой, что я позволю себѣ довольно длинную цитату изъ книги.

«Мнѣ рассказывалъ одинъ писатель о своемъ общеніи съ читателемъ,—если бы я не зналъ этого писателя, какъ человѣка правдиваго, я не повѣрилъ бы и десятой долѣ того, что я услышалъ по этой части.

«Мой знакомый получаетъ отъ читателя не менѣе 100—150 писемъ въ мѣсяць и, кромѣ того, принимаетъ у себя читателя, какъ гостя. Бываютъ дни, когда являются не менѣе 10—15 человѣкъ, и не бываетъ дня, въ который не было бы хотя одного человѣка.

«О чемъ говорить читатель?

«Можно было бы считать исключеніемъ гр. Толстого, къ которому масса лицъ обращается съ просьбами о деньгахъ. Но и въ данномъ случаѣ, хотя знакомый мнѣ писатель не пользуется, можетъ быть, и одной миллионной той извѣстности, которой пользуется гр. Толстой,—на первомъ планѣ стоитъ вопросъ о деньгахъ.

«Дальше—почти исключительно личные обывательскія дѣла. У одного жена сбѣжала къ любовнику. У другого—обманъ невесты. Третій совѣтуется, бросить-ли ему мѣсто учителя ради мѣста земскаго статистика. Дѣвида жалуется на коварнаго обольстителя и проситъ о воздѣйствіи на него. И т. д., и т. д. Тутъ недостаетъ только того, чтобъ обыватель пришелъ и попросилъ бы разрѣшить его споръ съ супругой на счетъ шей и борща.

— «Я къ вамъ, многоуважаемый, какъ къ отцу родному. Сочиненія ваши читалъ и очень оныя одобряю. Мысли ваши раздѣляю и сочувствую имъ. И то уваженіе, которое я къ вамъ питаю, заставляетъ меня обратиться къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой: будьте судьей...

— «Между кѣмъ судьей?

— «Да между мной и законной моей женой. Какъ вы рѣшите, такъ и будетъ!...

— «Ммм... Въ чемъ же дѣло?

— «А дѣло серьезное, почтеннѣйшій: жена щиплетъ, а я борщъ.

— «Что такое? Какой борщъ?

— «А обыкновенный—съ бураками и прочей приправой. Я прошу борщъ сварить, а жена варитъ—себѣ щиплетъ съ грудянкой, хоть ты колъ у нея на головѣ теши! Разрѣшите, заставьте за себя вѣкъ Бога молить. Для меня въ этомъ вопросъ принципиальный!...

«Что прикажете дѣлать писателю? Войти въ подробное разсмотрѣніе щей и борща? Изслѣдовать супружескіе желудки, дабы опредѣлить, къ какой пищѣ они наиболѣе приспособлены? Или, рискуя оказаться несправедливымъ, поставить за исходную точку свой собственной вкусъ и опредѣлить:

— «Кушайте щи, а борщъ оставьте!...

«Курьезное положеніе. Читатель въ вопросахъ краеугольныхъ и общихъ не чувствуетъ въ себѣ никакихъ колебаній. Сомнѣнія начинаютъ одолевать его лишь въ вопросахъ его угла, его удобствъ, устройства его личной жизни. Жениться ему или не жениться, развестись съ женой или продолжать съ ней драться, продолжать получать жалованье или не получать?

«На самомъ дѣлѣ, завтра онъ придетъ за объясненіемъ, что это такое значить, что ѣлъ онъ, обыватель, во снѣ свѣже-просольную севрюгу, и такъ эта севрюга была хороша, такъ хороша» ²⁸)...

Общее наружное впечатлѣніе отъ цитаты, полагаю, подтверждаетъ вполне мое утвержденіе о фельетонно-балаганномъ тонѣ писаній г. Гусева. Но интереснѣе другое впечатлѣніе, отъ ея содержанія.

Вы ясно видите, что имѣете дѣло съ журналистомъ, никогда въ глаза не видавшимъ настоящаго читателя, и потому повѣрившимъ своему знакомому писателю. То, чего не видали, приняли за несуществующее—дѣло ясное. Но не ясна-ли и ошибка? Если къ знакомому г. Гусева приходятъ письма только о щахъ и борщахъ, то, очевидно,—заключаетъ г. Гусевъ—*все* писатели получаютъ аналогичныя посланія отъ *всѣхъ* читателей.

Мнѣ кажется, что даже если бы дѣйствительно у г. Гусева былъ такой «правдивый знакомый», то рассказы его должны произвести нѣсколько другое впечатлѣніе. Я его толкую совершенно иначе. Тотъ заурядный, совершенно некультурный обыватель, который обращается къ писателю съ просьбой посоветовать: жениться или нѣтъ, бросить службу или остаться на ней и т. п. — заслуживаетъ глубокой симпатіи. Да! и во всякомъ случаѣ — не смѣха и глумленія. Въ самомъ дѣлѣ, что значать такія обращенія? Прежде всего—довѣріе къ писателю, какъ таковому, единственному человѣку, рѣшеніе котораго будетъ признано справедливымъ и раціональнымъ. Во-вторыхъ—уваженіе; въ-третьихъ—близость. Я не буду ни минуты гово-

²⁸) Стр. 196—198.

ритель о томъ, что это некультурно; что вопросы совѣсти (женитьба, разводъ, и пр.) рѣшаются только самимъ человекомъ; что разрѣшеніе чужихъ вопросовъ обстановки жизни (служба, а тѣмъ болѣе щи и борщъ) непроизводительно отнимаетъ драгоценное время писателя и т. д. Все это понятно само собой. Я только прошу васъ стать на мѣсто читателя, идущаго за подобнымъ совѣтомъ къ нашему брату, и тогда, несомнѣнно, вы будете смотрѣть на него совершенно иначе, не по-гусевски.

Не могу еще не прибавить, что бываютъ случаи, когда къ намъ приходятъ за такимъ совѣтомъ, который мы дѣйствительно можемъ дать не безъ пользы. Я знаю массу случаевъ, когда писателя ставили, на примѣръ, въ положеніе адвоката только потому, что довѣряли ему больше, чѣмъ случайнымъ представителямъ этой профессіи въ извѣстномъ городѣ.

Казалось бы, автору *общественныхъ дѣлъ* нельзя не знать, что именно по современнымъ условіямъ нашей карнаухой общественности, которая, вообще не признанная пока за существенный элементъ жизни, не дала ни одного сколько-нибудь проявленнаго элемента, кромѣ писателя,—обращеніе къ писателю, какъ къ таковому, вполне естественно и понятно. На Западѣ есть прежде всего культура, во-вторыхъ широкая общественная жизнь, въ-третьихъ... да мало-ли что тамъ есть, и что у насъ отсутствуетъ! Насколько тамъ вся совокупность общественныхъ условій не выдѣляетъ рѣдко писателя изъ рядовъ передовыхъ дѣятелей, настолько у насъ она же производитъ результаты совершенно обратные. Совокупность же другихъ нашихъ условій все время шепчетъ, а иногда и грозно кричитъ писателю въ ухо: «знай, сверчокъ, свой шестокъ»!—но, все-таки, непосредственно съ обществомъ соприкасаются только дѣятели печати.

Мудрено-ли, что послѣднимъ приходится становиться иногда не на свое собственное мѣсто? Можно-ли за то обвинять ихъ или группы общества? По-моему, можно только при совершенномъ непониманіи какъ общества, такъ и своей *русской* писательской службы.

Далѣе. Только-ли за щами и борщомъ идетъ читатель къ писателю? Дѣйствительно-ли въ вопросахъ краеугольныхъ и общихъ онъ не чувствуетъ въ себѣ никакихъ колебаній? Эта часть психологіи читателя гораздо болѣе интересна и важна.

И на эти вопросы я опять-таки отвѣчу: нѣтъ! нѣтъ! и нѣтъ!

По понятнымъ соображеніямъ, я не назову именъ многихъ видныхъ современныхъ русскихъ писателей и массы рядовыхъ ихъ товарищей, которые знаютъ, насколько русскаго человѣка не только волнуютъ, а прямо *мучаютъ* старыя и новыя «проклятыя» вопросы. Я знаю массу случаевъ, когда совершенно незнакомые люди обращаются къ вамъ, письменно или лично, именно за посильнымъ разрѣшеніемъ или разъясненіемъ этихъ «краеугольныхъ», «общихъ» вопросовъ; когда часы приходилось просиживать за оживленной принципіальной бесѣдой съ зауряднымъ читателемъ; когда ему указывалась дорога къ свѣту и правдѣ; когда читатель исповѣдывался передъ уважаемымъ имъ, но совершенно ему незнакомымъ писателемъ!

Такихъ случаевъ я знаю громадную массу и скажу совершенно увѣренно: умѣйте сами стать человѣкомъ, свято понимайте свое высокое писательское призваніе, держитесь съ читателемъ на равной ногѣ, уважайте его, какъ всякаго человѣка, ищущаго свѣта—и вамъ не отбиться будетъ отъ постоянного широкаго и глубокаго съ нимъ внутренняго общенія. Больше—*безъ этого общенія я не понимаю смысла нашей дѣятельности* Только писать и печатать, сидя въ бронированномъ холодностью и неприступностью кабинетѣ, это—жалкое существованіе для писателя!

И если къ кому-нибудь изъ насъ обращаются только за деньгами, щами и борщомъ — можно сказать совершенно утвердительно: этотъ писатель не приобрѣлъ уваженія интеллигентнаго, культурнаго читателя, ему не довѣряетъ и человѣкъ, только начинающій вырабатывать свое міросозерцаніе! Онъ или слишкомъ мелокъ самъ, или работаетъ недостаточно продуктивно.

Развѣ можетъ не слѣпой и не оглохшій писатель не видѣть того страшнаго, колоссальнаго, совершенно небывалаго роста, который приобрѣла наша интеллигенція за послѣднія пять-шесть

лѣтъ!? Развѣ можно забыть этотъ кадръ, ежедневно ставящій ряды сначала читателя-знакомаго, потомъ читателя-пріятеля, наконецъ, читателя-друга!

Могу увѣрить г. Гусева, что если бы онъ сумѣлъ понять сущность журнальной работы и, слѣдовательно, вошелъ бы въ тѣсное и широкое соприкосновеніе съ читательской массой — онъ бы понялъ, какъ глубоко вообще и трагически для себя онъ ошибается! Отъ такой характеристики, которую онъ далъ русскому читателю газеты, послѣдній, конечно, не слиняетъ: она характерна, только для г. Гусева, *какъ несомнѣнною представителемъ нѣкоторой части журналистовъ.*

Съ такими взглядами на читателя врядъ-ли можно работать сколько-нибудь продуктивно въ общественномъ смыслѣ. Съ другой стороны, работая такъ, какъ работаетъ эта часть, никогда нельзя чувствовать около себя читателя-друга. Получается какое-то заколдованное кольцо, ужасное по своимъ послѣдствіямъ...

Тридцать лѣтъ тому назадъ наболѣвшее сердце Салтыкова выкрикнуло:

«Читатель! Русскій читатель! Защити!»

И если тогда «возгласъ этотъ потерялся въ шумѣ деревьевъ, охраняющихъ кладбище», то теперь, несомнѣнно, эффектъ былъ бы другой! Тотъ же незабвенный Щедринъ, уже незадолго до своей смерти, констатировалъ читателя-друга, но оговаривался: «ни въ наличности читателя-друга, ни въ его сочувствіи я не сомнѣваюсь, а утверждаю только, что не существуетъ непосредственнаго общенія между читателемъ и писателемъ». Въ этомъ Салтыковъ былъ глубоко правъ: не существуетъ этого общенія въ видѣ *обыкновеннаго* явленія и теперь еще...

А оно нужно обѣимъ сторонамъ, равно страдающимъ отъ разъединенія; оно возможно и существуетъ. г. Гусевъ. Только въ немъ и заключается вся суть нашего общественнаго служенія!

Ну, да оставимъ г. Гусева въ сторонѣ.

Вамъ, читатель, необходимо проникнуться мыслью, что вы

сильны только соединясь съ журналистомъ, что журналистъ безъ вашей поддержки—кабинетный человѣкъ. Идите же на это сближеніе, требуйте отъ писателя вниманія къ вашимъ мнѣніямъ и взглядамъ, судите его, если онъ не правъ, но и поддержите въ случаѣ солидарности и симпатіи. Вѣчно помните, что мы не можемъ, не должны работать иначе, какъ въ полномъ взаимодействіи, если не съ другомъ читателемъ, который пріобрѣтается годами и только тогда и цѣненъ и является лучшей, самой желанной наградой каждаго мыслящаго писателя, — то хоть съ читателемъ-знакомымъ. Что можетъ быть хуже того уклада общественной жизни, когда читатель почитываетъ, а писатель пописываетъ!? Это равнодушіе одного къ другому такъ близко къ тупости и лѣни, что обѣ стороны должны его бѣжать, какъ чумы. Выругайтесь, поддержите, но не спите, не замирайте! Имѣйте смѣлость—для этого ее надо, вѣдь, немного — открыто выражать свои требованія, свои желанія, свои убѣжденія—и тогда мы узнаемъ другъ друга. Нѣтъ ничего гаже и вреднѣе, какъ читательская покорность, не основанная на глубокой солидарности съ писателемъ. Она вырабатывается въ обществѣ дальнѣйшую лѣнь мысли—въ то же время свою мать. — равнодушіе чувствованій, неспособность протестовать совершенно открыто, когда это нужно и должно. Бѣгите отъ школьныхъ прописей. Вы должны относиться критически къ каждой нашей мысли. Только такой путь гарантируетъ вамъ драгоцѣнную внутреннюю сознательную свободу—самое дорогое качество человѣка. Намъ не можетъ быть дорогъ тотъ, кто за наружной складностью мысли и ея хорошимъ стилистическимъ выраженіемъ не можетъ разглядѣть самага нутра, кого привлекаетъ всецѣло, эта чисто обстановочная сторона, у кого послѣ этого не остается мѣста для самостоятельной переработки всего воспринятаго. И очень понятно, что такой читатель при первомъ же удобномъ случаѣ становится въ лагерь перебѣжчиковъ и часто вербуетъ ряды нашихъ же противниковъ—достаточно наступить ему на мозоль. Самая пустая вещь служить поводомъ его нерасположенія къ намъ, которое, впрочемъ, тоже непрочно: достаточно погладить по головкѣ,

чтобы видѣть его снова въ рядахъ союзниковъ и друзей... Нѣтъ, каждому писателю нуженъ читатель-судья, строгій критикъ, ничего намъ не прощающій, ничего не желающій извинять безъ достаточныхъ къ тому оснований. Зато искреннее расположеніе такого читателя даетъ намъ, дѣйствительно хорошаго знакомаго, потомъ пріятеля, а позже, но уже и навсегда—друга. Эта градація обязательна, иначе отношенія наши съ вами подвержены массѣ случайностей.

Пусть писатель поставитъ своимъ девизомъ твердое, независимое слово, пусть читатель приметъ за правило не пропускать случая указать намъ на наши ошибки и заблужденія. Прошло то время, когда писали почти всѣ болѣе или менѣе мыслящіе люди, а остальнымъ приходилось только читать и поучаться. Оно миновало и больше не вернется. Зато теперь не всѣ писатели на уровнѣ своего назначенія, не всѣ читатели должны быть учениками. Сложныя жизненныя условія разсѣяли мыслящую часть общества по разнымъ угламъ и спеціальностямъ, большой ея процентъ просто не имѣетъ возможности заняться литературой, но это далеко не значитъ, что не можетъ. Среди громадной многомилліонной массы читателей есть уже довольно значительный элементъ, который не только можетъ, но обязанъ поддерживать словомъ согласія или протеста своихъ пишущихъ товарищей, — товарищей по одной общей культурной работѣ, цѣль которой, независимо отъ рода дѣятельности, всегда была и будетъ одна и та же—совершенствованіе общества и человѣка, этого исполина духа.

Говорятъ, не каждый умѣетъ такъ написать, чтобы достаточно ясно выразить свою мысль, и потому предпочитаетъ таить ее внутри себя. Но изъ этого выходъ простъ. Ваша обязанность—учиться выражать свои мысли. Кромѣ того, повѣрьте, что писатель, если только онъ достойно занялъ постъ святого общественнаго служенія, всегда сумѣетъ понять присланный ему протестъ или одобреніе. Если онъ любитъ свое дѣло, понимаетъ его великое значеніе, онъ пойметъ и тѣ побужденія, которыя васъ заставили взяться за перо... Если же читатель не вступаетъ въ взаимодѣйствіе съ писателемъ, не дѣлится

съ нимъ своими впечатлѣніями, оставляетъ все внутри себя, если онъ лѣвится написать или рассказать все то, что думаетъ и чувствуетъ, по поводу прочитаннаго,—тогда вы даете намъ поводъ не считаться съ такимъ судьей и критикомъ...

Но, вѣдь, это ужасный прецедентъ! Вы видѣли, куда мы съ нимъ пришли! Всякій вашъ протестъ пріятнѣе теперешняго равнодушнаго молчанія! Въ немъ, по крайней мѣрѣ, видна жизнь, видна мысль, видно желаніе считаться со словомъ, идущимъ, благодаря печатному станку, въ широкія массы. Посмотрите на читателя южанина: какъ онъ твердо начинаетъ проявлять свое я! И мнѣ кажется, съ юга пойдетъ наше оздоровленіе...

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Необходимое введение	1
«Стороннія», «независящія» обстоятельства	9
Приходъ коммерсанта-издателя	24
Ego pia desideria	28
Реклама	30
О перепечаткахъ, юбилеяхъ, обманахъ etc.	37
Наша матеріальная необезпеченность	43
Наша зависимость отъ издателей	62
«Гадъ заводится»	65
«Объективность» и «универсальность»	68
Замаскированная разнузданность	79
Она же въ открытую	90
Конкуренція изданій	96
Обращеніе въ клоаку	99
Театральные рецензенты	110
Женщины-журналисты	113
Надо отгородиться	116
Какъ бороться съ произволомъ издателей	119
Редакція-коллегія	142
Недочеты современной редакціонной организаціи	160
Необходимъ гласный судъ чести	170
Сила связи писателя къ читателямъ	172

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.</i>		<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ.</i>
9	Подъ эпиграфомъ	«Сиб. Жизнь»	«Сиб. Жизнь»
20	12 строка сверху	правится	правителя
21	18 > >	въ	вы
42	3 > >	великолѣпо	великолѣпно
104	8 > снизу	называется	называется.
105	9 > >	Въ 1893	Въ 1893 г.
171	10 > сверху	въ 1902 году	въ 1903 году
